

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

2018

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405а.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: sovnet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Т.М. Григорьева, И.А. Кижнер. Русский язык в европейском контексте (по материалам лексикографических источников XVIII–XIX века)	7
М.Ю. Сидорова, А.А. Липгарт. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1)	21
З.А. Дубинец. Концепт «болезнь» в русской языковой картине мира	39
В.С. Савельев. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 2)	50
Н.И. Клушина, А.В. Люликова, А.В. Николаева, Л.В. Селезнева. Динамика коммуникативных норм в современной русской речи	58
А.Н. Безруков. Диалог художественных сознаний как верификация эстетических координат (Иван Бунин – Милан Кундера – Карлос Кастанеда – Виктор Пелевин)	77
У.Н. Текенова. Эпические произведения Дибаша Каинчина: сравнительный аспект	88
Е.А. Худенко. Реки Алтая в отечественной литературе XX–XXI веков: мифопоэтика и символика	103

Научные сообщения

О.В. Марьяна, Н.Н. Будникова. Вставка как интеграционный и дезинтеграционный синтаксический процесс	117
Н.Н. Шпильная. О диалогической природе производного текста	124
О.В. Кирколуп. Сравнительный лексикографический анализ лексем ПРОТЕСТ / PROTESTATION в русском и французском языках	130

Е.Ю. Сафронова. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: барнаульские впечатления Ф.М. Достоевского	137
Н.А. Хуббитдинова. Башкирский народный эпос в художественной интерпретации в русской литературе XIX века: культурологический аспект	156
Е.М. Каравалева. Функционирование образов и символов китайской культуры в романе Эми Тан «Дочь костоправа»	164

Проблемы филологического образования

М.Г. Иванова. Значение междисциплинарных этнопсихологических исследований применительно к национально ориентированной технологии обучения русскому языку как иностранному	175
Н.В. Халина, Л.М. Комиссарова, Т.Н. Внучкова. Терминологическое сопровождение «визуального поворота» в современной культуре познания	185
Резюме	196
Наши авторы	213

CONTENTS

Articles

T.M. Grigoryeva, I.A. Kizhner. The Russian Language in the European Context (Based on Books and Dictionaries of the XVIII-XIX Century).....	7
M.Yu. Sidorova, A.A. Lipgart. Grammar of Modern Russian Poetry: Subjective Perspective, Predicative Categories, Modus Frames (Part I)	21
Z.A. Dubinets. The Concept of «Illness» in the Russian Linguistic View of the World.....	39
V.S. Savelyev. Chronicle Female Speech Profile (Based on the Material of <i>The Tale of Bygone Years</i>) (Article 2)	50
N.I. Klushina, A.V. Lyulikova, A.V. Nikolaeva, L.V. Selezneva. Dynamics of Communicative Norms in Modern Russian Speech	58
A.N. Bezrukov. The Dialogue of Artistic Consciousness as a Conformation of Aesthetic Views (Ivan Bunin – Milan Kundera – Carlos Castaneda – Victor Pelevin).....	77
U.N. Tekenova. Epic Works by Dibash Kainchin: Comparative Aspect.....	88
E.A. Khudenko. Rivers of Altai in the Russian Literature of the XX–XXI Centuries: Mythopoeitics and Symbolism	103

Scientific Reports

O.V. Maryina, N.N. Budnikova. Insertion as an Integrating and Disintegrating Syntactic Process	117
N.N. Shpilnaya. On the Dialogical Nature of the Derived Text	124
O.V. Kirkolup. Comparative Lexicographical Analysis of Lexemes ППОТЕСТ / PROTESTATION in Russian and French	130
E.Yu. Safronova. Comic story <i>Uncle's Dream</i> : Impressions of Barnaul on F.M. Dostoevsky.....	137

N.A. Khubbitdinova. Bashkir Folk Epos in the Artistic Interpretation in the Russian Literature of the XIX century: Culturological Aspect	156
E.M. Karavaeva. Traditional Chinese Beliefs and Symbols in Amy Tan's <i>The Bonesetter's Daughter</i>	164

The Issues of Philological Education

M.G. Ivanova. Significance of Cross-Disciplinary Ethnopsychological Research in Relation to Ethnic-Focused Technology of Teaching in Russian as a Foreign Language	175
N.V. Khalina, L.M. Komissarova, T.N. Vnuchkova. Terminological Support of «Visual Turn» in Contemporary Culture of Knowledge.....	185
Summary	196
Our authors	213

СТАТЬИ

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XVIII-XIX ВЕКОВ)

Т.М. Григорьева, И.А. Кижнер

Ключевые слова: лексикографические источники, лексикографическая модель, словари, динамика изданий.

Keywords: lexicographic sources, lexicographic pattern, dictionaries, increase of publishing.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-01

«Dictionary authors are generally motivated by a desire to meet a need that previous works did not adequately satisfy, to fill in gaps and often – can we blame them? – to achieve personal renown and commercial success¹»

Русский язык сегодня – важнейший учебный предмет в школе, однако, как известно, до 80-х годов XVIII века он не только не был предметом школьного изучения, но и во многих случаях (при изучении некоторых предметов гимназического курса) не выступал средством общения учащихся и их учителей. При обучении грамоте использовался церковнославянский язык, а при изучении специальных предметов какой-то иностранный. И только 5 августа 1786 года

---

¹ «Авторы словарей обычно стремятся решить задачи, которые не были решены предыдущими авторами, заполнить лакуны, которые остались, несмотря на работу предыдущих составителей, и часто – а можем ли мы их винить? – снискать славу и коммерческий успех»[Cormier, 2010, с. 133] (перевод наш – Т.М., И.А.).

утвержденный императрицей Екатериной II «Устав народным училищам» вводил родной язык как обязательный учебный предмет. Следует заметить, однако, что русский язык активно изучался за пределами России гораздо раньше этого события. Широкая практическая заинтересованность в изучении русского языка, прежде всего торговых слоев различных западноевропейских народов, известна с начала XVI века. Поэтому вполне закономерно отмечается появление именно в этом столетии практических руководств для его изучения – словарей, разговорных справочников [Алексеев, 1984, с. 5].

Разнообразие типов русско-французских и французско-русских словарей, созданных на протяжении XVIII-XIX веков, демонстрирует социальное разнообразие читательской аудитории и увеличение спроса на разные типы изданий как в России, так и за ее пределами. При этом разные типы изданий лексикографических справочников фиксировали, как много раз отмечалось лексикографами (см., например: [Апресян, 1993, с. 8; Дубчинский, 2008, с. 15-16]), тот пласт социальной, профессиональной и культурной жизни, который был интересен аудитории словаря, заполнял лакуны, которые не были включены в языковую картину, представленную авторами предыдущих изданий [Cormier, 2010, с. 133]. В этом смысле несомненный интерес представляют русско-французские и французско-русские словари как отражение процессов взаимодействия двух языков, вызванных в первую очередь социальными и историческими причинами [Биржакова, 2013, Гречаная, 2010]. Важность интеграции русского языка в европейское языковое пространство и освоения французского языка, «международного языка XVIII века» [Кислова, 2015, с. 17], подчеркивалась уже в этот период. Так, Е.Э. Биржакова, цитируя предисловие к «Новому лексикону» И.В. Соца [Соц, 1784], показывает, что французский воспринимался как «всеобщий» язык самых разных сословий. Французский язык использовался «при знатнейших дворах как между придворными, так равно между учеными, между дворянством, между купечеством и между людьми самого средственнаго состояния» (цит. по: [Биржакова, 2013, с. 102]).

Во второй половине XVIII века на первых этапах становления русско-французской лексикографии требовался язык-посредник, чаще всего немецкий. Е.Э. Биржакова описывает особенности этого процесса следующим образом: «Для создания переводного иноязычно-русского словаря привлекались обычно словари того же типа, то есть переводные. При этом переводчик оставлял, как правило, весь корпус словаря-оригинала – его реестровую часть и уже переведенную, добавляя к ним русскоязычный перевод. Таким образом двуязычный

словарь становился трехязычным, трехязычный – четырехязычным. Сам состав переводящих языков в используемых словарях представлен набором из трех языков – итальянского, латинского и немецкого. На первом месте немецкий язык <...>, на втором – латинский <...>, на последнем – итальянский <...>. Такой принудительный состав переводящих языков и их распределение по частотной шкале в целом соответствовали их месту и роли в российской культуре второй половины XVIII века» [Биржакова, 2013, с. 106-107].

Развитию лексикографической деятельности в конце XVIII века во многом способствовала работа над Словарем Академии Российской [Viellard, 2006; Биржакова, 2010]. В это время работа над многоязычными словарями общего характера тоже приобрела более серьезный, академический характер. На рубеже XVIII и XIX века в эту деятельность включился И.А. Гейм, профессор Московского университета, выпускник Геттингенского и Гельмштадского университетов эпохи Просвещения [Ершова, 2011]. Русско-французско-немецкие, немецко-русско-французские и французско-русско-немецкие словари Гейма выдержали ряд переизданий, в том числе и за рубежом, и в известной степени удовлетворили спрос на подобные издания.

Динамика издания лексикографических источников в XVIII–XIX веке

Процесс интеграции русского языка в европейскую языковую среду посредством его взаимодействия с французским языком приводил к созданию лексикографических моделей определенных пластов русского языка, которые были включены в это взаимодействие. В этом контексте несомненный интерес представляет фиксация тех периодов, когда во взаимодействии включались новые действующие лица, аудитория изданий расширялась, и словари демонстрировали новые способы и поводы интеграции русского языка в европейскую языковую среду. Не менее интересным оказывается спектр языков многоязычных словарей, где русский язык либо являлся языком-посредником при введении иного языка в европейское языковое пространство, либо сам требовал посредника, особенно на начальных этапах освоения общей или профессионально лексики.

Цель данной статьи – показать динамику издания новых словарей, отражающих взаимодействие русского и других европейских языков (в частности – французского) в XVIII – XIX веках. Представление общего объема изданий не входило в задачи исследования, поскольку тиражи словарей не обозначены в самих

изданиях и сопутствующей литературе¹. Трудно определить количество переизданий того или иного словаря, поэтому мы не стремились исследовать общую динамику взаимодействия, например, русского и французского языков в Европе. Однако появление новых изданий и типов словарей свидетельствует о сегментации рынка, появлении новой аудитории и, таким образом, возникновении новых моделей взаимодействия русского языка с другими европейскими языками.

В исследовании использованы библиографические данные каталогов Российской государственной библиотеки², Национальной библиотеки Франции³, Библиотеки Оксфордского университета⁴, объединенного электронного каталога британских научных библиотек СОРАС⁵, издания «Словари XVIII века» [Вомперский, 1986], работ, посвященных исследованию взаимодействия русского и немецкого [Ершова, 2013], русского и английского [Грищенко, 2013] языков. Данные составили таблицу с учетом года издания, количества языков в словаре (двуязычные и многоязычные словари), и языков, включенных в многоязычные словари, был проведен количественный анализ библиографических данных, полученных с помощью библиотечных каталогов.

Помимо этого использованы научные работы, анализирующие лексикографические источники исследуемого периода, и, конечно, тексты предисловий и тексты словарных статей исследуемых словарей в тех случаях, когда цифровая копия издания была доступна для анализа. Мы не учитывали словари, включенные в грамматики и учебные пособия, поскольку стремились показать самостоятельные издания, цель которых – представить лексикографическую языковую модель. Мы сравниваем данные русско-французских / французско-русских словарей со словарями подобного типа, где одним из компонентов является немецкий [Ершова, 2013] и английский язык [Грищенко, 2013].

Исследование позволяет заключить, что между 1750 и 1920 годами в России и за ее пределами было опубликовано около 130

---

¹ В работе Биржаковой о словарях XVIII века [Биржакова, 2013] представлены приблизительные оценки тиражей для словарей восемнадцатого века, показано, что самый малый тираж составлял 1200 экземпляров, самый большой - 2500 экземпляров. Способ определения тиражей словарей для разных десятилетий XIX века нам неизвестен.

² <https://www.rsl.ru>

³ <http://www.bnf.fr/fr/acc/x.accueil.html>

⁴ <https://www.bodleian.ox.ac.uk/bodley>

⁵ <https://copac.jisc.ac.uk>

словарей, включающих русский и французский языки. Двужычные словари и многоязычные словари были распределены примерно поровну (60 двужычных словарей и около 70 многоязычных словарей с включением разных языков, помимо русского и французского).

Полученные результаты подтверждают факт взаимодействия русского и французского языков, который можно рассматривать как фактор интеграции России в европейское языковое пространство (см., например, Offord et al, 2015).

Многоязычные словари с включением русского и французского языков

Все многоязычные словари выборки включали материалы русского и французского языков; при этом основными дополнительными языками многоязычных словарей были немецкий, английский и латинский, а русский язык рассматривался как часть европейского языкового пространства (при сопоставлении с французским языком) (Табл. 1).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК	КОЛИЧЕСТВО НОВЫХ ИЗДАНИЙ
Немецкий	48
Английский	30
Латинский	17
Итальянский	10
Испанский	4
Польский	4
Шведский	4
Голландский	3
Латышский	3
Греческий	3
Грузинский	2

Табл. 1. Распределение языков в многоязычных словарях выборки (N = 70)

Итальянский язык как дополнительный язык словарей в нашей выборке¹ не является единственным языком, следующим за немецким и латинским. В словарях XVIII века с включением русского и французского языков мы видим пять словарей с дополнительным итальянским и четыре словаря с дополнительным английским языком. Латинский язык появляется в восьми словарях из семнадцати словарей выборки, в то время как немецкий присутствует в тринадцати словарях. Немецкий язык не включен в двуязычные словари, которые являлись переводами Словаря Академии французской [Словарь, Французскою Академией сочиненный..., 1773; Полный французский и русский лексикон, 1786] и два терминологических словаря [Максимович-Амбодик, 1783; Шишков, 1795].

Русско-французские / французско-русские словари, в которых дополнительным языком был немецкий (Рис. 1), хорошо отражают популярность немецкого языка, достаточно часто выступающего в роли языка-посредника при сопоставлении с русским и французским. Так, например, первый французско-русский словарь [Новой лексикон, 1755, 1764] был переводом французско-немецко-латинского словаря, изданного для взаимодействия французско- и немецкоязычной аудитории во Франкфурте [Dictionnaire, 1744]. Словари с немецким языком в качестве дополнительного составляют 80% всех многоязычных словарей в выборке. Издание словарей с включением русского, французского и немецкого языков показывает устойчивый рост во II половине XVIII века и стабилизацию рынка в начале XIX века, когда новые словари практически не появлялись. Обнаруживается также увеличение количества изданий, демонстрирующих социальное и профессиональное разнообразие читательской аудитории (значительный рост количества терминологических словарей) на рубеже XIX-XX веков, пик увеличения количества изданий приходится на 1900-е годы.

---

¹ Словари выборки данного исследования отличаются от выборки, представленной в работе Е.А. Биржаковой.

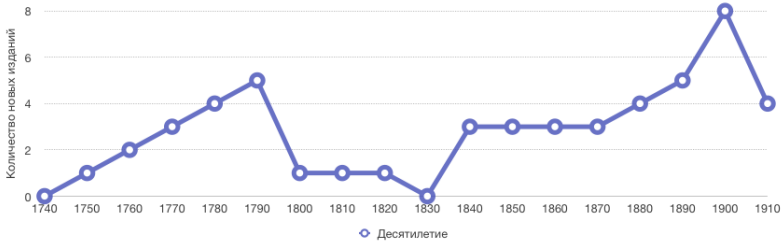

Рис. 1. Распределение количества новых изданий словарей, включающих русский, французский и немецкий языки

Число словарей, объединяющих русский, французский и английский языки (Рис. 2) резко возрастает во II половине XIX века по сравнению с XVIII веком.

Рис. 2. Распределение количества новых изданий словарей, включающих русский, французский и английский языки

Третий по популярности латинский язык входил в треть многоязычных словарей, составленных в исследуемый период. Пики популярности латинского языка в сопоставлении с русским и французским языками приходятся на 1780-е, 1840-е и 1890-е годы (Рис. 3). Латинский язык входил как в словари научной лексики (медицинские, ботанические, фармацевтические словари), так и в словари общего характера, особенно в XVIII и первой половине XIX века, когда он служил языком-посредником на первых этапах взаимодействия русского и французского языков.

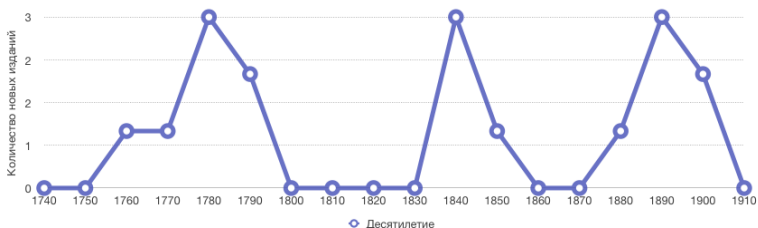

Рис. 3. Распределение количества новых изданий словарей, включающих русский, французский и латинский языки

Многоязычные терминологические словари конца XVIII века представлены в нашей выборке двумя медицинскими словарями Н.М. Максимовича-Амбодика (1783, 1789), морским словарем А.С. Шишкова (1795) и торговым словарем Филиппа Андреаса Немнича (1799). Значение медицинских словарей Н.М. Максимовича-Амбодика для развития анатомической терминологии на русском языке не раз обсуждалось в литературе [Романов, Доросевич, 2009; Гайворонский, 2013]. Морской словарь А.С. Шишкова способствовал сопоставлению морской терминологии на русском языке с английскими и французскими терминами, поскольку во второй половине XVIII века французские книги по морской тактике, кораблестроению и морскому искусству не уступали в популярности книгам на английском языке [Веселаго, 1939]. Торговый словарь Филиппа Немнича был изданием практического характера, тем типом издания, который был направлен на снижение коммерческого успеха [Cognier, 2010]. Русская часть словаря подробно описана Адамом Фаловским [2008] и включает около 700 названий товаров. Остальные части вводят переводы названий с немецкого, голландского, шведского, французского, итальянского, испанского, португальского, польского и латинского на английский язык. Словарь представляет несомненный интерес как с лингвистической, так и исторической точек зрения.

Следующий пик интереса к многоязычным словарям, вызвавший появление новых изданий, возник только в 1830-е – 1840-е годы. В этот период появляются три терминологических словаря: морской [Бутаков, 1837], медицинский [Гринберг, 1840] и зоолого-ботанический [Ertel, 1843]. Словари Ф. Рейфа, основанные на его же «Русском Этимологическом словаре» и созданные для

ознакомления европейской аудитории с русским языком, тоже появляются в этот период [Якимович, 1985; Грищенко, 2011].

Несомненный интерес в рамках настоящего исследования представляют словари, созданные в университетской среде учеными, которые проводили подробные филологические исследования, изучая те языки, интерес к которым стал новым явлением для европейской филологической науки. В этом случае русский язык многоязычного словаря выступал в качестве языка-посредника [Чубинов, 1840; Ковалевский, 1843]. Таким образом, работа над словарями второй трети XIX века резко отличалась от предшествующего периода тем, что их авторы либо были известны как опытные филологи и исследователи (Д.И. Чубинов, О.М. Ковалевский, Ф. Рейф), либо опирались на предшествующую лексикографическую традицию (например, словари Е.И. Ольшевского).

Конец XIX века демонстрирует значительную сегментацию аудитории словарей, связанную с развитием профессиональных и инженерных занятий [Якимович, 1985]. Полученные данные показывают, что из 22 многоязычных словарей выборки, изданных между 1880 и 1910 годами, 15 словарей (2/3 изданий) являются терминологическими справочниками для работы в медицине, коммерции, банковском деле, инженерной и технической области.

Многоязычные словари с русско-французской и францужско-русской составляющей чаще всего включали немецкий и английский языки. Результаты исследования обнаруживают, что количество лексикографических изданий с включением французского языка (как многоязычных, так и двуязычных) несколько уступало количеству подобных изданий, включающих немецкий язык (97 изданий с включением французского языка и 116 изданий с включением немецкого языка)¹. Первые словари, сопоставляющие русский и немецкий языки, были составлены в середине XVI века, при этом в течение XVIII века появились три новых словаря. Издания, объединяющие французский и русский язык, впервые появились в середине XVIII века (на двести лет позже). «Парижский словарь московитов 1586 года» [Boyer, 1905; Ларин, 1948], изданный в конце XVI века, не отражает устойчивой тенденции к созданию лексикографических справочников,

---

¹ Работа Ершовой [Ершова, 2013] предоставляет данные до конца XIX века. Сравнение, предложенное в нашей работе, основано на сопоставимых данных (до конца XIX века).

своей традицией взаимодействия русского и немецкого языков.

Динамика появления двуязычных словарей

Устойчивое появление новых изданий двуязычных словарей вплоть до конца XVIII века (Рис. 4) показывает, что спрос на словари, отражающие взаимодействие русского и французского языков (в первую очередь переводные словари, основанные на словаре Французской Академии) не удовлетворялся многоязычными словарями. Уникален пик появления новых изданий в 1810-е годы. Последующая сегментация аудитории в 1840-е и 1890-е годы отражает общую тенденцию создания лексикографических моделей для взаимодействия с разной читательской аудиторией, которая находит отражение и в динамике появления многоязычных словарей с включением русского и французского языков (Рис. 5).

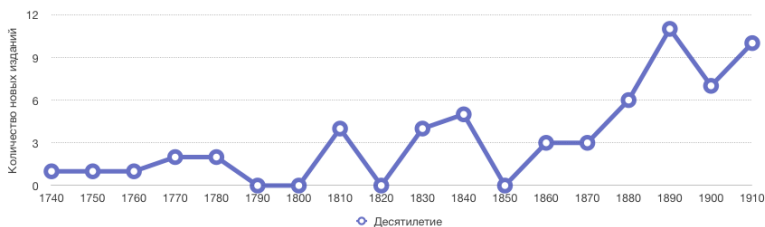

Рис. 4. Распределение количества новых изданий двуязычных словарей, включающих русский и французский языки

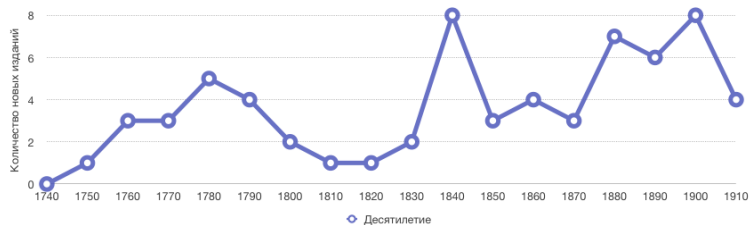

Рис. 5. Распределение количества новых изданий многоязычных словарей, включающих русский и французский языки

Причины появления новых лексикографических изданий

Возможные причины распределения количества новых лексикографических источников представлены в социологических и лингвистических исследованиях, посвященных исследуемому периоду. Конец XVIII века демонстрирует первый пик в количестве

русских словарей, связанных с французским языком. Одним из объяснений этого явления (помимо исторических и социальных причин) является подготовка к работе над Словарем Академии Российской, который создавался в значительной мере в соответствии с принципами Словаря Французской академии¹ [Viellard, 2006; Захарова, 2009; Биржакова, 2010, с. 141-142]. При этом одной из причин, напротив, резкого снижения количества изданных на рубеже XVIII-XIX века словарей могут быть ограничения в изучении французского языка, вызванные Великой французской революцией. Так, например, Е.И. Кислова указывает на некоторые ограничения, а возможно даже формальное запрещение изучения французского языка в некоторых семинариях между 1794 и 1802 годами [Кислова, 2015, с. 22].

Мы полагаем, что одним из возможных объяснений может быть и тот факт, что спрос на словари был удовлетворен переводом Словаря Академии французской [Полный французский и русский лексикон..., 1786] и переизданием этого словаря в 1798 году. Кроме того, на рубеже XVIII-XIX веков появились русско-немецко-французские (немецко-русско-французские) словари Ивана Гейма, выдержавшие ряд переизданий в начале XIX века. Таким образом, к концу XVIII века русский язык был введен в европейское языковое пространство на уровне словарей общей лексики.

Следующий пик появления новых двуязычных словарей (Рис. 4), а следовательно, и новой аудитории, связан с взятием Парижа союзными войсками в 1814 году. «Vocabulaire français-russe, à l'usage des Français et des troupes alliées russes»² составлен автором, который не был знаком с русским языком и пользовался помощью офицеров союзных войск, многие из которых «ayant une parfait connaissance de la langue française et une bonne diction dans leur langue naturelle, qui nous ont donnéla véritable prononciation»³[Vocabulaire française-russe., 1815]. Впрочем, информант автора, вероятно, пользовался диалектными выражениями, и в этом смысле словарь не может служить точным отражением языка русских офицеров начала XIX века (ср. *не*

¹ О разнице между Словарем Французской академии и Словарем Академии Российской см. [Viellard, 2006; Биржакова, 2010].

² Французско-русский словарь для использования французами и союзными русскими войсками (перевод наш – Т.М., И.А.).

³ «...отлично владели французским языком, произносили слова родного языка четко и внятно, а также предоставляли нам варианты истинного произношения» (перевод наш – Т.М., И.А.).

zamaître в значении *отпущение (laisser)* или *скотина* в значении *животное (animal)*.

По нашему мнению, активное издание словарей в 1840-е годы связано с развитием университетской науки и достижениями в области лингвистики и лексикографии в первой трети XIX века. Еще одна причина появления новых изданий – работа над терминологическими словарями и популярность словарей, выдержавших ряд переизданий, в том числе в Германии, где русско-французские и французско-русские словари издавались для европейского читателя.

Заключение

Таким образом, выявленные особенности издания лексикографических источников, связанных с изучением русского языка и интеграцией русского языка в европейское пространство (в частности – при сопоставлении с французским языком), обнаруживают, что появление новых изданий словарей свидетельствует о расширении читательской аудитории и сегментации рынка, связанной с появлением новых направлений взаимодействия русского и французского языков в европейском контексте. При этом нельзя не подчеркнуть важность немецкого и латинского языков как языков посредников при освоении новых лингвистических пластов и введении русского языка в европейское языковое пространство, а также позднее появление английского языка в качестве языка-посредника или, скорее, как языка, для которого требовался язык-посредник.

Исследованный лексикографический материал обнаруживает пики спроса на разные издания словарей, и это связано с работой Академии наук в конце XVIII века, деятельностью филологов и лексикографов в середине XIX века и расширением филологической деятельности в конце XIX века. При этом язык-посредник (чаще всего немецкий) присутствует в большом количестве изданий общего характера в конце XVIII века и терминологических словарях во второй половине XIX века (за исключением словарей Рейфа, которые издавались в этот период для зарубежной аудитории).

Следует отметить также, что французско-русские и русско-французские словари появились в России и Европе значительно позже словарей, обеспечивающих коммуникацию с немецкоязычным миром и несколько раньше англо-русских / русско-английских словарей.

Таким образом, словари действительно демонстрируют вектор диалога между европейским (в частности – французским) и

российским образованным обществом; полученные результаты подтверждают факт взаимодействия русского и французского языков, который можно рассматривать как фактор интеграции России в европейское языковое пространство (см., например, [Offord et al, 2015]).

Дальнейшие направления исследования могли бы быть связаны с определением взаимодействия авторов словарей на уровне социальных и профессиональных контактов с целью определения тех профессиональных кругов, в которых задумывались и издавались дву- и многоязычные словари, включающие русский язык.

Литература

- Алексеев М.П. Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопросы языкознания. 1984. № 2.
- Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция НБАРСа // НБАРС. М., 1993. Т. 1.
- Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века. СПб, 2010.
- Биржакова Е.Э. Французско-русская лексикография XVIII века (Репертуар. Французский и Российский Лексикон 1786 года) // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. СПб., 2013.
- Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М., 1939.
- Вомперский В.П. Словари XVIII века. М., 1986.
- Гайворонский И.В. Нормальная анатомия человека. СПб., 2013.
- Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – I половина XIX века). М., 2010.
- Грищенко Н.А. Ф.И. Рейф как миссионер русского языка и русской культуры // Вестник ИГЛУ. 2011. № 3.
- Грищенко Н.А. Русский язык в Великобритании XIX – I пол. XX вв. Приложение А: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2013.
- Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. М., 2008.
- Захарова Е.А. Отражение лексикографической практики «Словаря Академии Французской» в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Российская академия (1783–1841): язык и литература России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009.
- Ершова Е.О. И.А. Гейм на службе русскому языку и российскому просвещению // Филология и человек. 2011. № 1.
- Ершова Е.О. Русский язык в немецкоязычном мире XVI–XIX вв.: историко-социолингвистическое исследование учебной литературы разных жанров. Приложение В: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Кислова Е.И. Французский язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия «Филология». 2015. № 4 (44).
- Ларин Б.А. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига, 1948.
- Романов Н.А., Доросевич А.Е. Первый русский анатомический словарь // Морфология. 2009. Т. 135.
- Якимович Ю.К. Деятели русской культуры и словарное дело. М., 1985.

Boyer Paul. Un vocabulaire français-russe de la fin du XVIIe siècle, extrait du Grand Insulaire d'AndréThevet: manuscrit de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1905.

Cormier Monique. New perspectives on seventeenth and eighteenth century European lexicography // International Journal of Lexicography. 2010. Vol. 23, n°2.

Fałowski Adam. Słownictwo rosyjskie w «Waaren-Lexicon in zwölf Sprachen» Ph.A. Nemnich, Wydawnictwo UJ, Kraków, 2008.

Offord D., Ryazanova-Clarke L., Rjéoutski V., and Argent G. French and Russian in Imperial Russia: Language Attitudes and Identity. Edinburgh, 2015.

Viellard Stéphane. Quand la Russie voulait surpasser ses modèles: l'aventure du Dictionnaire de l'Académie russe, in XVIIIe siècle // Dictionnaires en Europe. 2006. №38.

Словари

Бутаков А. Словарь морских слов и речений, с английского на французский и русский языки. СПб., 1837.

Гринберг Л.П. Терминологический медицинский словарь на латинском, немецком, французском и русском языках, со включением выражений, относящихся к фармации, медицинской физике, химии, зоологии, ботанике, минералогии и ветеринарному искусству. СПб, 1840.

Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1844.

Максимович-Амбодик Н.М. Анатомико-физиологический словарь. СПб., 1783.

Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу асессора Сергея Волчкова. СПб., 1755, 1764. Ч. 1-2.

Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1786. Т. 1-2.

Соц И.В. Новый лексикон или Словарь на французском, италянском, немецком, латинском и российском языках... М., 1784-1787.

Словарь, Французкою академиею сочиненный (...) с прибавлением российского языка. Буква А. СПб., 1773.

Шишков А.С. Трехязычный морской словарь на английском, французском и российском языках в трех частях. СПб., 1795.

Чубинов Д.Е. Грузино-русско-французский словарь. СПб., 1840.

Dictionnaire du voyageur françois – allemand – latin et allemand – françois – latin. Francfort, 1744.

Ertel Vasil. Dictionnaire complet de Zoologie et de Botanique en langues Française, Russe et Latine: Supplément au Dictionnaire Française-Russe de Mr. B. Oertel. St. Peterburg, 1843.

Nemnich P.A. An Universal European dictionary of merchandise, in the English, German, Dutch, Swedish, French, Italian, Spanish, Portuguese, Russian, Polish and Latin languages. London, 1799.

**ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ:
СУБЪЕКТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, ПРЕДИКАТИВНЫЕ
КАТЕГОРИИ, МОДУСНЫЕ РАМКИ
(ЧАСТЬ 1)**

М.Ю. Сидорова¹, А.А. Лунгарт

Ключевые слова: грамматика поэзии, предикативные категории, субъект, модальность, время, русская поэзия.

Keywords: grammar of poetry, predicative categories, subject, modality, tense, Russian poetry.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-02

Грамматические особенности поэзии формируются двумя факторами, проистекающими из ее простейшего определения как одной из форм **искусства слова**. Во-первых, они связаны с устройством грамматической системы национального языка, с теми потенциями, которые в ней заложены с разной степенью очевидности и могут быть творчески реализованы автором (от типологических характеристик до конкретных грамматических признаков уровня слова, предложения и текста), во-вторых – с конститутивными свойствами поэтического текста в целом и в данной культуре, то есть с тем, что входит в «презумпцию поэзии» [Лотман, 1996]. Во втором случае речь идет о таких свойствах, как субъективность, множественность толкований («модальная неопределенность» [Левин, 1998], «множественная референция» [Ревзина, 1981, 1990, 1995, 2002]), суггестивность («сказочность» [Ларин, 1997]), двойное членение [Шапир, 1995, 2015], теснота стихового ряда (повышенная сукцессивность) [Тынянов, 1965; Гаспаров, 1997], фрагментарность (малый объем и самостоятельность мотивов) [Тынянов, 1965; Гинзбург, 1987; Томашевский, 1996].

Сказанное релевантно и для диахронического анализа национальной поэзии, и для ее рассмотрения на каком-либо синхронном срезе: «Системность поэтического языка обнаруживает себя также в том, что на каждом конкретном этапе своего развития он обладает внутренне согласованной совокупностью выразительных средств, позволяющих передать обязательные для поэтического текста

---

¹ Работа выполнена М.Ю. Сидоровой при поддержке РФНФ (проект 16-24-10001 «Параллельные процессы в языке современной русской и китайской поэзии»).

смыслы» [Ревзина, 1990, с. 39]. Мы полагаем, что в качестве «обязательных для поэтического текста смыслов» можно понимать и «обязательные смыслы» эпохи – такие, которые Р.-М. Рильке в своем докладе о Родене называл «внутренний мир, созданный этой эпохой» [Рильке, 1970] (это не значит, что отдельная творческая личность, подобно Родену, не может противоречить этим «обязательным смыслам»). При общей стабильности грамматической системы языка и, тем более, его типологических характеристик, в различные периоды развития его поэтической сферы оказываются более или менее востребованы, актуализованы те или иные явления, единицы, категории, имеющие максимальную функциональную значимость в свете текущих тенденций развития поэтического языка. Поиск новых форм в современной русской поэзии обостряет интерес к тем грамматическим средствам, которые позволяют выявить новые грани субъективности поэтического высказывания, «расположить» его во множестве возможных миров с необходимой поэту долей конкретности и обобщенности и попробовать новые пути к решению противоречия не разрешимого, но крайне плодотворного в своей неразрешимости, – между суггестивностью, зачаровывающе-внушающим воздействием поэтического текста, предполагающего у читателя способность к интуитивному постижению, и строгой логикой грамматических правил, нормирующих языковую деятельность и предписывающих языковому сознанию матрицы, образцы, шаблоны оформления и комбинации единиц. Шире говоря, это противоречие между дискретностью и упорядоченностью языка, конечностью и структурированностью языкового высказывания и недискретностью действительности, представляющей собой сплошной поток впечатлений, и «потоковостью» сознания, никогда не останавливающегося и не приобретающего конечные, «скульптурные» формы.

В поэзии синтаксические правила, служащие в общелитературном языке основным фактором упорядочения линейного потока речи [Beaugrande, 1980] – структурирования, членения его на отдельные высказывания и построения этих высказываний из сопряженных формальными и семантическими связями лексических единиц, – все более утрачивают свое господство над строем предложения и текста. «Ритмическое членение» стиха выступает не только во взаимодействии с синтаксической организацией, но и как ее альтернатива. Неизбежный баланс между сознательным стремлением человека к порядку и его бессознательной тягой к хаосу сопротивляется переизбытку упорядочивающих факторов, торжеству предсказуемости в

последовательном ряду и заставляет синтаксическую и ритмическую структуры не только «сотрудничать», но конкурировать: «при замещении интонационно-фразовых связей интонационно-ритмическими теснота синтаксических связей <...> ослабляется» [Невзглядова, 1998, с. 61]. Другое конститутивное свойство лирического текста – множественность референции, казалось бы, девальвирует все шифтерные категории, придает предикативным характеристикам и дейктическим показателям текста амбивалентный, релятивный характер, что приводит к активизации лишенных морфологических показателей предикативности инфинитивных и номинативных предложений. Категоризирующий и синтетический потенциал русской морфологии воспринимается как избыточный, окончания усекаются, слово общезыковое приобретает способность к миграции в иную часть речи, слово окказиональное создается так, чтобы у читателя был выбор его морфологического (категориального) осмысления. Наконец, фрагментарность лирической формы, ее меньший объем и большая самостоятельность мотивов снимают грамматическую «суперсегментность»: для соположения образов в сознании читателя, то есть в плане содержания, не требуется экспликации соответствующей связи грамматическими средствами в плане выражения.

В любом случае поэтическое высказывание остается высказыванием: его коммуникативная функция модифицируется эстетической, но не перечеркивается; у него есть автор и реципиент (коммуникативная рамка), денотат (план содержания) и линеаризованная последовательность языковых знаков (план содержания); наконец, оно создается для функционирования в определенной коммуникативной ситуации (среде) по ее правилам и интерпретируется на основе соответствующих презумпций. Соответственно фундаментом поэтического высказывания, как и любого общезыкового высказывания, служат категории, оформляющие отношения между говорящим и адресатом, говорящим и содержанием высказывания, адресатом и содержанием высказывания, субъектом и предикатом, содержанием высказывания и действительностью, говорящим и действительностью. Эффективность естественного языка состоит в том, что все эти типы отношений обеспечиваются одними и теми же грамматическими категориями лица (субъекта), времени и модальности, составляющими единую категорию предикативности, центром которой является Я говорящего. Еще Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал: «Предицируя, мы как бы имеем в виду себя, свою личность, мы ощущаем или сознаем себя как

виновника акта предикативности, так предложение “снег бел” заключает в себе, в скрытом виде, – следующее – невыраженное – движение мысли: “я говорю, думаю, знаю, полагаю, утверждаю и т.д., что признак белизны должен или может быть приписан снегу как предикат”» [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 28].

Категория предикативности является интегральной не только в плане содержания. Ее план выражения включает в себя и лексические, и грамматические, и интонационные, и (на письме) пунктуационные средства. Основанную на сущностных свойствах референциальности и линейности поэтического текста значимость предикативных категорий при анализе лирической поэзии трудно переоценить. В русской филологии ее наиболее полно отразила концепция «предикативности» поэтического текста как целого («единого сложного предиката») И.И. Ковтуновой [Ковтунова, 1988]. В западной – особая предикативность лирической поэзии была положена в основу выделения «чистых» образцов этого типа художественных текстов у Р. Шампиньи. По мнению Шампиньи, «чистая поэзия» характеризуется «вневременностью» (*intemporability*), отсутствием различий между субъектом и метафорическим предикатом, сюжетного развития (последовательных «стадий превращения»). Одним из типологических вариантов поэтической стратегии является «*resonant juxtaposition: a mosaic of bits of prose (sentences with or without verbs), each of which can be tagged narrative, dramatic, proverbial or even philosophical, but which are not assembled in any of these ways*». Образцом такого типа текста могут служить стансы Г. Апполинера, в которых «*the poetic echoes rely basically on a play of verb orientation (persons, tenses, moods). This technique, which requires a langue with a rich verb morphology, shows clearly how shifters can be divested of their prosaic missions; pronouns, for instance, are not allowed to designate individuals*» [Champigny, 1981, с. 159-160]. Заметим, что в скобках Шампиньи перечисляет именно предикативные категории.

Ощущая подсказанную самим устройством и функционированием языка необходимость выхода в осмыслении перечисленных видов отношений за пределы субъектно-предикатной пары и за пределы предложения – в текст, современная антропоцентрическая лингвистика обнаружила и другие, взаимодействующие и пересекающиеся с предикативными, механизмы, обслуживающие эти отношения. Это субъектная перспектива [Онипенко, 1994; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004], пространственно-временная локализация [Булыгина, Шмелев, 1989], модусно-диктумная организация предложения и текста [Балли, 1955;

Арутюнова, 1988; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004; Сидорова, 2001].

Далее мы остановимся на некоторых характерных особенностях современной русской поэзии, связанных с использованием перечисленных грамматических механизмов. Как ясно из сказанного, обсуждение будет вестись в рамках функционально-грамматической парадигмы, то есть, во-первых, с опорой на утверждение «that the primary interpretative procedures used in the reading of a literary text are linguistic procedures» [Carter, 1995, с. 4]; во-вторых, исходя из лежащего в основе функционального подхода понимания грамматики как системы правил, с помощью которых носитель естественного языка строит и интерпретирует тексты разного функционального назначения, используя потенциал находящейся в его распоряжении языковой системы и знание об условиях функционирования текста. Лирическое стихотворение, как и любой другой жанр, «функционирует как горизонтальные ожидания для слушающих и модель создания для говорящих, как существующий интересубъективно комплекс указаний, регулирующих определенную сферу языкового поведения (текстов) и имеющих разную степень категоричности» [Гайда, 1980, с. 25]. На пересечении типологических характеристик лирической поэзии и русской грамматики («среды» и «системы» в терминологии А.В. Бондарко) мы и будем искать те языковые средства, которые востребованы для обнаружения «обязательных смыслов» эпохи, «созданного» ею внутреннего мира.

Категория субъекта, которая является, с одной стороны, фундаментом предикативности, с другой – базовой категорией лирической поэзии [Ковтунова, 1986, с. 2003; Гин, 1982], выражается в русской морфологии глагольными и местоименными формами 1, 2 и 3 лица, а в синтаксисе обнаруживает гораздо более богатый план выражения, далеко выходящий за пределы глагольных окончаний лица и парадигмы личных и притяжательных местоимений, и план содержания, включающий вторичные значения личных форм, неопределенность и обобщенно-личность, неопределенно-предметность, инволюнтивность, категорию «свой – чужой» и т.п. Не останавливаясь на описании поэтических эффектов «нарушений морфологического согласования» между подлежащим и сказуемым типа *Скружились, отчужденно смотрят мы* (Г. Сапфир); *И Мы задохнутся от пуха через год, и боги уйдут в подземелья* (В. Соснора) и отклонений от общезыкового режима использования эгоцентриков типа *Было! — в тридцать седьмой год от рожденья меня я шел по пескам к Восходу* (В. Соснора) (и то и другое достаточно подробно

рассмотрено в [Зубова, 2010]), мы сконцентрируемся на выходящих за пределы отдельного предложения операциях со средствами организации субъектной перспективы, демонстрирующих более сложное взаимодействие между лексикой и грамматикой, между системой языка и системой поэзии.

Обоснование важности рассмотрения предикативной категории лица, субъектной перспективы, модусных рамок при анализе грамматики современной русской поэзии тривиально: именно категории, связанные с субъектностью, находятся в центре рефлексии поэта – нашего современника. «Я – это то, что было расколото еще во времена раннего модерна и что все еще не получается собрать. Такая постановка вопроса тривиальна: она тянет за собой весь ворох больших нарративов о XX веке – здесь и длительность Бергсона, и дегуманизация Ортеги-и-Гассета, и темное Просвещение Адорно, и гегельянский конец истории Кожева, и постмодерн Джеймисона и Лиотара, и номадический субъект Делеза, и коллапсирующий космос Ильенкова. Этот перечень наводит, конечно, скуку, хотя сами вопросы остаются все такими же волнующими: возможно ли достичь цельности внутри Я, преодолеть принципиальную прерывность опыта; где проходят границы Я и почему так трудно порой бывает понять, чем Я отличается от Другого? Эти вопросы могут показаться праздными, но, по-моему, они очень актуальны в ситуации, когда мы затоплены речью, исходящей из самых разных точек информационного пространства, смешивающейся в колючий клубок, так, что очень трудно понять, где твое переживание или мысль, а где – подсказанное этим потоком» (К. Корчагин)¹.

Приписывание слова тому или другому из претендующих на него субъектов в лирическом стихотворении открывает перед читателем возможность множественных толкований, допустимых с разной степенью вероятности, как это происходит в следующем стихотворении Б. Панкина²:

(1) вдохновения не бывает
бывает боль
бесконечная безнадежная злая боль
ты смотришь в недоумении что с тобой
ты спрашиваешь опрометчиво что с тобой
и я отвечаю подробно в деталях что
со мною случилось подробно в деталях что

---

¹ См. об этом: Гефтер. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/22638>.

² Здесь и далее: жирный шрифт в поэтических цитатах – наш, курсивное выделение – авторское.

со мною случилось подробно в деталях **стоп**
ты говоришь мне испуганно стой ты трешь свой лоб
ты говоришь мне испуганно стой ты морщишь лоб
ты ищешь слова подбираешь с трудом слова
ты привыкла что ты всегда и во всем права
ты говоришь мне нечем дышать болит голова
ты говоришь мне устала болит голова
и я тебе верю конечно болит голова
приляг отдохни ты устала болит голова
приляг отдохни
я складываю слова
строчка за строчкой как волны одна за другой
вдохновения не бывает бывает боль
(Б. Панкин)

Кому принадлежит слово *стоп*, зависшее на конце строчки, – лирическому герою или его собеседнице? Где начинается и кончается прямая речь в строчках *ты говоришь мне испуганно стой ты трешь свой лоб / ты говоришь мне испуганно стой ты морщишь лоб... / ты говоришь мне нечем дышать болит голова / ты говоришь мне устала болит голова / и я тебе верю конечно болит голова / приляг отдохни ты устала болит голова*? Какова референция местоименных форм *ты* и *мне*? На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Выделенное *стоп* может быть и самоперебивом носителя мужского голоса в стихотворении, и вступлением женского голоса. Прямая речь, принадлежащая женскому голосу, в двух следующих строчках может ограничиваться словом *стой*, а может распространяться и на *ты трешь свой лоб, ты морщишь лоб*. Между дательным адресата и дательным субъекта зависает *мне* в строке *ты говоришь мне нечем дышать болит голова* (в отличие от следующей, в которой во второй синтагме – синтаксическая модель, предполагающая именительный субъекта, поэтому омонимии не возникает). Так же и *конечно* может синтаксически притягиваться к левому или правому контексту: *Я тебе верю, конечно* или *Конечно, болит голова*. Из этих синтаксических «мелочей» постепенно складывается не просто разная субъектная перспектива текста, но и принципиально различное осмысление непреодолимости той дистанции, которая разделяет героя и героиню, пропасти между «головной болью» усталости, от которой «трут лоб» и болью вдохновения, заставляющей «складывать слова». (Другое потенциальное толкование – лирические персонажи настолько слиты друг с другом, что мыслят и чувствуют одним потоком – в данном

случае маловероятно в силу общей конфликтности отношений между Я и Она в творчестве поэта.)

Возможны и «противоположные» поэтические техники, когда автор акцентирует смену субъектной позиции, используя имеющиеся в его распоряжении лексико-грамматические и /или пунктуационно-графические средства нарочито избыточно:

(2) не могу, **говорю**, устал, отпусти, устал,
не отпускает, не слушает, снова сжал в горсти,
поднимает, смеется, да ты еще не летал,
говорит, смеется, снова над головой
разжимает пальцы, подкидывает, лети,
так я же, вроде, лечу, **говорю**, плююсь травой,
я же, вроде, летел, **говорю**, летел, отпусти,
устал, **говорю**, отпусти, я устал, а он опять
поднимает над головой, а я устал,
подкидывает, я устал, а он понять
не может, смеется, лети, **говорит**, к кустам,
а я устал, машу из последних сил,
ободрал всю морду, уцепился за крайний куст,
ладно, **говорю**, но в последний раз, а он **говорит**, псих,
ты же летал сейчас, ладно, **говорю**, пусть,
давай еще разок, нет, **говорит**, прости,
я устал, отпусти, смеется, не могу, ты меня достал,
разок, **говорю**, не могу, **говорит**, теперь сам лети,
ну и черт с тобой, **говорю**, Господи, как я с тобой устал,
и смеюсь, он глядит на меня, а я смеюсь, не могу,
ладно, **говорит**, давай, с разбега, и я бегу
(В. Строчков)

В стихотворении В. Строчкова формы 1 и 2 лица *говорю* / *говорит* не просто, чередуясь, эксплицируют переход слова от одного субъекта к другому. В строчках 6-8 форма *говорю* повторяется три раза в пределах одной субъектной сферы. Вряд ли это можно рассматривать как всего лишь незатейливую стилизацию под разговорную речь. Формированию четкой оппозиции «я – он» способствуют и другие личные формы глагола, и использование местоимений *я*, *ты*, *он*, которое в предложениях с глаголами настоящего времени поддерживает оппозицию, выраженную окончаниями, а в предложениях с глаголами прошедшего времени (*я устал*, *ты летал*, *ты достал*) ее создает, не позволяя читателю «перепутать» действующих лиц. Ту же функцию разграничения субъектных позиций выполняют модусные слова и средства

диалогизации (*вроде, ладно, пусть, прости, давай, черт с тобой*). На фоне этого четкого противопоставления возникают интереснейшие эффекты, связанные именно с множественностью толкований. Стихотворение «отсылает» одновременно к зримо-конкретной бытовой ситуации (ребенок играет с отцом на лужайке) и к умозрительной, представляющей собой метафорическое осмысление отношений человека и Бога (*Господи* в третьей с конца строке при этих прочтениях будет читаться как соответственно междометие или обращение). То есть референциальная (субъектная) неопределенность на самом деле присутствует, и не просто присутствует, а в качестве текстообразующего принципа, из которого можно извлечь множество интересных смыслов. Например, можно читать это стихотворение как утверждение возможности *говорить* с Господом не однонаправленно (просить, жаловаться, молиться...), а в режиме диалога, в котором обе стороны слушают и слышат друг друга. Или же можно рассматривать этот текст как размышления о детстве и взрослости (мы, даже будучи взрослыми, дети Господа; маленький ребенок воспринимает своего отца как Бога, потом он взрослеет, но все равно остается в божьих руках и т.п.). Рамки статьи не позволяют перечислять возможности толкования далее.

Как уже было показано, помимо лексико-грамматических средств, к организации субъектной перспективы привлекаются средства графического оформления. Но если в (1) они минимизированы, то в следующем стихотворении откровенно избыточны:

(3) она отламывала горячего хлеба
макала в сыр с маслом и зеленью и клала в рот:
*почему не ешь? ты же знаешь, мне бы
только знать что сытый, и я спокойна, Лот
ты какой-то странный сегодня!*
она мыла инжир, раскладывала на блюде
вытирала стол от липкого от вчера
золотые руки, чистые!
а в посуде
отражалась терна сиреневая кожа:
*а возьми хурму! сладкая, глянь-ка, как налитая
не раскисла, из погребца спасена
я помыла, свеженькая!*
дурища
а в душе святая
изнутри как будто бы, запятая, светом озарена

она чистила вареные яйца, резала их на дольки
разложивши солнышком, белым и золотым
посыпала обильно солью для вкуса, только:
*это некому будет есть! – не важно
пусть будет, солнышком, для красоты
высоты, а смотришь
и умирать не страшно
погляди, Лот!*

(Р. Амелин)

Лексико-грамматических средств – диалогических и дейктических – и двоеточия в выделенных курсивом фрагментах (за исключением строчки *золотые руки, чистые!*) и без шрифтового выделения было бы достаточно для того, чтобы читатель не «перепутал» голоса. Тем не менее автор – представитель поколения, которое, в отличие от поколения пишущей машинки, владеет курсивным выделением на «допубликационном» этапе письма, «настаивает» на курсиве, как и в других своих стихотворениях. Можно предположить, что одних только знаков препинания, которые используются и в авторской речи, и в речи «персонажа», поэту кажется недостаточно, чтобы разделить дискурсы, – требуется более сильная визуализация смены субъектных планов.

Но на курсив в качестве средства организации субъектной перспективы можно возложить и больше функций, как это демонстрирует С. Львовский, использующий его не только для разграничения «своего» слова и «чужого», но и для выделения разных слоев в пределах одного субъектного дискурса, маркирования значимого, рефлекслируемого слова, слова возможного, «помышленного», но не произнесенного, слова, додуманного за другого субъекта и т.п.

(4) мама рассказывает в метро
увидела ребенка мальчика лет восьми
*он говорит смотрел перед собой
безнадежно как очень усталый
маленький взрослый в вагоне, напротив*
(С. Львовский)

(5) это потери ты говори мне *потери*
я тебя не слышу почти знаешь
как ты смотрела на меня сидя на кухне
а ведь ты не отпустил меня тогда помнишь
все началось неправильно да я знаю
все кончится безошибочно
(С. Львовский)

Вернемся к собственно грамматическим механизмам организации субъектной перспективы в лирическом стихотворении. Важное место среди них занимают обобщенно- и неопределенно-личные конструкции с выраженным и невыраженным субъектом, формируемые спрягаемыми и неспрягаемыми формами глагола.

Балансирование лирики между высоким уровнем обобщенности и индивидуальностью переживания («чутье всеобщности сквозь конкретные образы» – Б.А. Ларин) делает востребованным художественный ресурс обобщенно-личных конструкций, которые в русском языке могут трактоваться как по дедуктивному принципу «все → ты», «ты как все» (*Любишь кататься – люби и саночки возить*), так и по индуктивному «я → все», «все как я» (*Тебя не переспоришь*).

(6) *Большая часть человечества ставит на Штольца.*

Это вписал я в один из домашних альбомов.

За полночь куришь, пуская колечки и кольца.

Смотришь, как в зеркале плачет последний Обломов.

(Д. Быков)

Зеркало, появляющееся в четвертой строчке стихотворения Д. Быкова, на самом деле начинает работать еще в первой (в диаметрально противоположность «чеховскому ружью»). Категорическое утверждение о предпочтительности Штольца в глазах большинства человечества, которое при первочтении выглядит как общепринятая сентенция, уже во второй строчке оказывается индивидуальным умозаключением, от которого автор тут же дистанцируется, отчуждается «понижающим» указанием на сферу его бытования: это всего лишь претендующая на глубокомысленность фраза для украшения домашнего альбома. Следующие предложения с предикатами в форме 2 л. единств. числа и невыраженным субъектом, системно предназначенные в русском языке для выражения обобщенно-личного значения, сдвигают субъектную перспективу от «ты» к «я», отраженному в зеркале. Зеркало при этом тоже способ отчуждения, дистанцирования себя от своего восприятия и своего слова. Лирический герой Быкова с его вечной иронией по отношению к самому себе и к окружающему миру, герой, не позволяющий приравнять себя ни к кому и ни к чему безусловно, и здесь как бы сопротивляется обобщенно-личным высказываниям, которые сам же и порождает. Красивое заявление о «победе» Штольца годится только для домашнего альбома, но и на плачущего в зеркале Обломова (то есть на свое отражение) «обобщенно-личный» герой Быкова смотрит отстраненно, *пуская колечки и кольца*. Грамматические механизмы обобщенно-личности позволяют поэту разнообразить «различные

объективации его самого» [Ницше, 2011, с. 273], которыми являются его образы. Таким образом, возникает новая грань обобщенно-личности, связанная уже с модальностью не обязательности или невозможности, а потенциальности.

В целом «я» у поэта – нашего современника – осмысливается по отношению к двум другим граммемам категории лица – «ты» и «он» – не только как один из полюсов дейктической оппозиции «отправитель сообщения – получатель сообщения – не-участник коммуникации». «Ты» и «он» локализируются на одном полюсе с «я», претендуя на его позицию, а «я» активно примеряет на себя субъектную сферу «ты» или «он», прежде чем от нее «оттолкнуться». В этом современная поэзия смыкается с прозой «пелевинского типа», в качестве одной из основных характеристик героя которой выступает «момент "двойного присутствия" и не-единства (не-музейности) личности: он [Пелевин] с редкой настойчивостью повторяет из текста в текст ситуацию неравенства субъекта самому себе» [Курицын, 2000]. И эта позиция осязательна, она рефлексивируется поэтами: см., например, симптоматичное название цикла Б. Кенжеева «Это он, не я», вопрос *Завтра какое ты означает я*, которым задается А. Уланов, и амбивалентное (за счет использования скобок, позволяющих то и другое толкование) приравнивание / замену *она* и *я*, предлагаемое Н. Сафоновым:

(7) где она стоит: посередине или
 просто между – видимым и другим,
 разъятым в мелодике влаги, капающей отдаленно
 где она (я) стоит между видимым и незримым словом,
 внутри темноты и снаружи хождения в темноте, вокруг
 деревянных стульев.

В порядке замечания, развернуть которое не позволяют рамки статьи, заметим заслуживающий отдельного рассмотрения факт. У А. Уланова и Н. Сафонова – поэтов разных поколений – (и не только у них) подобная рефлексия обращается и на другие стороны дейктического треугольника «я – здесь – сейчас»: категорию места и категорию времени. Взгляд поэта заостряется на шифтерных категориях *это – то, здесь – там, тогда – теперь* и т.п., вместо предметов и признаков.

Индуктивно-дедуктивная форма 2 л. единств. числа, совмещающая «я» «ты» и обобщенно-личное значение, может полностью держать стихотворение так же, как это делает неопределенная форма глагола в так называемой «инфинитивной поэзии»:

(8) **Стоишь** где-то там где одежда темнеет эгейским парусом

раскачиваешься в адриатическом припадке
 заштрихован дымом архивных столбцов когда
 море выпито фаянсовыми чашками
 серые медлительные адмиралы завтракают внутри больших рыб
цепенеешь под каучуковым клейким прицелом руки раскинув
 позже в «Il Gazzettino» стиснут поверхностью бумажной воды
 ты уже **знаешь**: «Венеция наша!» а у святого Георгия есть
 револьвер

и нужен лишь лоскут земли
 куда падает быстрыми волнами флаг леопардовой прыти
 (Л. Дабиза, «Капитан»)

Аналогичную функцию могут выполнять формы прош. времени, единств. числа, создающие субъектную неопределенность, которая далее в тексте стихотворения может разрешаться в пользу первого (как в следующем примере) или третьего синтаксического лица:

(9) *Недолго, правда, но **жил** в грузинских горах,
 Нечасто, но **пересекал** моря,
Видел, как сон, в синеве кикладские острова
 И как малиново-алая горит под Москвой заря,
Входил в золотое пространство Сан-Марко, **стоял** у перил
 Над Сенной, на том, на самом певучем, мосту Мирабо,
Пил океанский воздух, с живыми поэтами **говорил**
 И **просыпался** все эти годы рядом с тобой.
 Что тут сказать? Многомилостив, щедр Господь!
 Чудом была эта жизнь и не чудо ли длится днесь?
 Клянюсь низко Ему, на пиру благодарный гость.
 Можно, Владыко, еще мы немножко побудем здесь?*
 (М. Кукин)

Напрашивается сравнение (9) с «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» И. Бродского, где за счет использования конструкций с выраженным перволичным субъектом неопределенность не создается.

Если рассматривать средства создания субъектной перспективы по полевому принципу, то, двигаясь от центра (морфологические формы лица) к периферии, мы обязаны включить в рассмотрение и инволютивные конструкции (в следующем примере представлены предложениями с предикатами *рождается, найдется, разбивается, роняется*) и конструкции с авторизационными предикатами, имплицитными наличием модусного субъекта (выделены жирным шрифтом):

(10) Как из сухости неба рождается слово «болезнь»,

так из сухости света придет ожидание неба,
и опора найдется, и камень, и горечь, и жесть –
неразменная лесь колокольного черного хлеба.

Даже если уходит вода через темный гранит,
разбивается лед обещаьем заученной меры,
и когда гололед неизменного дна засквозит,
перебежница-ночь приготовит и кару, и веру.

И знакомо возникнет в беспечности белой черты
этим сколотым днем, колким запахом йода и слок,
завенит Рождество, и в проеме январской воды
оборвет разговором шуршанье бинтов и карболок.

И роняется чашка в неловкие звуки вина,
это мед или медь, или след покоробленных досок.
Еще жив черновик опоздавшего ломкого сна,
когда хлынет по венам второго пришествия воздух.
(Г. Ермошина)

В приведенном стихотворении нет ни одного предложения с подлежащим, выраженным именем лица, тем не менее фигура субъекта просматривается в нем не только сквозь лексические средства, но и через грамматические конструкции, позволяющие сочетать антропоцентричность с инволютивностью, сохранять присутствие человека, минимизируя семантику целенаправленности, акциональности. Человек здесь как бы растворен в окружающем пространстве, что подчеркивает и «кольцевая» композиция: от амбивалентного *неба / неба* в первой строчке до *воздуха*, который *хлынет по венам* – в последней.

Богатейший арсенал средств, обслуживающих оппозицию личности / неличности в системе языка, отражает архетипическое противопоставление в человеческом сознании живого, целеполагающего, активного и неживого, пассивного, лишеного внутренней сферы, но при этом способного влиять на живое. Стихотворение М. Харитоновой «Перед закатом» не только демонстрирует этот арсенал, но и объединяет для решения общей художественной задачи все предикативные лейтмотивы современной поэзии – субъектность, время, модальность.

(11) Зависало, не двигалось, переваливая зенит,
Словно прыгун, одолевший планку,
И вот снижается все быстрее, на глазах тает кромка,

Осталась самая малость. Стоит ли суетиться,
 Заменять обветшавшую мебель, вязываться в ремонт?
 Как-нибудь еще простоит, на твой век хватит.
 Незачем перебирать книги, недочитанного не дочитаешь.
 Что еще ты хочешь додумать, вспомнить, прояснить
 напоследок?

Померещилось – вроде уже совсем близко.
 До тебя ухватить никому пока не удавалось,
 А если и удавалось, не успевали сказать,
 Не оставалось сил шевельнуть губами.
 Так устроено не без умысла, вот, считай, вся разгадка.
 Ничего задержать нельзя, но продолжаешь стараться,
 Заново ищешь, бьешься, оставляешь зарубки на память.
 Для того мы, наверно, и сотворены:
 Восполнять исчезающее, воссоздавать уходящее,
 Нарращивать усилием безнадежной мысли,
 Напряжением новой, еще небывалой жизни.

Категория темпоральности появляется уже в названии. «Перед закатом» означает и закат солнца, случающийся каждый день, и закат человеческой жизни, происходящий раз и навсегда. В первой строке поэт пользуется некоторым морфологическим «везением», связанным с принадлежностью русского слова *солнце* к среднему роду (можно вспомнить по аналогии рассуждения Р.О. Якобсона о фонетическом символизме русских *день* и *ночь* по сравнению с французскими *jour* и *nuit*): с одной стороны, бесподлежащные предложения с предикатами прошедшего времени среднего рода сразу же вводят семантику неличности, с другой – ассоциируются с предложениями, обозначающими «бессубъектные» состояния природы, типа *Холодало. Грохотало*. Но тут же – олицетворяющее сравнение во второй строке. Затем постепенный переход в бессоюзном предложении от двух частей, очевидно характеризующих заходящее солнце, к амбивалентному *осталась самая малость*, а от него – к череде неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений разной структуры (с предикатами в 3 л. единств. числа, 2 л. единств. числа, инфинитивными) и совершенно иному темпу: вместо спокойной монументальности первых строчек – сбивчивая скороговорка. Далее – снова амбивалентное *Померещилось – вроде уже совсем близко. До тебя ухватить никому пока не удавалось...* (что – солнце? смерть?) и появление двух новых «лиц»: неопределенно-личного, отчуждающего *они = никто* (*не успевали, не удавалось, не*

оставалось) в середине стихотворения и объединяющего, обобщенно-личного *мы* в финале. Другим становится и *ты*: если в первой части стихотворения оно воспринимается как адресация извне к мятущемуся лирическому герою (*на твой век хватит... недочитанного не дочитаешь. Что еще ты хочешь додумать, вспомнить, прояснить напоследок?*), вовлекающая его в пессимистичную общую судьбу, предрекаемую дедуктивными обобщенно-личными конструкциями, то во второй части обобщенно-личные конструкции с предикатами в форме 2 л. единств. числа воспринимаются как индуктивные: *Ничего задержать нельзя, но продолжаешь стараться, Заново ищешь, бьешься, оставляешь зарубки на память* – личностный опыт лирического субъекта, приводящий в итоге к более оптимистическому финалу.

Помимо динамичной смены субъектных планов, в анализируемом стихотворении обнаруживается и широкий диапазон модальных значений, выраженных как лексически (*стоит, хочешь, удавалось, успевали, нельзя, стараться, не оставалось сил*), так и грамматически. Здесь тоже значим контраст между *стоит ли суетиться, незачем перебирать, недочитанного не дочитаешь* в первой части и *продолжаешь стараться, усилием, напряжением* в завершающих строках.

Сказанное позволяет сделать несколько обобщающих выводов, предшествующих рассмотрению категории модальности и модусных рамок в следующей части статьи.

Очевидно, что для лирической поэзии (возможно, более чем для любого другого типа текста) значимо понимание грамматической категории лица (субъекта), не сводимое к набору морфологических форм лица и выходящее за пределы предложения – в текст. Грамматическая категория лица участвует в реализации всех типов авторских стратегий, по О.Г. Ревзиной (когнитивной, коммуникативной, интертекстуальной и структурно-семантической) [Кац, 2009, с. 17]. Смена личных форм и субъектных планов или сохранение одной формы / плана на протяжении всего или почти всего стихотворения, очевидность или амбивалентность «претендента» на то или иное слово в поэтическом высказывании – не просто композиционные ходы, но ощутимый самими поэтами инструмент порождения смыслов. Возникает вопрос: при относительной стабильности грамматической системы языка и постоянной

изменчивости¹ смыслов, в том числе субъектных, поэтического текста, как первое обслуживает второе? Субъект современной поэзии – это субъект «скользящий» и «распыляющийся», «номадический» и «кинематографический», «фиктивный» и «самосоздающий», «виртуальный» и «плавающий»². Не возникает ли здесь противоречия, обсуждение которого должно привести нас к выводу, что новые смыслы эпохи, ее «внутренний мир», создаются за счет селекции и комбинации лексики, для которой грамматика предоставляет всего лишь стабильный каркас? Нам представляется, что нет. Новая эпоха – это всегда сочетание нового предметного мира и нового взгляда на мир, но даже языковое отражение материальных новаций не безраздельно принадлежит лексике, не говоря уже о перестройке отношений и варьировании дистанции между «я», «ты» и «он», «свое» и «чужое», «объективное» и «субъективное», «реальное» и «фиктивное» («гипотетическое», «ирреальное»), «познаваемое» и «непознаваемое», «наблюдаемое» и «умозрительное». Грамматическая категория субъекта во взаимодействии с категориями времени, модальности и локативности выступает как инструмент структурирования и организации мира в этой координатной сетке, позволяющий приближать / отдалять, интериоризовать / экстериоризовать, осваивать / отчуждать любые объекты – старые и новые, реальные и виртуальные, наблюдаемые и мыслимые. Более подробно соответствующие языковые механизмы будут рассмотрены во второй части статьи.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
 Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
 Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. 1989. № 3.
 Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1980.

¹ По крайней мере, декларируемой самими поэтами. См., например, доклад В. Лехциера «Типы поэтической субъективности в постметафизической перспективе». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/391/typy-poeticheskoi-subektivnosti-v-postmetafizicheskoi-perspektive>, содержащий ссылки и на другие выступления современных авторов в этом духе.

² Термины из докладов конференции «Типы субъекта и способы его репрезентации в новейшей поэзии (1990–2015)», прошедшей в Институте языкознания РАН в 2016 году. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/nafata.pdf>.

- Гаспаров М.Л. Первочтение и перечтение. К тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи // Избранные труды: в 3-х тт. М., 1997. Т. 2.
- Гин Я.И. К вопросу о построении поэтики грамматических категорий // Вопросы языкознания. 1991. № 2.
- Гин Я.И. Поэтика грамматической категории лица в русской лирике // Проблемы исторической поэтики. М., 1992.
- Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. Л., 1987.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Зубова Л.В. Языки современной поэзии. М., 2010.
- Кац Е.А. Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Ковтунова И.И. Семантика форм лица в языке поэзии // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5).
- Курицын В.Н. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
- Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи // Русская словесность. М., 1997.
- Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. СПб., 1996.
- Невзглядова Е. Звук и смысл. СПб., 1998.
- Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М., 2011.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике // Русистика сегодня. 1994. № 3.
- Ревзина О.Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. М., 1981.
- Ревзина О.Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. М., 1990.
- Ревзина О.Г. Парадокс поэтического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 2.
- Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.
- Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1970.
- Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М., 2001.
- Томашевский Б.В. Поэтика. М., 1996.
- Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.
- Шапир М.И. «Versus» vs «Prosa»: пространство-время поэтического текста // Philologica. № 2. 1995.
- Шапир М.И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 2. М., 2015.
- Beaugrande R.de. Text, discourse and process. Norwood, 1980.
- Carter R. Language and Literature: An introductory reader in stylistics. London, 1995.
- Champion R. For and Against Genre Labels // Poetics. 1981. Vol. X, No. 2-3.

КОНЦЕПТ «БОЛЕЗНЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

З.А. Дубинец

Ключевые слова: концепт «болезнь», языковая картина мира, медицинский и художественный дискурсы.

Keywords: concept of «illness», linguistic view of the world, medical and art discourses.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-03

«Картина мира» – одно из фундаментальных понятий современной лингвистики. Исследования Ю. Апресяна, И. Кобозевой, Г. Колшанского, Е. Кравченко, В. Масловой, М. Пименовой, З. Поповой, И. Стернина и др. посвящены проблемам ее осмысления и системной организации. Дальнейшее изучение русской языковой картины мира требует углубленного анализа ее отдельных фрагментов, среди которых особого внимания заслуживает концепт «болезнь». Специфика вербализации указанного концепта нашла свое отражение на материале фармацевтического дискурса в работах Г. Буровой [Бурова, 2009], диалектной речи – Н. Архиповой [Архипова, 2015], фразеологии – Л. Байрамовой [Байрамова, 2015], художественных произведений – Т. Тамерьян [Тамерьян, 2012], Н. Толкачевой [Толкачева, 2016] и других. Национально-культурные особенности концепта «болезнь» на материале русского и американского варианта английского языка исследованы в работах Н. Некоры [Некора, 2009].

Цель статьи – проанализировать особенности вербализации концепта «болезнь» в русской языковой картине мира.

Материалом для исследования послужили около 20 словарных статей, 10 текстов медицинского и 15 текстов художественного дискурсов. Автором были использованы толковые, этимологические, фразеологические словари русского языка, словари синонимов, словари пословиц и поговорок. Применение описательного и сравнительного методов, этимологического и контекстуального анализов способствовало выделению семантико-когнитивных признаков концепта «болезнь», обоснованию особенностей его вербализации в медицинском и художественном дискурсах.

Под картиной мира (моделью, образом, структурой мира) в лингвистике понимают «совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности»

[Пименова, 2002, с. 118] или результат переработки информации о среде и человеке, на формирование которой влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы [Маслова, 2001, с. 64]. Некоторые исследователи различают две картины мира – концептуальную и языковую (основными единицами которых являются соответственно «концепт» и «слово»). По мнению З. Поповой и И. Стернина, языковая картина мира является первичной, поскольку благодаря языку человек познает действительность и себя, что находит отражение в индивидуальной картине мира, концептосфере представителя определенного этноса. Именно концептосфера, информационная база когнитивного сознания народа, определяет его менталитет, особенности восприятия и понимания действительности [Попова, 2007, с. 60].

Концепт как ментальная единица – это сложное, многокомпонентное, «многослойное» образование (С. Воркачев, В. Воробьев, Е. Зиновьева, О. Леонтович, И. Привалова). В. Карасик и Г. Слышкин выделяют в структуре концепта понятийную, образную и ценностную составляющие. Описание понятийного слоя начинается с установления ключевого слова-репрезентанта. Для анализируемого нами концепта это лексема «болезнь». В словаре С. Ожегова: *«Болезнь, -и, жс. расстройство здоровья, нарушение правильной деятельности организма. Тяжелая б. Заразные болезни. Болезни роста – трудности, возникающие при освоении чего-н. нового»* [Ожегов, 1986, с. 49]. Более детально рассматривает значение лексемы С. Кузнецов. Для него *болезнь*: 1) конкретное заболевание, нарушающее деятельность организма (или его отдельных органов); расстройство здоровья; 2) разрушение, повреждение чего-л.; 3) отклонение от нормы в чем-л.; 4) отрицательное качество, свойство [БТСРЯ, 1998]. В специальной литературе *болезнь* – это нарушение нормальной жизнедеятельности организма, возникающее под действием вредных для него факторов [БТМС, 2001, с. 534], обусловленное функциональными и морфологическими изменениями [БЭС; Словарь бизнес-терминов, 2001]; жизнь, нарушенная в своем течении повреждением структуры и функций организма под влиянием внешних и внутренних факторов при реактивной мобилизации в качественно-своеобразных формах его компенсаторно-приспособительных механизмов [Медицинский словарь, URL]; любое ухудшение в состоянии здоровья, имеющее свою причину, а также распознаваемые объективные и субъективные признаки (симптомы); любая аномалия развития организма или неправильное его функционирование [Психологическая энциклопедия, URL]; отклонения в структуре или функционировании органов

[Философский словарь, URL]. Анализ дефиниций лексемы «болезнь» в русской лексикографии выявил доминирующий семантико-когнитивный признак ключевого слова, вербализующего концепт, – нарушение нормальной жизнедеятельности организма, расстройство здоровья.

Представление человека о болезни менялось на протяжении истории и зависело от развития медицинской науки. Древнегреческие ученые пытались исследовать, что именно вызывает болезнь человека. Гиппократ считал причиной возникновения болезней неправильное смещение четырех основных жидкостей организма – крови, слизи, желчи желтой и черной (венозная кровь). Ему принадлежит высказывание: «Болезни лечит врач, а излечивает природа». Демокрит видел причину развития болезни в изменении формы атомов и их неправильном расположении. По мнению ученого, существуют болезни тела и болезни образа жизни. Взгляды древнегреческих ученых легли в основу знаний о болезнях у многих народов.

Названия болезней и больных встречаются в описании евангельских чудес: *«И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их»* (Евангелие от Матфея, Глава 4, стихи 23, 24)¹. Сначала речь идет о всякой болезни, а затем представлен перечень тех, которые считались неизлечимыми. Об исцелении от них говорится особо, ведь в христианской трактовке болезнь – это путь к спасению души, поскольку физические страдания воспринимались как мученичество, плата за грехи и пороки. По мнению Феофана Затворника, болезни служат нам и на спасение, и на погибель [Затворник, 2005, с. 16]. Т.е. иногда болезнь дается человеку Богом для исправления. Обращение к происхождению лексемы доказывает ее родство с праслав. *болъ*, *болѣти*, др.-исл. *bol* «вред, несчастье» и гот. глаг. *balwjan* «мучить, терзать» [ЭССРЯ, 2010, с. 71–72] и объясняет иные когнитивные смыслы лексемы «болезнь» в религиозном дискурсе: «боль», «мучение», «испытание», «гибель».

Неслучайно особое место отводится изображению болезни и ее причин в древнерусской литературе. Болезнь раскрывает сущность того или иного персонажа и, в зависимости от контекста, приобретает

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

значение наказания за грехи или испытания веры. В «Сказании о Борисе и Глебе» автор, рисуя образ братоубийцы, обращается к неожиданной болезни Святополка, которая одолела его во время битвы с Ярославом на Альте: *«И нападет на нь бес, и раслабеша кости эго, яко не мощи ни на кони седети, и несяхуть его на носилех»* (Литература Древней Руси, 1990, с. 61). Внезапная болезнь Святополка является вешим знаком и выступает предвестником смерти богоотступника за тяжкие грехи. В «Киево-Печерском патерике» есть рассказ об отце Пимене, который длительное время страдал от недуга, что можно истолковать как испытание веры монаха. Его чудесное исцеление перед смертью без посторонней помощи – свидетельство достижения им духовного совершенства (Абрамович, 1991, с. 182–183).

Однако существуют и другие взгляды на причину болезни. По мнению С. Боткина, В. Пашутина, И. Павлова, А. Остроумова, болезнь обусловлена нарушением условий существования человека. Некоторые авторы считают, что понятие «болезнь» охватывает лишь биологические закономерности. Болезнь – сложная реакция, возникающая вследствие нарушения отношений организма и среды, – отмечает П. Горизонтов. Заслуживает внимания точка зрения современных медиков о том, что причины многих заболеваний – в нашем сознании, то есть морфологические и функциональные изменения в организме человека зависят от его психики и социальной активности, образа жизни [Виторская, 2006]. Рассмотренные примеры свидетельствуют, что в процессе познания действительности, с развитием научной мысли происходили определенные изменения в представлениях человека о феномене болезни.

Как известно, с принятием христианства на Руси ее традиционная культура не исчезла, из-за чего возникли сложные конфигурации языческих представлений с господствующей религией [Некора, 2009, с. 247]. В картине мира происходит своеобразный синтез языческих и христианских традиций, обусловивший особое отношение русичей к феномену болезни и, по мнению культурологов и медиков (Т. Зуева, С. Марчукова, Н. Толстой, А. Топорков и др.), параллельное развитие официальной и народной медицины.

Сравним восприятие болезни представителями этих двух направлений. Результатом неправильного поведения человека считает болезнь хирург Н. Амосов. По его мнению, борьба с болезнью – норма для человека, а здоровье – награда за победу в этой борьбе. В книге «Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья» врач, кроме экспрессивного определения (*несчастье*), дает профессиональное

толкование болезни: отклонение от нормальных показателей; снижение уровня душевного комфорта, связанное с тяжелыми физическими ощущениями или со страхом; комплекс сведений, полученных из наблюдения за характером боли. Болезнь мыслится Н. Амосовым и как удобное для человека «укрытие» (уйти в болезнь) [Амосов, 2002]. Аналогичное восприятие болезни находим у представителя нетрадиционной медицины М. Норбекова. В книге «Опыт дурака, или Ключ к прозрению» он рисует образ человека, ушедшего в болезнь. Она становится для него *центром*, вокруг которого протекали все жизненные процессы, *радостью* (после выздоровления она потеряна), *наслаждением* (как жестока судьба, это мой крест, и я буду нести его до конца жизни), *удовольствием* (рядом находящиеся переживают, страдают за них) и т.д. Кроме того, болезнь, по мнению М. Норбекова, является прямым следствием характера и судьбы (характер и судьба равны болезни) [Норбеков, URL].

Таким образом, в медицинском дискурсе в структуре концепта «болезнь» к обыденному пониманию добавлен еще один когнитивный признак – «причина заболевания» (нарушение условий существования человека или отношений организма и среды; образ жизни или неправильное поведение человека; характер и судьба).

Проанализируем синонимический ряд ключевого слова-репрезентанта концепта «болезнь». В словаре под редакцией Н. Абрамова представлены следующие номинации: *боль, страдание, немочь, недуг, недомогание, нездоровье, немощь, расстройство, слабосилие, упадок сил, хворание, хворь; мор, моровая язва, поветрие, эпидемия, эпизоотия* [Абрамов, 1999]. Синонимическую вербализацию концепта дополняют данные из других лексикографических источников: *заболевание, болячка, болезненное состояние* [Александрова, 2001, с. 37, 239] и *хворость; немогута; скорбь; хиль; боля* [Евгеньева, 1970, с. 80]. Следует отметить, что лексемы «заболевание», «недомогание» функционируют в медицинском дискурсе, «недуг» – в поэтическом и религиозном, а «нездоровье» и «хворь» – в разговорном [Некора, с. 251]. Таким образом, синонимический ряд ключевого слова концепта «болезнь» обладает лингвистической информацией, дополняющей когнитивную парадигму носителей языка.

Национальную специфику концепта отображают средства лечения и профилактики болезней. Для русских – это баня (*Баня любую болезнь из тела гонит; Баня – мать вторая: кости распарит – все тело исправит, Банька лечение и развлечение* и др.) Еще одним универсальным народным средством от всевозможных болезней была

и остается водка, благодаря своим антисептическим свойствам. В Средневековье воинам ею обрабатывали раны во избежание нагноения. Впоследствии она стала не только отличным наркотиком, но и настоящей панацеей: *«Стакан выпил, крикнул, и вся хворь из тебя, как от чумы уходит»* (В. Распутин «Василий и Василиса»); *«Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищю. Не веселья, а единой скорби ищю...»* (Ф. Достоевский «Преступление и наказание»); *«Когда с утра он выпивал две-три рюмки водки, все становилось ясным, понятным и простым...»* (Л. Андреев «Из жизни штабс-капитана Каблукова»). Особо активно применяли лечение водкой герои А. Чехова. В его рассказах находим широкий спектр использования данного лекарства. Это средство от зубной боли («Хирургия», «Лошадиная фамилия»), от чумы и катара («Из дневника помощника бухгалтера»), от бессонницы («Весь в дедушку») и от минутной слабости («Лишние люди»). Как видим не всегда научная картина мира совпадает с наивной (*Водку пить – себя губить*).

Дополнительной особенностью в восприятии исследуемого концепта носителями русского языка является персонификация болезни (*болезнь / хворь напала, наступила, пришла, ододела*): *«Настоящие болезни пришли позже. Обычно недуги, как известно, подкрадываются, и подкрадываются незаметно»* (А. Пантелеев «Шварц»); *«Отчего сам невесел? Или хворь ододела?»* (В. Замыслов «Горький хлеб»).

Кроме существительного «болезнь» репрезентантами концепта являются субстантив «больной» и глагол «болеть». Анализ устойчивых оборотов с указанными лексемами позволяет сделать вывод о том, что концептуализация болезни в русской языковой картине мира происходит по нескольким ассоциативным рядам: а) болезнь – судьба: *Болезнь нас не спрашивает; Болезнь не по лесу ходит, а по людям*; б) болезнь – внешний вид: *Болезнь человека не красит*; в) болезнь – лекарство, лечение: *Чем заболел, тем и лечись; Запущенную болезнь тяжело лечить*; г) болезнь – переживание: *У кого что болит, тот о том и говорит*; д) болезнь – беспомощность: *Больной, что ребенок*; е) болезнь – здоровье – труд: *Кто труда не боится, того болезнь сторонится; Труд добавляет здоровье, а лень – болезни* и др. Русский народ издавна подметил, что здоровые люди – трудолюбивые, а ленивые часто болеют, меньше живут, потому что труд – это здоровье. Однако с лексемой связаны и другие ассоциации (*болезнь как результат тяжелого труда*), обобщенные в пословицах и поговорках: *От работы кони дохнут; От работы не будешь богат, скорее будешь горбат; С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь*.

Заметим, что большинство устойчивых сочетаний со словом «болезнь» связаны с медицинским дискурсом: *душевные болезни* (вызваны разладом психической деятельности человека), *инфекционные болезни* (вызваны бактериями, вирусами, а также микроскопическими грибами), *кессонная болезнь* (возникает у человека вследствие внезапного снижения высокого атмосферного давления – во время быстрого выхода из кессона); *лучевая болезнь* (вызвана действием на организм радиоактивных веществ), *морская болезнь* (возникает вследствие качания судна и сопровождается головокружением, тошнотой, головной болью), *падучая болезнь* (эпилепсия – хроническая нервная болезнь, которая характеризуется судорожными и другими припадками, психическими расстройствами и характерными изменениями личности) и др. В медицинской терминологии внимание сосредоточено на причинах, вызвавших ту или иную болезнь, или на ее симптомах.

Современные носители русского языка активно употребляют другие обороты с названиями болезней: *звездная болезнь*, *болезнь роста*, *финансовая лихорадка*, *словесный понос / словесная диарея*, *запор мысли*, *букет болезней*. Последние три приобретают ироническое и даже саркастическое звучание: *Естественно, что к этому времени я приобрела (причем без очереди и совершенно бесплатно) букет болезней* (ЗОЖ. 2003. № 17)¹; *Телеканалу даже пришлось принести извинения своим зрителям, среди которых наверняка были и дети, за словесный понос финского гонимца* (Газета.ру. 23.10.2006)²; *Предприниматель Сергей Полонский объявил о намерении подать в суд на газеты «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда», обвинив редакции в «запоре мысли»* (Ленинздат.гу. 11.10.2012)³.

Как правило, болезнь сопровождается не только физическими, но и моральными страданиями. Больному человеку необходимы помощь, жалость, сочувствие. Выше сказанное продуцирует обширное ассоциативное поле концепта «болезнь», в котором можно выделить следующие компоненты: *физиологический* (ангина, грипп и др. заболевания), *эмоциональный* (горе, беда, ужас), *чувствительный* (забота, жалость), *медицинский* (лекарства, больница) и другие. Своеобразный синтез ассоциаций, связанных с болезнью, можно проследить в произведениях писателей, которые получили

¹ http://n-bitva.narod.ru/prilojenie/zdorovie/vestnik_ZOJ_2003_17-245.htm

² https://www.gazeta.ru/sport/2006/10/kz_962487.shtml

³ http://www.nakanune.tv/news/2012/10/11/komsomolets_sergey_polonskiy_podast_v_sud_na_kp_i_mk_u_kotorih_zapor_misli/

медицинское образование и практиковали. Их внимание сосредоточено на процессе течения болезни.

Особое место принадлежит исследуемому концепту в творчестве А. Чехова. В афористической форме, обобщая жизненные наблюдения, размышляет он о болезни: *«Человек любит поговорить о своих болезнях, а между тем это самое неинтересное в его жизни...»*; *«Увеличилось не число нервных болезней и нервных больных, а число врачей, способных наблюдать эти болезни»*. В рассказе «Тиф» писатель реалистично изображает нарушение физического состояния человека. С первых строк – намек на начало тяжелого инфекционного заболевания у поручика Климова: *«офицер чувствовал себя ненормальным»*. Автор воспроизводит клиническую картину болезни героя – высокая температура, которая вызывает жар, головную боль, сухость во рту, жажду: *«Его горячее дыхание, отражаясь от спинки дивана, жгло ему лицо»*, *«он поднимал тяжелую голову»*, *«во рту было сухо и липко»*, *«хотел просить воды, но высохший язык едва шевелился»*. А. Чехов знал, что в сложных случаях сыпного тифа появляются психические и неврологические расстройства, поэтому так точно описал состояние офицера: *«мигающие пятна заняли его сознание»*, *«тяжелый туман»* стоял в голове; *«мысли его, казалось, бродили ... и вне черепа, меж диванов и людей, окутанных в ночную мглу. Сквозь головную муть, как сквозь сон, слышал он бормотанье голосов, стук колес, хлопанье дверей»*. Основным средством репрезентации концепта «болезнь» в произведении являются лексемы, использованные в прямом (*жар, жажда, сыпной тиф*) и переносном (*туман, тяжесть, кошмарная лень*) значениях [Толкачева, 20 с. 135].

М. Булгаков, тоже писатель и врач, в романе «Мастер и Маргарита» устами прокуратора Иудеи Понтия Пилата не менее красочно описывает **приступ мигрени**: *«О боги, боги, за что вы наказываете меня? Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит полголовы. От нее нет средств, нет никакого спасения. Попробую не двигать головой...мой ум не служит мне больше... яду мне, яду!..»*

Актуальным сочинением М. Булгакова является повесть «Морфий». Писатель мастерски изображает превращение доктора Сергея Полякова в наркотически зависимого человека. Произведение – история болезни морфиниста. М. Булгаков сосредотачивает внимание читателя на психическом состоянии больного, у которого после укола *«начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения*

прекращаются». Это для него – «высшая точка проявления духовной силы человека». Далее следуют реалистичные описания эйфории и ломки после впрыскивания раствора: «почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. И потом все исчезает бесследно, как не было. Наступает боль, ужас, тьма». И, пожалуй, самое жуткое откровение: «...смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... В теле нет клеточки, которая бы не жаждала... Чего? Этого нельзя ни определить, ни объяснить. Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия». Писатель убедительно рисует симптомы распада человеческой личности, ступившей на гибельный путь. Постоянными спутниками Сергея Полякова становятся галлюцинации (старушонка с желтыми волосами и вилами в руках; бледные люди в черных окнах; монотонные, угрожающие голоса). Его одолевает припадки рвоты, после которых он лежит слабый. Внешний вид доктора ужасен: «худ, бледен восковой бледностью.... На предплечьях непрекращающиеся нарывы, то же на бедрах». В описании симптомов болезни, в изображении остроты физических страданий и нравственных мук своего героя М. Булгаков беспощаден.

Иное представление о болезни находим у В. Вересаева, также медика по образованию. К интересным выводам приходит герой его произведения «Записки врача». Прежде всего, он считает, что нормальный человек – это человек больной; здоровый – лишь šťastливое уродство, резкое отклонение от нормы. Его мнение резко отличается от привычной точки зрения. А еще, по мнению В. Вересаева, болезнь можно вылечить не только лекарствами и назначениями, но и душою самого больного; его бодрая и верящая душа – громадная сила в борьбе с болезнью. Мешает в этой борьбе стыдливость пациентов. Сколько препятствий она ставит врачу при постановке диагноза и при лечении, сколько болезней из-за нее запускают женщины. Писатель-врач раскрыл читателю секреты медицинской профессии, которая требует непрерывного поиска и упорной работы над собой, веры в свое дело. Только такой врач способен преодолеть болезнь: Ты – врач, значит, ты должен уметь узнать и вылечить всякую болезнь; если же ты этого не умеешь, то ты – шарлатан (В. Вересаев, «Записки врача»). Концепт объективируется в произведении лексемами «болезнь», «больной», «врач», названиях

болезней «дизентерия», «зоб», «ревматизм», «туберкулез», «дифтерит» и др.

Таким образом, анализ лексикографических источников выявил многозначность ключевого слова концепта «болезнь» и особенности функционирования лексемы в медицинском и художественном дискурсах. Содержательное наполнение концепта претерпевало изменения с развитием научной мысли, существенно отличалось в народной и официальной медицине. Репрезентантами концепта являются существительные «болезнь» и «врач», глагол «болеть», субстантив «больной». В словарях разного типа отмечены следующие семантико-когнитивные признаки концепта «болезнь» в русской языковой картине мира: болезнь как физиологический процесс; отклонение от нормы; состояние беспокойства, переживания, заботы о больном. Высокой культурной информативностью характеризуются устойчивые обороты, связанные с концептом. Национальную специфику отображают средства лечения и профилактики болезней. Большинство устойчивых сочетаний с ключевым словом «болезнь» связаны с медицинским дискурсом, некоторые из них активно употребляют носители современного русского языка. Если в медицинском дискурсе внимание сосредоточено на причинах, вызвавших ту или иную болезнь, или ее симптомах, то в художественном дискурсе, в творчестве писателей-медиков особое значение приобретает процесс течения болезни. Лексические единицы со значением болезни у М. Булгакова, А. Чехова, В. Вересаева помогают реализовать их индивидуально-авторские замыслы и также являются репрезентантами концепта «болезнь» в русской языковой картине мира.

Литература

Амосов М.М. Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья. М. 2002.

Архипова Н. Наименование недугов в говорах и фольклоре старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Гуманитарные науки. Благовещенск, 2015.

Байрамова Л.К. Здоровье и болезнь как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, болгарского, немецкого, французского, татарского языков. Казань, 2015.

Бурова Г.П. Базовые концепты русского фармацевтического дискурса // Русский язык за рубежом. 2009. № 5.

Виторская Н.М. Причины болезней и истоки здоровья. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1029951/Vitorskaya_-_Prichiny_bolezney_i_istoki_zdorovya.htm.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

Некора Н.Е. Болезнь // Антология концептов. Волгоград, 2009. Т. 7.

Норбеков М.С. Опыт дурака, или ключ к прозрению. [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.org/library/read/35292>.

Пименова М.В. Этногерменевтический аспект концептуальных исследований // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. Кемерово, 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Тамерьян Т.Ю., Костинова М.Ю. Концепт «болезнь» в идиолекте А.П. Чехова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. Владикавказ, 2012.

Толкачева Н.Н. Языковая репрезентация концепта «болезнь» (на материале рассказов А.П. Чехова «Архиерей» и «Тиф») // Человек и мир в контексте современной лексикографии. Тверь, 2016.

Словари

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2001.

БТМС: Большой толковый медицинский словарь: в 2-х тт. / под ред. Г.Л. Билич. М., 2001. Т. 1.

БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Bolezni-26060/>.

БЭС: Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/75346>.

Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2-х тт. Л., 1970. Т. 1.

Медицинский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/medicine/Bolezni-3704.html>.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

Психологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_psy/Bolezni-2671.html.

Словарь бизнес-терминов. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/1640>.

Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под. ред. Н. Абрамова. [Электронный ресурс]. URL: s.ru/dic.nsf/dic_synonims/10582/болезнь.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

Философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://philosophy_dictionary.academic.ru/150/БОЛЕЗНЬ.

ЭССРЯ: Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2-х тт. М., 2010. Т. 1.

Список источников

Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. Репринтное издание. Киев, 1991.

Евангелие от Матфея. М., 1991.

Затворник Ф. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Минск, 2005.

Литература Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева. М., 1990.

**ЛЕТОПИСНЫЙ ЖЕНСКИЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)
(СТАТЬЯ 2)**

В.С. Савельев

Ключевые слова: древнерусские летописи, устная речь, женский речевой портрет.

Keywords: Old Russian chronicles, oral speech, female speech portrait.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-04

Данная статья продолжает начатое в [Савельев, 2018] исследование речевой деятельности летописных женщин-коммуникантов на материале «Повести временных лет» (далее – ПВЛ). Обратимся к анализу коммуникативных событий (далее – КС), в которых участвуют княжна Рогнеда, царевна Анна, княжна Предслава, мать князя Брячислава, Мария Яневая (жена тысяцкого Яна Вышатича), княгиня Анна (Янка) Всеволожая¹.

***

П². Кн. Рогнеда на страницах летописи произносит одну реактивную реплику. Диалог, в котором она участвует, как и в ряде КС, в которых одним из коммуникантов является кн. Ольга³, касается «сватовства»: кн. Владимир хочет взять ее в жены, о чем сообщает отцу кн. Рогнеды, тот же, в свою очередь, интересуется ее мнением: (24) *ВНЪ ЖЕ Р⁴Ъ ДЪЩРИ СВОИ:* (24.1) *«ХОЩЕШИ ЛИ ЗА ВОЛ ОДИМИРА?»* *ВНА ЖЕ Р⁴Ъ:* (24.2) *«Н⁴ХОЩЮ РОЗУТИ ВОЛОДИМЕРА, НО Я РОПОЛКА ХОЧЮ»* (6488 / 980).

Отрицательный ответ княжны приводит к пагубным для нее последствиям: разгневанный языческий кн. Владимир убивает ее отца и братьев, а ее саму берет в жены. При этом, как указывают исследователи⁴, причиной его особо жестокой мести могли послужить слова Рогнеды, приводимые в Лаврентьевской летописи:

---

¹ В [Савельев, 2018] была рассмотрена речевая деятельность княгини Ольги.

² Нумерация разделов статьи и примеров, приводимых в ней, продолжает нумерацию, начатую в [Савельев, 2018]. В ряде случаев дается отсылка к примерам, приведенным в [Савельев, 2018].

³ См. КС (1), (9), (10).

⁴ См., например, [Карамзин, 1818, с. 230].

(24.2) *«НѠЩЮ РОЗУТИ РОБИЧИЧА, ПО ЯРОПОЛКА ХОЧЮ»*¹ – указывая «рабское» происхождение князя и делая выбор в пользу его знатного брата, княжна оскорбляет будущего мужа.

Суждение, высказываемое княжной, и способ его оформления позволяют составить представление о характере княжны. Что же касается ее речи, то следует отметить, что героини ПВЛ не так уж редко сообщают о своих намерениях собеседникам, используя клишированное высказывание «*хощю* + инфинитив»². Так, кн. Владимир обращается к отцу княжны, используя именно эту форму: (25) *И ПОСЛА К РОГОВОЛОДУ КНЯЗЮ ПОЛОТЬСКУ, ГЛ: «ХОЩЮ ПОМЯТИ ДЩЕРЬ ТВОЮ ЖЕНУ»* (6488 / 980). При этом нельзя не отметить, что в максимальной степени реплика княжны, включающая противопоставление «не хочу vs. хочу», похожа на высказывание кн. Ольги, обращенное к древлянам в одной из ее пространственных речей: (3.3.2) *«<...> А ОУЖИ^нХОЩЮ ѠМЩНИИ^а ТВОРИ^т, ПО ХОЩЮ ДАИ^т Ъ ИМАТИ ПО МАЛУ <...>»*.

Реплика кн. Рогнеды представляет собой иллокутивно полифункциональное высказывание с иллокутивной функцией «сообщение о намерениях» и иллокутивной функцией (далее – ИФ) «отрицательный ответ», выводимой на основе оценки релевантности произносимого: реактивная реплика, сообщающая о намерениях говорящего в качестве ответа на верификативный вопрос, объясняет причину отрицательного или положительного ответа. В ПВЛ неоднократно встречаются подобные реактивные реплики. Так, в диалоге (26) *І НАЧА СТОПОЛКЪ ГАТИ: «УСТАНИ НА СТОКЪ». И РЕЧЕ ВАСИЛКО: «НЕ МОГУ, БРАТЕ, УСТАТИ. ОУЖЕ ЕСМЬ ПОВЕЛѦ ТОВАРОМЪ ПОНТИ ПЕРЕДИ»* (6605 / 1097) кн. Василько использует ту же рече-поведенческую тактику (далее – РПТ), отказываясь от приглашения своего вероломного брата.

III. Две реплики, произносимые будущей женой кн. Владимира царевной Анной, также касаются ситуации «сватовства».

Первая из них передает ее реакцию на согласие братьев отправить ее к кн. Владимиру с духовными лицами, которые должны крестить его перед свадьбой: (27) *И ПОСЛУШАСТА ЦЕРЬ И ПОСЛАСТА СЕСТРУ СВОЮ И САНОВНИКЫ НЪКША И ПРОЗВУТЕРЫ. ВНА ЖЕ И*

¹ Цит. по [Полное собрание русских летописей, 1926, с. 76].

² Подробнее о высказываниях с глаголом *ХОТТИ* в форме настоящего времени в сочетании с инфинитивом см. [Савельев, 2016а].

Ѣ ХОТШЕ ИТИ, ТАКО В ПОГАНЫЯ, И Р^ѣ Ѣ ИМ: «**ЛУЧЕ БЫ МИ СДЕ ОУМРЕТИ**» (6496 / 988). Нежелание царевны Анны было настолько сильным, что братья **ѡДВА ПРИНУДИСТА** ее отправиться с посольством.

Царевна Анна выражает свое несогласие с решением братьев, используя в своей речи распространенное клише, оформляющее топос «в определенных ситуациях лучше умереть, чем продолжать жить»; ср., например, с (28) **И СЕ СЛЫШАВЪ, ГЛѢЪ <...> НАЧА МОЛИТ ИС^ѣ БО СЛѢЗАМИ, ГЛ:** «**ОУВЫ МИ, Г^ѣ И! ЛУЧЕ БЫ МИ ОУМРЕТИ С БРАТО МЪ, ЕЖЕЛИ ЖИТИ ВЪ СВ^ѣТ^ѣ СЕМЬ. <...> АЩЕ БО БЫХЪ, БРАТЕ, ВИДНАЪ ЛИЦЕ ТВО^ѣ АНГЛ^ѣ КО, ОУМЕРАЪ БЫХЪ С ТОБОЮ. <...> ЛУЧЕ БЫ МИ С ТО БОЮ ОУМРЕТИ, НЕЖЕЛИ ВЪ СВ^ѣТ^ѣ СЕМЬ ПРЕЛЪСТНЕМЪ Ж^ѣ.**» (6523 / 1015).

Во втором случае царевна Анна обращается к будущему мужу – потерявшему зрение и не знающему, что делать, кн. Владимиру – с советом поскорее креститься и избавиться от недуга: (29) «**АЩЕ ХО ЩЕШИ БОЛЕЗНИ СЕЯ ИЗБЫТИ, ТО ВЪСКОР^ѣ КР^ѣТИС^ѣ. АЩЕ ЛИ НИ, ТО НЕ ИМАШИ ИЗБЫТИ СЕГО**». Именно после этого кн. Владимир приступает к крещению: **И СИ СЛЫШАВЪ, ВОЛОДИМЕРЪ:** «**АЩЕ СЕ ИСТИНА БУДЕ^ѣ, ПОИСТ^ѣИ ВЕЛИКЪ БЪ КР^ѣТЪЯНЕСКЪ**». **И ПОВЕЛ^ѣ КР^ѣТИТИ С^ѣ** (6496 / 988).

Реплика царевны Анны строится по модели, часто встречающейся в речи летописных героев: говорящий произносит два сложных предложения с придаточными условия, каждое из которых моделирует возможное развитие событий при осуществлении собеседником определенных действий – одно из них благоприятно для него, другое нет. В рассматриваемом высказывании совет говорящего выражается прямым речевым актом (далее – ПРА) с императивом: «**ВЪСКОР^ѣ КР^ѣТИС^ѣ**». Полное тождество такому устройству в ПВЛ обнаруживает только одна реплика – высказывание кн. Ольги, обращенное к греческому царю: (9.2.2) «**<...> ДА АЩЕ М^ѣ ХОЩЕШИ КР^ѣТИТИ, ТО КР^ѣТИ М^ѣ САМЪ. АЩЕ ЛИ – ТО НЕ КР^ѣЩУС^ѣ**» (6605 / 1097). Во всех остальных (и весьма многочисленных) случаях обнаруживаются детали, отличающие произносимое от реплики царевны Анны:

а) придаточные части содержат не описание возможных действий собеседника, а оценку истинности чужой информации

(бояре и люди советуют Святополку Изяславичу: (30) «<...> **ДА АЩЕ ЕСТЬ МОЛВИЛЪ ПРАВО ДАВЫДЪ, ДА ПРИИМЕТЪ ВАСИЛКО КАЗНЬ. АЩЕ ЛИ НЕ ПРАВО ГЛАГОЛАЛЪ ДАВЫДЪ, ДА ПРИИМЕТЪ МЕСТЪ Ъ БОГА И Ъ ВЪЩАЕТЪ ПРЕДЪ БМЪ**» (6605 / 1097) или потенциальное отношение собеседника к предложению (посланные князьями Святополком, Владимиром, Давыдом и Олегом мужи передают князьям Володарю и Василько следующее сообщение: (31) «<...> **ДА АЧЕ ВАМЪ ЛЮБО, ДА СЪДЪТА, АЩЕ ЛИ – ДА ПУСТИ ВАСИЛКА СМО, АТЪ И КОРМИМЪ ЗДЪ** <...>» (6607 / 1099),

б) высказывание поясняет предложение говорящего, приняв которое собеседник может прийти как к благополучному для себя исходу, так и к нежелательному (касожский князь Редедя предлагает кн. Мстиславу сойтись в личном поединке: (32) «<...> **ДА АЩЕ УДОЛЪШЪ ТЫ, И ВОЗМЕШИ ИМЪННМОЕ И ЖЕНУ МОЮ, И ЗЕМЛЮ МОЮ. АЩЕ ЛИ АЗЪ УДОЛЮ, ТО ВОЗМУ ТВОЕ ВСЕ**» (6530 / 1022),

в) главная коммуникативная цель говорящего – привести собеседника к правильному решению – «спрятана» в условную часть одного из предложений, которое, таким образом, представляет собой иллокутивно полифункциональное высказывание с ИФ «благоприятный прогноз» и ИФ «совет» (цари Василий и Константин в ответ на требование кн. Владимира отдать ему в жены их сестру предлагают тому креститься: (33) «<...> **АЩЕ ЛИ СЪКРЕСТИШИ. ТО ПРИИМЕШИ СЕ И ПОЛУЧИШИ ЦРЬ ТВО НЕБНОЕ И С НАМИ ДИНОВРНИКЪ БУДЕШИ И. АЩЕ ЛИ СЕГО НЕ ХОЩЕШИ СТОРОТИ, НЕ МОЖЕВЪ ДАТИ СЕСТРЫ СЕ ОИ ЗА ТЪ**» (6496 / 988) – «Если ты крестишься, то получишь то, что хочешь, и даже больше» + «Крестись!»). Данная РПТ обнаруживается во множестве реплик ПВЛ и, как правило, приводит говорящего к желаемому перлокутивному эффекту.

Следует также обратить внимание на эллиптичность условной части предложения «**АЩЕ ЛИ НИ, ТО НЕ ИМАШИ ИЗБЫТИ СЕГО**», которая свидетельствует об устной природе данной конструкции: нет необходимости повторять слова, описывающие ту же пропозицию, что и в предшествующей части, поскольку эту информацию можно вывести как импликатуру; такой способ экономии речевых усилий свойственен именно устной речи. В ПВЛ обнаруживается несколько фрагментов, в которых используется именно эта модель (помимо упомянутых «**АЩЕ ЛИ – ТО НЕ КРЕЩУСЪ**» и «**АЩЕ ЛИ – ДА ПУСТИ ВАСИЛКА СМО**», см., например, слова князей Володаря и Василько (34) «**АЩЕ ЛИ**

, **ТО ВЫДАИТЕ ВРАГИ НАША**» (6605 / 1097), владимирцев (35) **«АЩЕ ЛИ, ТО ЪВОРИМЪ ВОРОТА ГОРОДУ»** (6605 / 1097) и (36) **«АЩЕ ЛИ, ТО ПРЕДА МЫСѦ»** (6605 / 1097)).

IV. Кн. Предслава участвует в двух КС; и в том и в другом случае она посылает весть своему брату кн. Ярославу. Такой способ коммуникации описывается в летописи часто: герои ПВЛ регулярно сообщают своим родственникам и союзникам об актуальных событиях, особенно когда эти события могут привести к опасным последствиям (например, (37) **СѢ СЛЫШАВШЕ, К҃РСУЊЦИ ПОСЛАША КЪ РОМАНУ, ГЛ҃ЮЩ: «СѢ ИДУТЬ РУСЬ, ПОКЪ РЫЛИ СУТЬ МОРЕ КОРАБЛИ». ТАКО ЖЕ И БОЛГАРѢ ПОСЛАША ВѢСТЬ, ГЛ҃ЩЕ: «ИДУТЬ РУСЬ, И ПЕЧЕН҃ТЫ НА ТАЛИ СУТЬ КЪ СЕБѢ»** (6452 / 944).

В первом случае слова княжны не приводятся, но об их содержании летописец сообщает в нарративной части: (38) **В СѢ ВРЕМѦ ПРИШЛА БѢ ВѢСТЬ Ъ ПЕРЕДЪСЛАВЫ КЪ ЯРОСЛАВУ О ОТНѢ СМРТИ** (6523 / 1015). Это сообщение, безусловно, оказалось для адресата крайне важным во многих смыслах; неслучайно, что после получения сообщения от сестры кн. Ярослав (39) **ПОСЛА <...> КЪ ГЛ҃ВУ, ГЛ҃: «НЕ ХОДИ! ИЩѢ ТИ ОУМРѢЛЪ, А БРАТЬ ТИ ОУБИТЬ Ъ СТОПОЛКА»** (6523 / 1015).

То, что летописец *сообщает* об известии кн. Предславы, но не *воспроизводит* его, вполне вписывается в общую картину передачи чужих слов в ПВЛ: если достаточно лишь упомянуть о словах героя, это вполне допустимо (например, (40) **ПАТРИАРХЪ <...> ЗАПОВѢДА И О ЦРКОВНЕМЪ ОУСТАВѢ И О МЛТВ И ПОСТѢ И О МЛТНИ И О ВЪЗДРЖАНИИ ТЛА Ч҃ТА** (6463 / 955), (41) **ЕДИННОЮ ЖЕ СМУ ПРИШЕДШЮ КЪ НИМА И ОУЧАШЕТЬ Я О МЛТНѢ КО ОУБОГИИ И О ЦРЬСТВ НЕМЪ <...>** (6599 / 1091), (42) **И ОУВѢДША ИГУМЕНИ И НАЧАША МОЛИТИСѦ О ВАСИЛЦѢ КЪ СТОПОЛКУ** (6605 / 1097). Встречаются также фрагменты, в которых летописец редуцирует речь своего героя до наиболее яркого высказывания, повлиявшего на ход коммуникации, указывая при этом в нарративной части содержание «невоспроизведенного»: (43) **В СѢ ЖЕ ВРЕМѦ ПРИДОША ЛЮДѢ НОВЪГОРОДЬСТИИ, ПРОСѢЩЕ КНЗѢ СЕБѢ: «АЩЕ НЕ ПОИДЕТЕ КЪ НАМЪ, ТО НАЛЗЕМЪ КНЗѢ СЕБѢ»** (6478 / 970) – летописец сообщает о просьбе новгородцев и воспроизводит их угрозу, заставившую кн. Святослава, хоть и с неохотой, но пойти им навстречу.

Во втором случае повествователь приводит слова послания кн. Предслады: (44) *В ТУ ЖЕ НОЩЬ ПРИДЕ М҃У ВѢСТЬ ИС КЫВА ѿ СЕСТРЫТО ПЕРЕДЪСЛАВЫ: «ЩЕ ТИ ОУМЕРАЪ, А СТОПОКЪ СДИТЬ В КИЕ, ПОСЛАВЪ, ОУБИ БОРИСА И ГЛАЪ, А ТЫ БАЮДИСЪ СЕГО ПОВЕЛИКУ»* (6523 / 1015). Заметим, что слова княжны не отличаются от тех, что произносятся другими героями ПВЛ в подобных случаях: рассказывается о сложившейся ситуации и произносятся слова о необходимости предпринять меры для обеспечения своей безопасности (ср. с приведенным выше посланием кн. Ярослава).

V. Мать кн. Брячислава участвует в КС, в котором обсуждается судьба ее сына. Она выслушивает наставление волхвов (45) *«СЕ ИАЗЬВ ЕНО НА ГЛАВѢТО. НАВЪЖИ НА НЬ, ДА НОСИТЬ ДО ЖИВОТА СВОГО»* и поступает так, как они велют. Слова ее не приводятся, но о ее реакции можно судить, исходя из описания перлокутивного эффекта в следующем за репликой волхвов предложении: *«<...> ДО ЖИВОТА СВОГО», ЖЕ НОСИЛЪ ВСЕСЛАВЪ И ДО СМРТНОГО ДНИ НА СОВѢ* (6552 / 1044).

VI. Мария Яневая участвует в одном из наиболее примечательных летописных диалогов: (46) *ЕДИНОЮ ЖЕ ЕМУ ПРИШЕ ДШЮ К НИМА И ОУЧАШЕЪТ Я ѿ МЛѢТНѢКО ОУБОГИИ И ѿ ЦРЪСТВ НЬНѢМЪ, СЖЕ ПРЪАТИ ПРАВЕДНИКОМЪ, А ГРШЬНЫМЪ М҃КУ, І ѿ СМРТНЕМЪ ЧѢА. И СЕ ЕМУ ГЛШЮ І ѿ ПОЛОЖЕНЫ ГЛА ОУГРОБИМА. І РѢИ МА ЯНЕ ВАІА: (46.1) «КТО ВѢСТЬ, ГДѢМЪ ПОЛОЖАТЬ?» РѢИ ЖЕ ЕИ ФЕДОСИИ: (46.2) «ПОНСТИИ ИДЪЖА АЗЪ Л҃У, Т҃У И ТЫ ПОЛОЖЕНА Б҃ДЕШИ». СЕ ЖЕ СЪБЪЫСЪ* (6599 / 1091) – после рассказа св. Феодосия о положении тел во гроб, Мария произносит вопрос (46.1), явно не требующий ответа («Кто знает, где меня похоронят?» = «Никому не дано знать, где меня похоронят»). Однако св. Феодосий отвечает на него, сообщая, где она будет похоронена. Приведя пророчество святого, летописец свидетельствует: *СЕ ЖЕ СЪБЪЫСЪ*

То, что вопрос Марии представляет собой косвенный речевой акт (далее – КРА) с ИФ «оценочное суждение», следует из того, что:

а) в данном высказывании реализуется топос «многое человеку знать не дано, только Бог все знает», неоднократно озвучиваемый героями ПВЛ. Интересно, что в одном из случаев об этом говорит муж Марии Янь Вышатич, опровергающий утверждение волхвов: (47) *«ПОНСТИИ ЛЖЕТЕ: СТВОРИЛЪ БО ВѢСТЬ БЪ ЧЛВКА ѿ ЗЕМЛѢ И СЪСТА*

***ВЛЕНЪ КОСТЬМИ И ЖИЛАМИ Ѡ КРОВИ, И НѢ В НЕМЪ НИЧТОЖЕ И НЕ ВѢ
ТЬ НИЧТОЖЕ. ТОКМО БЪ ДННЪ ВѢТЬ***» (6579 / 1071);

б) коммуникативная форма «информативный вопрос» часто используется как КРА, при этом, если в нем отсутствует отрицание, то его следует понимать как суждение, содержащее отрицание¹. О том, что такие высказывания воспринимаются древнерусскими коммуникантами как КРА, свидетельствует их реакция (например, (48) ***ѠВѢЩАВШЕ ЖЕ ДРУЖИНА, РЕКОША ВОЛОДИМЕРУ: «КНЖЕ, НѢ ТИ В ТОМЪ
ГРѢХА. ПРИВЕЛЪ ТИ БЪ В РУЦѢ ТВОИ. ЧЕМУ ѠНѢ, К ТОБѢ ВСЕГДА РОТЪ ХОДѢЩЕ,
ГУВѢТЬ ЗЕМЛЮ РУСКЮЮ И КРОВЬ ХРЕСТЬЯНЬСКЮ ПРОЛИВАЮТЬ БЕСПРЕ
СТАНИ?» И ПОСЛУША ИХЪ ВОЛОДИМЕРЪ*** (6603 / 1095), (49) ***И НАЧА ВОЛО
ДАРЬ МОЛВТИ: «ПОЧТО, ЗАО СТВОРИВЪ, НЕ КАЕШИШѢ СЕГО? ДА ОУЖЕ ПО
ЛНИШѢ, КОЛКО ЕСИ ЗАО СТВОРИЛЪ!» ДВѢДЪ ЖЕ НА СТОПОЛКА НАЧА ИЗВѢТЬ
ТВОРИТИ*** (6605 / 1097). Наиболее примечательна в этом отношении реплика дружины кн. Игоря, в которой в качестве КРА используется высказывание, совпадающее по форме с произносимым Марией: (50) ***«
ДА АЩЕ СИЦЕ ГАТЬ ЦѢРЬ, ТО ЧТО ХОЩЕМЪ БОЛЪ ТОГО. НѢВИШѢ И, ИМАТИ
ЗЛАТО, И СРѢБРО, И ПАВОЛОКЫ? ЕДА КТО ВѢТЬ, КТО ѠДОЛѢТЬ: МЫ ЛИ, ѠНИ
ЛИ? <... >». И ПОСЛУША ИХЪ ИГОРЬ*** (6452 / 944);

в) невозможность восприятия данного «вопроса» как ПРА связана с его пропозитивным содержанием: это вопрос, на который нельзя ответить.

И тем не менее, св. Феодосий на него отвечает: то, что обычный человек не может воспринять как вопрос, ибо ответ на него невозможен, святым воспринимается иначе. Св. Феодосию дано знать будущее собеседника, и необходимость сообщить об этом заставляет летописца включить данный диалог в ПВЛ.

VII. Кн. Анна (Всеволожая), после смерти мужа – кн. Всеволода – ставшая монахиней Яниева монастыря, «пользовалась уважением киевлян, даже будучи вдовой. Поэтому, когда в 1097 году между князьями возникла ссора и Святополк Изяславич был осажден в столице объединенными войсками Владимира Мономаха и черниговских князей, именно ее и митрополита Николая горожане попросили стать посредниками в переговорах между враждующими сторонами» [Морозова, 2009, с. 292]. В летописи это событие описывается следующим образом: (51) ***СТОПОЛКЪ ЖЕ ХОТѢШЕ ПОБѢНУТ***

¹ Подробнее о древнерусских КРА см. [Савельев, 2016б].

*и ис кыѣва, и не даше ему кигане побѣнѹти, но послаша оубевола
оую и митрополита николу къ володимеру, гл҃ща: «молимѣ, кн҃
же, тобѣ и братома твоима: не моzte погубити р҃усьскон землѣ. а
ще бо возмеѣ рать межю собою, погани имѹтъ радоватиѣ и воз
мѹтъ землю нашу, юже бша стжали ваши дди і ѡци ваши трѹдо
мъ великимъ и хороборьствомъ, побарѹюще по р҃усьскон земли,
а ины земли приискаху. а вы хоцете погубити р҃усьскую землю
». всеволожа и митрополитъ придоста к володимеру и моли
таѣ ему и поведаста молбу кыпанъ, јако створити миръ и бл҃гост
и земли р҃ускои и брань имѣти с погаными. и се слышавъ, Володи
меръ расплакаѣ: «поистинѣ ѡци наши и дди наши соблюдоша р҃ус
ьскую землю, а мы ю хоцемъ погубити». и преклонилѣ на молбу,
чт҃шесть бо ю јако мтрѣ, ѡца ради своего, бѣ бо любимъ ѡцо своем
у повелику в животѣ и по смрѣти, и не послѹшасѣ его ни в чемъ же. и
послѹша јако мтрѣ и митрополита тако же, чт҃санъ стѣьскыи, и
ѣ прѣслѹша молбы его (6579 / 1071) – как мы видим, яркая
пространная речь, обращенная к кн. Владимиру, была подготовлена
киевлянами. Однако то, как она была произнесена кн. Анной – а
именно она на протяжении всего фрагмента в перечислительном ряду
Всеволожая и митрополит Никола упоминается первой, и можно
предположить, что именно ей было поручено умолиѣ кн. Владимира,
– заставило ее адресата расплакаться и преклониться на молбу
женщины, почитаемой им как мать.*

***

Итак, главной особенностью летописного женского речевого портрета является то, что во всех случаях летописные женщины вступают в коммуникацию в социальных ролях, имеющих отношение к их семейной жизни, – в качестве матери, дочери, сестры, невесты, жены, вдовы. В ряде случаев (и прежде всего тогда, когда коммуникантом является кн. Ольга) на них накладываются социальные роли властительницы и / или христианки. Сообразно этому тематика диалогов, в которых участвуют женщины, ограничена: они говорят о браке, похоронах, поминовении усопших, заботятся о безопасности близких и спасении их душ, реже участвуют в переговорах, касающихся установления мира, взимания дани, передачи подарков. При этом во всех случаях собеседниками их являются мужчины. Что касается собственно языковых признаков, то их речь не отличается от летописной речи мужчин. Единственным исключением служит

речевой портрет кн. Ольги, но и он скорее свидетельствует о том, что она, как и другие выдающиеся летописные ораторы, обладает неповторимым речевым «лицом», черты которого связаны не с ее полом, а с ее личностью.

Литература

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I.

Морозова Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2009.

Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археологической комиссией Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926.

Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2016. № 2.

Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения с субъективно-модальным содержанием (на материале «Повести временных лет») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2016. № 4.

Савельев В.С. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 1) // Филология и человек. 2018. № 2.

ДИНАМИКА КОММУНИКАТИВНЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ¹

*Н.И. Клушина, А.В. Люликова,
А.В. Николаева, Л.В. Селезнева*

Ключевые слова: коммуникация, речевые практики, языковая норма, коммуникативная сфера, жанр.

Keywords: communication, speech practice, language norm, communicative sphere, genre.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-05

Введение

Современная коммуникация неоднородна. В ней можно выделить несколько зон, которые наиболее ярко демонстрируют новации, связанные с динамикой современных речевых процессов. Это такие

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00032а «Влияние Интернета на жанровые и стилистические параметры медиатекста».

социально значимые сферы коммуникации, как интернет-коммуникация, рекламная коммуникация и деловое письмо, понимаемое как бизнес-коммуникация. Изменения речевой практики в данных сферах оказывают серьезное воздействие на изменения языка в целом, а также изменение речевого поведения в современном социуме. Этим обусловлена **актуальность исследования**, в котором выявляется специфика речевых практик в разных сферах общественной жизни.

В статье ставится **цель** выявить и описать значимые сферы массовой и межличностной коммуникации, в которых происходят речевые трансформации, в конечном счете влияющие на изменения в том числе социального сознания.

Динамика норм языка постоянно наблюдается и описывается учеными, поскольку она свидетельствует о развитии или, наоборот, деградации любого национального языка. Этой проблеме посвящены современные труды Л.П. Крысина, О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной, Н.А. Купиной, К.А. Роговой, Г.Я. Солганика, В.Г. Костомарова, А.П. Сквородникова и других русских ученых. Но данные исследования касаются отдельных аспектов языка, в целом картина языковых изменений фрагментарна и не упорядоченна. Существуют многочисленные разрозненные исследования интернет-коммуникации (Б. Тошович, М.А. Кронгауз, Е.В. Горина, Е.И. Горошко, Т.Н. Колокольцева, Н.И. Клушина, Е.В. Какорина, А.В. Николаева, Л.Н. Синельникова, О.С. Иссерс и др.), в которых описываются трансформация и расшатывание языковой нормы в Интернете, но в них намечаются общие тенденции языковых трансформаций, без обобщающих прогностических выводов. Не менее многочисленны исследования норм языка в рекламной коммуникации (Н.Н. Кохтев, Т.И. Сурикова, Л.В. Ухова, О.Т. Гаспарян и др.), активно изучаются языковые процессы в сфере массмедиа (В.И. Коньков, Н.И. Клушина, Н.Н. Василькова, Н.Н. Смирнова, Е.А. Кожемякин, М.Ю. Казак, Е.Г. Малышева, Т.В. Чернышова и др.) и деловой коммуникации (Л.В. Селезнева, О.И. Северская, Т.И. Сурикова и др.).

Но, несмотря на столь широкий научный контекст, общих выводов о динамике современных языковых и коммуникативных норм в современной русском языке до сих пор не сделано, поскольку языковые трансформации рассматривались фрагментарно, без видения общей перспективы.

Поэтому в данном исследовании изучаются речевые трансформации в основных сферах современной коммуникации, что позволяет делать общие выводы и давать прогнозы.

Предмет данного исследования – динамические процессы в развитии коммуникативных норм современной русской речи, выявление новаций и специфики речевых практик в социально значимых сферах коммуникации.

Гипотеза заключалась в том, что существуют определенные зоны коммуникации, в которых наиболее сильно прослеживаются трансформации языка под влиянием экстралингвистических факторов (прежде всего становление и развитие Интернета) и интралингвистических факторов (новых речевых практик, принятых в современном социуме).

Таковыми зонами являются интернет-коммуникация, рекламная коммуникация, деловая коммуникация и профессиональная коммуникация. Эти сферы коммуникации становятся репрезентативными еще и потому, что изучение их в совокупности дает максимально полный охват современной социумной речевой практики и тем самым позволяет делать выводы не только относительно данных конкретных сфер, но и коммуникации в целом. С этой точки зрения проведенное исследование является **новым** и теоретически значимым для современной медиалингвистики.

Материал для исследования был отобран по принципу релевантности для выдвинутой гипотезы. В сфере интернет-коммуникации для анализа был взят жанр блога, который возник в среде Интернета и стал одним из наиболее влиятельных жанров. Для выявления специфики речевых практик в рекламной коммуникации был выбран слоган, который в данной статье рассматривается как компрессированный текст, наиболее ярко демонстрирующий трансформации в речевых практиках рекламы. В сфере деловой коммуникации материалом для исследования стали речевые формулы и эмблемы деловой переписки и трансформации в русском речевом этикете.

Для изучения языковой трансформации в новейшее время используется метод интерпретации, позволяющий описать динамические процессы, происходящие в современной коммуникации под влиянием интралингвистических и экстралингвистических факторов.

Выявлены социально значимые сферы современной коммуникации: интернет-коммуникация, рекламная коммуникация, язык медиа, деловая коммуникация и профессиональная коммуникация.

Результаты

Нами рассмотрены наиболее репрезентативные речевые жанры, демонстрирующие речевую специфику данной конкретной сферы

коммуникации. Это блог в интернет-коммуникации, слоган в рекламной коммуникации, речевые эмблемы и формулы в деловой коммуникации.

Результаты исследования показали, что за прошедшие 15 лет медиа потеряли свою монополию на создание и распространение контента. Не новостные ресурсы теперь первыми сообщают о происшествии, но его очевидцы. Медиа больше не могут эксклюзивно обеспечивать аудиторный охват – их читатели и зрители переходят в соцсети. Поэтому блог становится одним из самых влиятельных речевых жанров интернет-коммуникации.

В рекламной коммуникации ведущим речевым жанром является слоган, который рассматривается как компрессированный текст. Основные языковые новации происходят именно в вербальном наполнении слоганов. Важной чертой рекламной коммуникации становится имплицитность воздействия на общественное сознание, поскольку в слоганах интенция продаж с помощью речевых тактик маскируется и затушевывается.

В деловой коммуникации на основе анализа деловой корреспонденции отечественных корпораций, писем государственных учреждений были выделены коммуникативные формулы, которые выполняют функцию дискурсивных эмблем в деловой коммуникации. Эмблематическое прочтение речевых формул позволило выявить релевантные признаки определенных коммуникативных ситуаций и раскрыть социальные характеристики коммуникантов, важные при составлении и восприятии письма. Лингвистическое осмысление эмблем делового дискурса необходимо для понимания пресуппозиций делового общения, а также для понимания «особых» речевых формул, которые включают в себе фоновые знания ситуации.

Исследование демонстрирует высокую степень новаций в социально значимых сферах коммуникации, что приводит к расширению границ современных языковых и коммуникативных норм, к большей доли субъективности и эмоциональности, которая проникает в ранее строго регламентированную деловую и корпоративную коммуникацию. Под влиянием речевых практик изменяется языковое сознание социума, в обществе появляется запрос на личностную, проинтерпретированную автором информацию, а не строго документальную, фактологическую информацию.

Блог как ведущий речевой жанр в интернет-коммуникации

По данным Фонда общественного мнения, каждый седьмой россиянин пользуется Интернетом. Являясь открытым

коммуникативным пространством, Интернет оказывает огромное влияние на все сферы жизни общества. Общение в Интернете происходит в границах блогов, форумов, дискуссий на самых разных сайтах.

Блог (от Web Log – электронный журнал событий) – электронный дневник. Блог несколько напоминает традиционную колонку обозревателя в печатных СМИ, но у блогера большая свобода в выборе темы и способах оформления материала (гифки, нарративы, видео- и аудиоматериалы). Блог ведет, как правило, конкретный человек (реже группа людей) от своего имени. И автор в комментариях напрямую общается со своими читателями, что, конечно, тоже выгодно отличает авторскую площадку от печатных СМИ. Основной принцип повествования в блоге – это повествование, субъективизированное авторской точкой зрения, то есть такое, в котором автор всегда оказывается субъектным центром и всегда предлагает читателям / слушателям свою интерпретацию событий / фактов. Речевые формы субъективации повествования в блоготексте традиционны: употребление личных местоимений, разговорный порядок слов, диалогическое построение (обращение к читателю), использование экспрессивного синтаксиса и экспресsem.

Текст получается личным, эмоциональным, он привлекает читателя, который тут же, в блоге, может задать автору вопрос и высказать собственное мнение о проблеме, которую поднимает автор в своем тексте.

Активное развитие блогжурналистики объясняется не только подачей материала от имени конкретного пользователя, что позволяет сократить дистанцию между источником информации и получателем (или, как минимум, рождает иллюзию сокращения этой дистанции). Главная же причина развития блогосферы в том, что с каждым днем повышается необходимость в медиа – у людей все больше свободного времени, все больше возможностей найти «своего автора», который превратит безличную ленту новостей в авторский эмоциональный монолог.

Современный блогер – уже не просто любитель, его творчество представляет собой фактически профессиональное медиа. Аудитория некоторых блогов значительно больше, чем у официальных СМИ. Те, кого медиа называли «наша аудитория», получили новые инструменты для коммуникации, вне существовавшей раньше медийной системы. Читатели реагируют прежде всего не на новость (новость в наше время высоких технологий моментально становится достоянием каждого) –

они идут на интонацию, ищут то мнение, которое оценивают как компетентное.

Цель у профессиональных медиа и блогеров одна: все борются за читателя и у всех есть возможность сформировать лояльную аудиторию – причем у блогеров нередко это получается даже лучше, чем у медиа. Именно блогеры сейчас становятся лидерами мнения. Facebook выделил \$10 млн на то, чтобы платить из этих денег лидерам сообществ, обеспечивающим «осознанные коммуникации» в Facebook.

Именно частным ресурсам отводится большая социальная роль в современном обществе. То есть блогерам надо думать не только о трафике и краткосрочном привлечении читателей на сомнительный реерайт, а работать на имя. Читатели будут приходить не только на привлекательные заголовки, но и на имя автора, на значимые темы.

В блогах легче использовать новые форматы. Такие, например, как нарративы (Stories в Snapchat, Instagram и Facebook). Многие читатели лучше воспринимают визуальную информацию, чем длинные тексты. И нарратив – хороший способ рассказать историю коротко и красиво.

Для блога характерно развитие так называемой разговорной письменной речи (сокращения, простые предложения, экспрессивная лексика, диалогичность). Кроме того, мы можем наблюдать огрубление речи (использование жаргонизмов, просторечий, инвективной лексики).

Интернет меняет наши представления о классическом тексте, он изменил мир и, вне всякого сомнения, каждый день меняет нас самих.

В свое время книгопечатание обогатило словарный запас языка и способствовало фиксации норм письменной речи. Теперь Интернет не только дарит нам много новых слов, но и способствует размыванию нормы русского языка (лексической, синтаксической, орфоэпической, этической).

Лингвисты говорят о возникновении особого сетевого языка. В Интернете мы видим огромное количество неологизмов, заимствований, графических средств выражения эмоций.

В блоготекстах, как правило, используется: открытое авторское «я»; формально письменный, но концептуально устный вид речи; смешение признаков коммуникации и публикации; компенсация эмоциональной недостаточности за счет графических приемов использования разного рода экспресsem; совмещение признаков монолога, диалога и полилога; частотна анонимность; разные социальные роли одного автора; карнавалльно-игровой стиль изложения; ориентация на диалогичность.

Целью общения в Интернете нередко бывает не только желание высказаться или пообщаться, но и желание выплеснуть эмоции. Такая функционально обусловленная потребность языка Интернета в передаче эмоций нашла выход в использовании графических средств. Широко распространена графическая передача звуков и слогов цифрами: *Onli4, Vare4ka, mi3ch*, пиктограммы (эмотиконы, смайлики), часть которых стала общеупотребительной: :) – улыбка; :(– грусть, сожаление о чем-то; o_O – крайняя степень удивления.

Не случайно, по версии Оксфордского словаря, словом года в 2015 г. стал именно смайлик, точнее, картинка-эмодзи. Японское слово «эмодзи» состоит из «э» (картинка) и «модзи» (характер), то есть буквально: «картинки с характером».

Интернет-речь характеризуется традиционной для современных языков тенденцией к аббревиации: аббревиатуры *кмк* (как мне кажется), *имхо* (in my humble opinion); сокращение слов: *спас* (спасибо), *чел* (человек), *щас* (сейчас).

Пунктуация очень свободная, а нередко и вовсе игнорируется пользователем. Сложные предложения используются реже, чем простые. Широко распространены неполные предложения, активно используется инверсия.

Набор предложений и слов заглавными буквами воспринимается аудиторией крайне отрицательно: «*Чего кричишь?!*»

Успешность текста в Интернете во многом зависит от кликбейтности заголовка и удачного лида. Главное условие продвижения блоготекста состоит в том, что читатель должен «кликнуть» – нажать на заглавие. Кликбейт современными исследователями рассматривается как отрицательное явление в языке, подразумевается, что некоторые экспрессивные заголовки строятся по шаблону, являются наживкой для доверчивых читателей. Содержание текстов в данном случае часто не соответствует обещанному в заглавии, экспрессивный синтаксис и слова-триггеры пугают и раздражают читателей. Такое заглавие принято называть кликбейтом. Слово «кликбейт» произошло от английских слов «Click» / кликнуть и слова «Bait» / наживка, иначе говоря, это тот заголовок, который должен «поймать» читателя, что является одним из главных условий жизни текста в интернет-пространстве. Уместнее было бы разделять названия-пустышки и названия образные, яркие, но этого не происходит, так как автоматизированные системы обнаружения кликбейта пессимизируют не только такие «кричащие» заголовки, но и просто авторские образные названия материалов, в которых есть фразеологизмы, эпитеты, экспрессивный синтаксис и др. Поэтому

нужно исходить из того, что далеко не всегда СМИ-заголовок, включающий подобные речевые средства, является кликбейтом. Кроме того, те названия материалов, в которых нет ни метафор, ни эпитетов, ни экспрессивного синтаксиса, вполне могут быть дезинформирующими и кликбейтными.

Итак, блоготекст – это практически всегда текст, написанный с позиции открытого авторского «я» и оформленный при помощи разного рода эмотивно значимых элементов русского языка.

Среди множества изменений текстового целого, к которым привело появление Интернета, можно отметить «вещественную» реализацию диалогичности, о которой писал М.А. Бахтин: «Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, художественной и других) пронизана диалогическими отношениями» [Бахтин, 1979, с. 212].

Любой текст – это сочетание разных текстовых структур, в нем обычно имплицитно представлена диалогичность. В интернет-тексте эта диалогичность дана не только имплицитно, она нередко явно реализована посредством разных прямых вопросов, обращенных к читателю, и далее в полной мере проявляется в комментариях читателей.

Диалог в комментариях часто оказывается интереснее читателю, чем собственно информация в тексте, очень часто читатели обращаются к авторскому тексту только потому, что под ним много комментариев. Дискуссия после материала показывает, что тема востребована и социально значима.

«Механизм взаимоотношения текста и аудитории основывается на напряженном взаимодействии. Слушатель постоянно стремится определенным образом идентифицировать текст со своей памятью. Текст же, в свою очередь, постоянно врывается в память и трансформирует ее. Диалог этот имеет напряженно-драматический характер и в предельном своем воплощении тяготеет к взрыву» [Лотман, 2002, с. 174].

Взрыв этот в пространстве Интернета имеет вполне вещественное воплощение и носит имя «холивар» (от англ. holy war – священная война). Холивар – жаркая, не всегда корректная дискуссия по теме, заявленной в тексте. Сейчас активнее молодежью используется такое обозначение жаркой дискуссии как «хайп».

Свобода самовыражения личности в Интернете, анонимность пишущего, ориентированность на непосредственный диалог не только

являются положительными факторами, позволяющими автору раскрывать свой творческий потенциал, но также снимают многие общепринятые для публичного общения ограничения, такие, например, как этические и этикетные (вербальная агрессия, троллинг, ненормативная лексика).

Рекламный слоган как форма манипулятивной коммуникации

Как форма манипулятивной коммуникации слоган направлен на оказание суггестивного воздействия на реципиента. Реализуемый посредством имплицативных директивов манипулятивный потенциал слогана предполагает активную позицию реципиента, способного продуцировать имплицативные смыслы, которые коррелируют с транслируемой слоганом информацией и образуют единый идейно-смысловой континуум рекламного текста.

Стратегия суггестивного воздействия наряду с ценностно-ориентированной стратегией обеспечивают слогану перлокутивный эффект, благодаря которому слоганы используются в повседневной речевой практике как легко воспроизводимые речевые акты.

Как жанр слоган оформился в условиях быстро развивающейся западноевропейской и американской рекламной индустрии в начале прошлого столетия. В соответствии с утвердившимся в пиарологии взглядом слоган представляет собой текстовое явление преимущественно в сфере коммерческой и социальной рекламы, а также политической коммуникации.

В отечественном медиапространстве, так же как и в мировом, слоган представляет собой «рекламный девиз в виде эмоционально заряженной фразы, используемый как элемент корпоративной идентификации. В отличие от рекламного заголовка призван выражать не конкретные достоинства товара, а идеологию фирмы, производящей товары или предоставляющей услуги» [Радченко, 2007, с. 72]. Задача слогана заключается в том, чтобы «выделить признаки и характеристики, указывающие на уникальность бренда, и остаться в сознании потребителей» [Rio, 2001, p. 415].

По сравнению с другими речевыми актами слоган занимает наиболее сильную позицию в тексте. Его коммуникативная цель, которой подчинен целый комплекс коммуникативных стратегий, заключается в том, чтобы вызвать особую реакцию реципиента и направить действия в соответствии с задаваемым в слогане вектором речемыслительной деятельности. Перлокутивный эффект обеспечивают преимущественно имплицативные смыслы,

транслируемые в целом рекламным текстом и субъективированные слоганом, например:

Драгоценные минуты тишины с чаем Greenfield. Когда ты можешь услышать себя. Чай Greenfield. Обретая гармонию.

Пробуйте эту жизнь на вкус. И главное – наслаждайтесь ею. Кофе Jardin – и каждый миг неповторим!

Декларативная форма слоганов сообщает реципиенту о возможности «обрести гармонию» и пережить «неповторимые» мгновения. Субъективируя общий смысл рекламного текста, данные слоганы структурируют имплицитный директив с тональностью информирования не столько о вкусовых качествах предлагаемого продукта, сколько о возможном эстетическом удовольствии при его употреблении. Причем слоганы исключают широкий диапазон суждений с возможностью возникновения противоречащего общей тональности значения. Эксплицитная информация, содержащаяся в экспрессивных единицах «драгоценные минуты», «гармония», «наслаждайтесь», является основанием для их имплицитного соотнесения с характеристиками предлагаемого продукта. Подобные механизмы речемыслительной деятельности указывают, в первую очередь, на активность реципиента в продуцировании имплицитных смыслов, а самостоятельность суждений реципиента свидетельствует о достаточной мере объективности транслируемой слоганом информации.

Имплицитный оценочный смысл обеспечивает слогану аттрактивность, а фонетический прием ритмизации и рифмизации – легкую воспроизводимость.

В результате речемыслительной деятельности реципиент не только интерпретирует актуальную информацию рекламного текста, но также продуцирует коррелирующие с ней имплицитные смыслы, которые, как правило, связаны с социальными и индивидуальными стереотипами и личным опытом. Например, построенные в форме императива следующие слоганы:

Toyota. Управляй мечтой.

Летайте самолетами Аэрофлота –

отличаются, прежде всего, тем, что в первом случае экспрессия заложена в имплицитной метафорической номинации «Toyota – мечта». Второй пример представляет собой эксплицитный директив с имплицитным суждением о высоком качестве услуг компании «Аэрофлот». В конечном счете перлокутивный эффект достигается при условии ассоциативного соотнесения рекламного продукта с экспрессивной единицей «мечта» как структурирующей социальный и

индивидуальный стереотип и репродукции в сознании реципиента информации из личного опыта о качестве услуг рекламируемой компании.

Знания, основанные на личном опыте и стереотипном мышлении реципиента, являются основным условием для реализации суггестивного потенциала слоганов. Сознание субъекта способно воспроизводить коммуникативно актуальные значения, которые необходимы для выстраивания идейно-семантического континуума воспринимаемого рекламного текста. Таким образом, влияние на сознание в виде суггестивного воздействия – это одна из форм взаимодействия автора рекламного слогана и воспринимающего этот слоган аудиально и/или визуально субъекта. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, «всякая манипуляция сознанием есть взаимодействие <...> если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели – и начинает действовать по новой программе, – манипуляция состоялась» [Кара-Мурза, 2005, с. 19].

Причастность реципиента к выстраиванию содержания рекламного сообщения интенционально обусловлена желанием самого реципиента, поскольку, как отмечает С.Г. Кара-Мурза, «манипуляция – это не насилие, а *соблазн*» (курсив – С. К.-М.).

Проявление активности со стороны реципиента в процессе структурирования общего значения рекламного сообщения может рассматриваться как этап манипулятивной коммуникации, основная цель которой состоит в том, чтобы обратить внимание потребителей на привлекательные характеристики рекламируемого продукта. С этой точки зрения наиболее эффективны коммуникативные стратегии слоганов в форме имплицатуры:

L'Oreal Professionnel. Придает волосам больше мягкости и блеска.

Банк ВТБ. Мы работаем для того, чтобы сохранить и приумножить Ваше доверие.

Коммуникативно актуальная информация о привлекательности продукта по уходу за волосами и услуг банка расширена за счет имплицитных значений, продуцируемых экспрессивными единицами «больше» и «сохранить и приумножить». Благодаря им информация о том, что у волос уже есть мягкость и блеск так же, как и то, что реципиент уже выказывает доверие банку, является исходной данностью и в меньшей мере может быть подвержена сомнению со стороны потребителя. Имплицатурные речевые акты воспринимаются как ненавязчивая форма суггестивного воздействия по сравнению с декларативом, реализуемым слоганом:

Майский чай – любимый чай,

в котором с тональностью утверждения передана информация о вкусовых предпочтениях потребителя.

В современном информационно-коммуникативном пространстве стратегии коммуникативного воздействия используются не только в рекламной индустрии, они оказываются востребованными и в других коммуникативных сферах. В силу своей аттрактивности и легкой воспроизводимости некоторые слоганы воспроизводятся в повседневной речевой практике как устойчивые формулы с известным коммуникантам имплицитным смыслом. Как социально-культурные реалии слоганы используются в художественных произведениях и произведениях кинематографа. Ярким примером является императивный слоган из советской кинокомедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973):

Граждане! Храните деньги в сберегательной кассе!

В романе В. Пелевина «Generation “П”» слоганы являются не только маркерами изображаемого медийного пространства, но и образцом современной «рваной стилистики» (Пелевин, 2015, с. 4)¹:

Понимание приходит с опытом. Davidoff Classic (Пелевин, 2015, с. 66).

Деньги пахнут! «Бенджамин». Новый одеколон от Хуго Босс (Пелевин, 2015, с. 82).

Главный герой создает слоганы в соответствии с коммуникативными тактиками рекламной индустрии. В слоганах использована ценностно-ориентированная стратегия, позволяющая соотносить предлагаемый продукт с традиционными общественными представлениями об опыте как некотором достоянии человека и деньгах как условии материального благополучия.

Таким образом, новации в сфере рекламной коммуникации наблюдаются на вербальном уровне слогана и его имплицитном воздействии на адресата.

Речевые практики в деловой коммуникации

В настоящее время деловое письмо, как никакой другой жанр делового дискурса, испытывает на себе влияние узуса, связанное с усилением личного начала, зависимостью литературной нормы от условий, в которых осуществляется речь. «Норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового средства» [Ширяев, 2000, с. 15], и ее использование все больше обусловлено

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на источник Пелевин В. «Generation “П”». М., 2015.

коммуникативной целесообразностью или представлениями автора о коммуникативном кодексе.

Коммуникативный кодекс, понимаемый как система принципов, применяемых только к сознательным и намеренным действиям, закладывает прагмалингвистические основы деловой коммуникации: регулирует речевое поведение коммуникантов и соотносит интенции с их речевой реализацией. Как отмечал Л.П. Крысин, «несовпадение нормативных прескрипций и речевой практики более или менее очевидно, и современная устная и письменная речь предоставляет нам массу примеров такого несовпадения» [Крысин, 2017, с. 22]. Одна из причин этого процесса обозначена О.Б. Сиротининой как недостаточная коммуникативная компетентность адресанта и адресата, которые не умеют «пользоваться функционально-стилевой дифференциацией литературного языка» [Сиротинина, 2013, с. 33]. И при этом то, что рождается порой в социально низкой и малокультурной среде, может получать распространение в речевой практике носителей литературного языка, как, например, выражение «*Доброго времени суток!*» в качестве начальной фразы письма. Выделение эмблематических формул позволяет отследить изменения в современной переписке не только с точки зрения соответствия или не соответствия нормам литературного языка, но и констатировать влияние узуса на речевую практику [Чернышова, 2003] и на законы жанра [Барышева, 2015].

Деловая переписка связана, с одной стороны, с жанровыми законами эпистолярного текста, который «представляет собой особый речевой стереотип – канонизированную форму коммуникативного общения, разграниченную временем и пространством» [Ковалева, 2001, с. 231], а с другой – с особенностями деловой коммуникации, которую отличает стандартность и статусно-ролевая ориентированность. Это способствует появлению в деловой корреспонденции коммуникативных формул, устойчивость и узнаваемость которых делает их дискурсивными эмблемами.

Под дискурсивными эмблемами, вслед за В.И. Карасиком, понимаются любые знаки, при помощи которых можно идентифицировать коммуникантов и обстоятельства общения [Карасик, 2014, с. 202]. Мы рассматриваем речевые формулы, эмблематическое прочтение которых позволяет выявить релевантные признаки определенных коммуникативных ситуаций и раскрыть социальные, этнические, психологические характеристики коммуникантов. Эмблемы выполняют роль индикаторов имплицитной информации, заключенной в тексте. Например, фразы «*Ай, мАлАдЭц!*»,

«Таки да!» являются этническими индикаторами, «Гражданин начальник!» «Товарищ полковник!», «Слушаю вас, большой», «Братя и сестры!» – ролевыми индикаторами, «Здравствуйте, товарищи десантники!» – «Здравия желаем, товарищ министр обороны!» – индикаторами ситуации.

Любой дискурс создает эмблемы, и для субъектов дискурса эмблематические знаки предсказуемы и понятны, но в ситуации коммуникативного сбоя, когда требуется объяснение имплицитной информации, эмблемы помогают понять пресуппозиции общения и их роль индикаторов имплицитной информации становится наиболее яркой. Характеристика эмблем может складываться на основе разных дискурсивных категорий: мы рассмотрим две – сфера общения, в которой употребляются данные эмблемы, и дискурсивная тональность.

Сфера общения позволяет отделить эмблемы делового и непринужденного общения (институционального и личного дискурсов), в которых проявляется статус участников, содержание коммуникации, цели. Например, выражение «Довожу до Вашего сведения...» представляет собой индикатор делового дискурса; «Я хочу тебе рассказать» – индикатор личного дискурса. «Приносим извинения» является эмблемой письма-извинения, «Благодарим за интерес к нашей компании» – комплиментарным индикатором.

Типичными дискурсивными эмблемами являются формулы начала и завершения письма, осмысление которых формирует фоновые знания участников коммуникации. Так, если автор начинает письмо выражениями «Привет, дружище!», «Привет, дорогая!», то это предполагает близкие отношения между коммуникантами. Перенос дискурсивных эмблем из непрофессионального общения в профессиональное возможен в том случае, если у адресанта и адресата «общий набор пресуппозиций» [Столнейкер, 1985, с. 428], которые важны для достижения взаимопонимания. Именно пресуппозиция прописки, то есть принадлежность к некоему коллективу, выступает тем сложным предрасположением (термин Р.С. Столнейкера), которое и проявляется в речевом поведении.

Коммуникативные формулы в деловой переписке являются речевой реализацией статусно-ролевого характера делового общения. Это проявляется, например, в использовании формулы с глаголом разрешите: «Разрешите поздравить»; «Разрешите обратиться»; «Разрешите проинформировать». Разрешите является тем индикатором, который говорит о зависимом положении одного субъекта от другого, их официальных отношениях. Для делового общения характерно четкое распределение коммуникативных статусов

производителей речи, которое определяется местом, занимаемым членом корпорации в системе, поэтому в письмах, адресованных первым лицам компаний, могут использоваться «особые» коммуникативные формулы, отражающие представления той или иной компании о проявлении уважения к начальству. Так, формулу *Просим + infinitive* (например, «*Просим дать поручение*») в ПАО «Татнефть» считают некорректной по отношению к первым лицам компании и вместо нее употребляют выражение «*Просим Вашего поручения*», а в конце письма часто используют выражение: «*Просим Вашего мнения*». В другой компании, «ФГКУ «Росвоенипотека», формула *Прошу + infinitive* расширяется за счет введения оборота *рассмотреть возможность*: «*Просим рассмотреть возможность включения в список*».

Даже жанровое оформление целого текста может стать эмблематичным. К таким эмблемам относятся письма-ответы из государственных органов о получении / направлении / перенаправлении письма.

1. *Здравствуйте!*

На Ваше обращение, зарегистрированное 10.01.2013 года за № 164п, Вам направлен ответ от 15.01.2013 года за № 5.8.5/164п-2 (Совет Федерации).

2. *Уважаемый клиент!*

Ваше обращение, поступившее в Сбербанк России, зарегистрировано за номером 000913-2013-011971 и принято Банком в работу. Благодарим Вас за Ваше обращение. Данное письмо направлено автоматически. Пожалуйста, не отвечайте на него (Сбербанк).

Содержание подобных текстов самоочевидно для участников коммуникации и порой даже абсурдно. Данные сообщения носят анонсирующий характер, и их целью является скорее не предупреждение адресата о получении письма, а отчет о проделанной работе. Поэтому данные дискурсивные эмблемы нерелевантны для читателя.

Нерелевантными в деловом письме являются и фразы «*Ваше обращение рассмотрено...*», которыми часто начинаются ответы из государственных организаций: «*Ваше обращение по вопросу восстановления Вас в реестре участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих рассмотрено*». Само письмо предполагает, что обращение рассмотрено и дан ответ, поэтому использование данной эмблемы является шаблонным.

Смешение в деловой корреспонденции коммуникативных формул официального и неофициального общения делает их эмблематичными, так как позволяет нам идентифицировать личность пишущего. Например, деловое письмо, в котором было выражено сожаление о предоставленных клиенту неудобствах. Начало письма: *«Сожалеем о сложившейся ситуации и о том, что у Вас сложилось подобное мнение о компании»*. Высказывание является индикатором коммуникативной некомпетентности автора-составителя: тавтология (*сложившаяся – сложилась*) и неуместное использование слова *подобной* в начале письма. Завершение письма *«Благодарим за обращение! Удачного дня! С уважением, Юлия»* совмещает разные речевые формулы: начальную фразу письма *«Благодарим за обращение!»*, фразу устной речи *«Удачного дня!»* и фразу, которой обычно завершается деловое письмо *«С уважением»*.

Дискурсивная тональность представляет собой оценочную доминанту, которая «складывается из разного типа оценок, используемых креатором для создания у рецептора определенного отношения к референту» [Селезнева, 2016, с. 514]. Тональность может быть разной: нейтральной и маркированной, обиходной и торжественной, серьезной и комической и т.п. Эти типы тональности специфически преломляются в каждом дискурсе. В.А. Кухаренко отмечает преобладание отрицательной оценки в бытовой и художественной речи, так как «нормы – морально-этические, эстетические, социальные и прочие – исходят из положительной оценочности. Поэтому положительная оценка описываемых фактов и явлений не всегда фиксируется – это норма. Нарушение же нормы вызывает повышенное внимание и, соответственно, находит свое отражение в речи» [Кухаренко, 1988, с. 42].

Для деловой переписки не характерна открытая оценочность, нормативным является нейтральный, констатирующий тон, и эмблематичными знаками можно считать перформативы извинения *«Приносим свои извинения»*, сожаления *«Сожалеем о сложившейся ситуации»*, предупреждение *«Предупреждаем вас о том, что...»* и др. Проявление иронии, или оценка действий вышестоящих является нарушением субординации и делового этикета. Например, письмо студента преподавателю содержит непозволительное выражение иронии и оценку действий преподавателя: *«Здравствуйте, я присылал работу. Когда вы удостоите ответом. Как-то нехорошо молчать. Я старался, писал работу и только эхо в ответ»*.

Вызывает в этом плане интерес употребление коммуникативных формул со словом *рад*. Значение слова *рад* включает такие

семантические компоненты, как «чувство удовольствия», «удовлетворение», «радость», которые позволяют строить высказывание для выражения удовольствия и удовлетворения («*Я рад получить эту книгу*»; «*Я рад, что еду в Китай*») или выражение радости за другого человека («*Я очень рад за Вас*»). В деловой коммуникации рекомендуют использовать формулы *Rad + Infinitive* («*Рад получить Ваше письмо*», «*Рад пригласить Вас*» и т.п), однако не оговариваются прагматические основы употребления данных высказываний. На наш взгляд, можно говорить об использовании данной формулы только в том случае, если автор исходит из интересов адресата, то есть радуется за адресата, а не за себя, поэтому возможны предложения типа: *Мы рады сообщить Вам, что наша компания теперь осуществляет БЕСПЛАТНУЮ доставку запасных частей и автомасел для розничных клиентов и от любой суммы заказа*¹.

Однако часто встречаются случаи использования слова «рад» в косвенных речевых актах для самопрезентации и хвастовства, например:

Уважаемые господа!

Мы рады сообщить Вам, что наша компания является авторизованным дилером и сервисным центром компании EcoWater Systems EUROPE NV на территории Российской Федерации по продаже и обслуживанию умягчителей воды Ecomaster® кабинетного исполнения серии Galaxy VDR².

Уважаемые клиенты ООО «Хонсервис»!

Мы рады сообщить вам, что наша компания расширилась и переехала в новое помещение по адресу: Москва, 3-й Нижнелихоборский проезд 1А³.

Рады сообщить!

Наша компания является официальным дистрибьютером компании Kangertech в России⁴!

Проявление радости за себя в деловой коммуникации для показа своих достижений противоречит принципам вежливости, в частности, максиме скромности «Modesty Maxim: Minimize praise of self / Maximize dispraise of self» [Leech, 1983, с. 132] (Свести к

---

¹ Вседлясто. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--b1aeczpod9i.xn--p1ai/?page=suppliers>

² Экодар. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ekodar.ru/news/dileri_ecowater/

³ Хонсервис. Ремонт двигателей и деталей двигателей. [Электронный ресурс]. URL: <http://honservice.ru/>

⁴ RedSmokers. [Электронный ресурс]. URL: <http://redsmokers.club/news/rady-soobshhitvam-chto-nasha-kompaniya-yavlyaetsya-oficialnym-distribyuterom-kompanii-kangertech/>

минимуму похвалу себя / Увеличить осуждение себя. Перевод мой – Л.С.).

Таким образом, можно говорить о том, что дискурсивные эмблемы, представленные речевыми формулами, являются идентификаторами той речевой практики, которая сложилась в современной деловой корреспонденции.

Заключение

Интернет создает новые условия для развития языка и коммуникации. Автор и его площадка сами становятся брендом, способным продвигать чужие бренды. Блогеры знают рецепт своего успеха: необходимо вырабатывать «свой» язык общения с аудиторией. Общение блогер – аудитория эмоционально, доступно, происходит здесь и сейчас. Изменение условий коммуникативной ситуации под воздействием цифровых технологий оказывает сильное влияние на трансформацию речевых практик не только в онлайн-, но и в офлайн-среде. В первую очередь это касается деловой коммуникации.

В деловой коммуникации были выявлены эмблемы на основе двух дискурсивных категорий: сфера общения, в которой употребляются данные эмблемы, и дискурсивная тональность. Это позволило выделить такие эмблемы деловой переписки, как *Разрешите + поздравить (обратиться), Ваше обращение рассмотрено, Раd+ Infinitive*, формулы приветствия и прощания.

Дискурсивные эмблемы испытывают на себе влияние двух тенденций современной деловой коммуникации. С одной стороны, деловая корреспонденция существует в рамках норм литературного языка и правил деловой переписки, основанных на коммуникативном кодексе, который позволяет выстраивать речевое поведение в соответствии с интенциями автора и адресата. При этом велика роль эмблем, которые воспринимаются читателем как нерелевантные. С другой стороны, анализ коммуникативных формул по признаку сферы общения и дискурсивной тональности показал сильное влияние норм устной речи и норм интернет-общения, которые приводят порой к аграмматизму фраз, что, в свою очередь, является средством, позволяющим идентифицировать коммуникантов и обстоятельства общения.

Рекламная коммуникация также является площадкой для языковых новаций. В русской речевой практике слоган представляет собой жанровую модификацию с очевидной коммуникативной направленностью на реципиента. В отличие от других текстовых образований, так или иначе ориентированных на широкий круг воспринимающих информацию визуально и /или аудиально, слоган

принадлежит к манипулятивному типу коммуникации и имеет своей целью оказание коммуникативного воздействия.

Обращение к слогану как одной из наиболее популярных форм организации современного информационно-коммуникативного пространства позволило выявить основные коммуникативные стратегии и техники коммуникативного воздействия, являющиеся важной составляющей современной речевой практики и позволяющие говорить об обозначившейся тенденции к выстраиванию манипулятивной модели как наиболее частой формы речевого поведения в разных сферах современной коммуникации. Таким образом, слоган представляет собой одну из форм манипулятивного типа коммуникации, которая предусматривает активную позицию реципиента. Именно интенциональность реципиента призвана обеспечить перлокутивный эффект транслируемой слоганом информации, поскольку продуцированные реципиентом имплицативные смыслы являются результатом его собственных суждений и в меньшей мере могут быть поставлены под сомнение. Учитывая популярность слогана в разных коммуникативных сферах, можно констатировать тот факт, что характерные для рекламной индустрии коммуникативные стратегии востребованы в повседневной речевой практике, ориентированной на активизацию роли воспринимающего, который способен самостоятельно воссоздать коммуникативно актуальную информацию.

Изучение особенностей в социально значимых сферах коммуникации показывает не отсутствие нормы, а формирование новых норм. Эти нормы могут противоречить традиционным представлениям, их можно характеризовать как «гибкие», «плавающие», но это не отсутствие норм как таковых. Наибольшей степенью подвижности обладают лексические, фразеологические, стилистические нормы. В значительной степени это обусловлено развитием функционально-стилистической системы русского литературного языка, формированием новых стилей (интернет-стиль) и трансформацией существовавших прежде (стили деловой и рекламной).

Литература

- Барышева С.Ф., Касперова Л.Т., Клушина Н.И., Селезнева Л.В., Смирнова Н.В. Жанровое своеобразие интернет-коммуникации // Филология и человек. 2015. № 4.
Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005.
Карасик В.И. Языковое проявление личности. Волгоград, 2014.

- Ковалева Н.А. Речевые стереотипы эпистолярного текста // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. I.
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
- Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
- Радченко И.А. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз. Воронеж, 2007.
- Селезнева Л.В. Дискурсивная тональность в PR-текстах // Стилистика сегодня и завтра. 2016.
- Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.
- Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект). Барнаул, 2003.
- Ширяев Е.Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Leech G.N. Principles of Pragmatics. New York, 1983.
- Rio A., Vazquez R., Iglesias V. The Effects of Brand Associations on Consumer Response // Journal of Consumer Marketing. 2001. No 18 (5).

Список источников

Пелевин В. «Generation “П”». М., 2015.

ДИАЛОГ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОЗНАНИЙ КАК ВЕРИФИКАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КООРДИНАТ (ИВАН БУНИН – МИЛАН КУНДЕРА – КАРЛОС КАСТАНЕДА – ВИКТОР ПЕЛЕВИН)

А.Н. Безруков

Ключевые слова: литературный постмодернизм, метасюжет, художественный дискурс, Иван Бунин, Карлос Кастанеда, Виктор Пелевин, рецепция текста, диалог сознаний.

Keywords: literary postmodernism, meta-description, artistic discourse, Ivan Bunin, Carlos Castaneda, Victor Pelevin, perception of the text, dialogue of artistic consciousness.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-06

Современная литература в режиме фиксации культурно-исторической памяти достаточно часто обращается к творческой

генеалогии классических жанровых форм и сюжетов. Мета­смыслы, формирующиеся при таком подходе к художественному письму, позволяют точно объективировать рецепцию литературного произведения. Контрапунктивная точка пересечения, взаимоварьирования оказывается условием, регулирующим ряды смысловых читательских интенций. В целом, лирика, драматургия, проза немислимы без созвучности мнений, голосов, конкретизации топики, ведь «искусство – знание общего» [Аристотель, 1976, с. 66].

Одним из приемов художественной объективации эпохи постмодернизма становится популяризация и акцент на явных / скрытых заимствованиях. Цитата как наиболее активная форма диалога раскрепощает действие автора, пролонгирует жизнь слова, связывает в единое культурное пространство разные области знаний. Изводы античных диалогов, философские доктрины Нового времени, срезы памяти XX века – все вбирает и перерабатывает в своем синтетическом режиме эстетика постмодерна. Методологически верными, на наш взгляд, являются рецептивный, структурно-семиотический, феноменологический подходы [Бахтин, 1975; Богданова, 2004; Зырянов, 2003; Липовецкий, 2008; Тюпа, 2001] оценки существования / функционирования наследия мировой классической литературы, ее влияния на современный отечественный литературный процесс.

Смысловая направленность метасюжетов была конкретизирована еще в работах Ю.И. Левина [Левин, 2001], О.В. Зырянова [Зырянов, 2003], Н.Д. Тамарченко [Тамарченко, 1983], Н.Л. Лейдермана [Лейдерман, 2003], М.Н. Липовецкого [Липовецкого, 2008], В.И. Тюпы [Тюпа, 2001] и ряда других теоретиков и практиков литературоведения. На наш взгляд, общим знаменателем должен стать тезис, что метасюжет – это структурированная система реверсивной рецепции культурно-исторического наследия, организованный вид отсылки, которая формирует как образный, так и событийный ряд, специфически сложенный поведенческий комплекс восприятия художественных реалий заглавными героями, а далее и верификация ирреальных событий читателями. При этом концентрация смыслового абсолюта достигается не только реинкарнацией истории как таковой, но влияет и на условия моделирования новой, еще не обозначенной точки зрения.

Метасюжет, следовательно, создает биполярный контраст, одно­моментно происходит как бы и динамика становления нового текста, и реверсивный поворот к уже сказанному, созданному. В свое время еще Михаил Бахтин отмечал, что «значение процесса

переакцентуации в истории литературы громадно. Каждая эпоха по-своему переакцентуирует произведения ближайшего прошлого. Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально-идеологической переакцентуации. Благодаря заложенным в них интенциональным возможностям, они в каждую эпоху на новом диалогизирующем их фоне способны раскрывать все новые и новые смысловые моменты; их смысловой состав буквально продолжает расти, создаваться далее. Также и влияние их на последующее творчество неизбежно включает момент переакцентуации. Новые образы в литературе очень часто создаются путем переакцентуации старых, путем перевода их из одного акцентного регистра в другой...» [Бахтин, 1975, с. 231-232]. На наш взгляд, дробность *метасюжета* также позволяет конкретизировать его структуру, наметить скрепы связности, инвариантно подобрать оценочные характеристики. Отсылки, реинтерпретация прошлого, сказанного и созданного ранее, также видоизменяют смысл. В данном случае говорит, или точнее творится новое слово об архаике, происходит верификация эстетического опыта прошлого. Явный художественный эксперимент в области трансформаций культурного наследия можно точно наблюдать в малой прозе Виктора Пелевина.

Творческое наследие Виктора Пелевина располагается в постмодернистской художественной системе, где реальная действительность отражается в редуцированном, либо деформированном виде, а образ мира выстраивается на основе внутрикультурных связей [Богданова, 2016], диалогов с предшествующей литературной практикой. Внешний мир у Виктора Пелевина генерируется изнутри, он как бы всецело зависит от масштаба внутреннего мира той личности, которая оказывается в центре художественного повествования. Не всегда у него движение наррации означает приближение к конкретике реального, большая часть пелевинских текстов выстраивает иную художественную плоскость: компьютерная игра, вариантная условность, обман, провокация, подобие копии, симулякр, копия копии, стройный вымысел, другая параллель жизни, инобытие. Для Виктора Пелевина главное не создать подобие какой-то настоящей картины жизни, но лишь условно намекнуть читателю на где-то рядом происходящее, творимое, созидаемое. При этом грани художественного письма обращены к эстетически качественной литературной традиции [Кротова, 2017], зарубежной классике, текстам периода XIX-XX веков.

Займствуя наличное художественное начало, писатель отрывается в сферу предполагаемого, может быть, истинно желаемого. Интертекст

для Виктора Пелевина, также как и для большинства постмодернистов, – игровой принцип, правила организации чтения. Следует заметить, что интертекст – явление полифункциональное, ведущей функцией вслед за текstopорождающей оказывается функция смыслоформирующая. Текст «в условиях постмодернистской поэтики вбирает корпусность культурно-эстетической матрицы, редуцирует не только уже имеющиеся смыслы, но и потенциально подразумеваемые, мыслимые коннотации» [Безруков, 2017, с. 17]. Небольшое по объему эссе Виктора Пелевина «Мост, который я хотел перейти» представляет собой децентрированный текст, лишенный как линейного сюжета, так и смыслового центра. Текстовое поле формируется автором /героем, вернее складывается условно в его сознании / мышлении, воображении / памяти.

Традиционные элементы художественного мира-реальности в рассказе-эссе Виктора Пелевина как бы не существуют. Воспринимающий их субъект – потенциальный реципиент – возводит свой мир, свои концептуальные конструкции, свои магистрали динамики смысла. Как человек литературный, отталкиваясь от чужого текста, автор зависит от прецедента. В данном случае он стремится к переосмыслению / осознанию того, что уже было сказано, что уже было предположено: «*В одном романе Милан Кундера называет вопрос мостом понимания, перекинутым от человека к человеку...*» (Пелевин, 2005, с. 350)¹. Мост не есть буквальный конструкт, хотя графически, визуально читатель его представляет, прорисовывает. Так как даются его архитектурные приметы, намечается контурность, глубина рисунка, некая фактурность, точечность «мозаики». И все же в рассказе-эссе основным объектом созерцания, оценки является человек, герой, его жизнь и судьба, проекцией лежащая на онтологию существования читателя.

Характерный признак персонажа – но не буквально близкого самому автору – одиночество, дистанцированность от настоящего, реального мира. Художественная действительность рассказа-эссе Виктора Пелевина представляет собой совокупность не всех реалий существующего мира, а только тех, которые выделяет сам субъект речи: «*Я вспомнил мост, который собирался когда-то пересечь. Мысль о том, что я сделаю это сейчас, наполнила меня неожиданной радостью*» (Пелевин, 2005, с. 351). Он отступает от принципов материалистического восприятия мира и придерживается мнения об

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

относительности и субъективности человеческого познания: «Границы, от которой я иду, я не помню. Границы, к которой приближаюсь, не вижу. Можно ли говорить, что я иду откуда-то или куда-то?» (Пелевин, 2005, с. 351). Герой Пелевина задается вечными вопросами, важно, что из плана нравственного они поднимаются на уровень бытийный, однозначных ответов иметь не могут: что есть наш мир? каковы его границы? есть ли предел/конечность сущего? куда деваюсь я? кто есть я в реальном мире?

Основная движущая сила эссеистского текста, как и всей пелевинской прозы – сомнение, которому подвергается все. Метафизика часто затемняет собственно художественный пласт. Блочный метод разверстки смысла дает возможность автору двигаться вместе с читателем по касательной, так как формой связи с прецедентными, уже созданными текстами является аллюзийный, скрытый намек. Ближайшие ориентиры для Виктора Пелевина на уровне анализируемого произведения – тексты Карлоса Кастанеды, Милана Кундеры, Ивана Бунина. Хронологический принцип нарушен сознательно, ибо движение по регламенту реверса становится приметой пелевинского авторского кода.

Поиск ответов на предложенные вопросы настраивает читателя на определенную реакцию, на со-участие в метафизическом состоянии мира. Практика данного мира замещается философской теорией, теорией полярной оценки, которая так необходима постмодернизму с его акцентом на метаданные, цитатный [Широкова, 2015] вариант сложения наррации. Отсюда, вероятно, нивелирование в рассказе-эссе темы времени и доминирование категории пространства, превращающегося на отдельных уровнях текста в гиперпространство: «Мост у нас под ногами. Но есть ли берега?» (Пелевин, 2005, с. 351). Философский вектор содержится в развиваемой во всем тексте парности «жизнь – мост», в которой реализуется проблема двоемирия. Данный факт также немаловажен для литературы конца XX века, да и все текстовое повествование сорганизовано символическим контрастом. Контрастом полярных точек, устойчивых, константных диаметральных пар: «тогда – теперь», «раньше – сейчас», «здесь – там», «старый мост – новый мост», «мальчик – взрослый», «реальность – кажимость». Границами словесной игры опредмечивается реальность кадра, мифологически выстраивается условность, интуитивная модель оценки занимает статус правильности. Автор намекает читателю о путях приближения к пониманию, ибо оно «есть непосредственное восприятие смысла. В отличие от знания (владения значениями) и мнения (владения концептами) понимание является концептуализацией

значений, то есть трансформацией семантики общедоступных элементов языка в уникальные семантические единицы внутренней речи (концепты допредикативных очевидностей)» [Тюпа, 2001, с. 187]. Философичность пелевинской малой прозы, ее объемный смысловой потенциал сокрыт как в формальной догматике жанра, так и в содержательной дисперсии значения.

На наш взгляд, в философской раздумчивости данного рассказа-эссе нет сентенций, нет оценочности или маркированности. Принятие неизбежности существующего положения-порядка роднит текст Виктора Пелевина с вариациями «Пассажа о Мосте» Карлоса Кастанеды. У Виктора Пелевина читаем: *«И все же меня утешает сходство жизни с прогулкой по мосту, который я отчаялся пересечь»* (Пелевин, 2005, с. 351); у Кастанеды находим: *«Я знаю. Мост пересекает то, что некогда было рекой, теперь он пересекает ее высохшее ложе, реку из камней, с песчаными берегами, реку, под дном которой скрыты ископаемые окаменелости. Древние моря. Теперь этот мост заброшен, по нему никто не ходит»* (Кастанеда, 2005, с. 81). Для Кастанеды мост есть «прекрасный призрак», «элемент судьбы», «одинокий» спутник желаний, символ времени. Для Пелевина мост «пространственный вопрос», «ответ действительности», «способ поговорить», «форма вопрошания», может быть, «буквально судьба». Символически, знаково мост и в том, и в другом случаях становится ментальной матрицей декодирования сущего / бытийного, способом верификации эстетических, значимых для человека / читателя координат. Не случаен извод пелевинской мысли, что *«Мост у нас под ногами»* (Пелевин, 2005, с. 351), что он есть *«висящий в пустоте отрезок»* (Пелевин, 2005, с. 351). «Постмодернистская художественная форма по своему статусу обладает преимущественной программой реализации матричного единства культурных, общеэстетических и языковых граней. Смысловой фазой разверстки текста становится не только реинкарнация, восстановление уже понятого, но и желание угадать мыслимое, буквально несказанное» [Безруков, 2017, с. 17]; и, что весьма важно для оценки – «в рамках одного текста сочетается сразу много различных смысловых слоев, каждый из которых имеет свою систему» [Носачев, 2017, с. 226]. Таким образом, привыкая к условной пустоте, и автор, и герой, и читатель / реципиент наполняют ее смысловыми импульсами, комбинаторно складывают текстовый конструкт.

В анализируемом тексте, на наш взгляд, важна роль заголовочного комплекса, она объединяющая, в ней ключ к

интерпретации: «...мост похож на вопрос, обращенный человеком ко времени и пространству, – что на другой стороне?» (Пелевин, 2005, с. 350). В формулировке заглавия – авторский интерес к неожиданному, ориентация на открытость, разомкнутость или даже ризомность формы, сознательные или бессознательные желания: «Странно, но я никогда не пересекал этот мост, хотя иногда хотел» (Пелевин, 2005, с. 350). В ориентире на заголовок стадияльно получает разверстку реминисценция о романе Милана Кундера «Бессмертие». Отсылка к «мосту понимания» (Кундера, 2001, с. 138), диалогу человека с миром, человека с другим человеком, и обеспечивает объективное коммуникативное единство. Понимать – не значит высвечивать правду, истину, понимать – значит довериться природе взаимодействий, которые, в свою очередь, и обеспечат принятие / неприятие правды.

Милан Кундера не буквально принимает мост как объект перехода, сюжетное звено о мосте не об этом. Автор конкретизирует, что «Журналист не тот, кто задает вопрос, а тот, кто наделен священным правом спрашивать кого угодно и о чем угодно <...> власть журналиста основана не на его праве спрашивать, а на праве требовать ответа» (Кундера, 2001, с. 138). Хотелось бы подчеркнуть, что именно требовать. Следовательно, «мост понимания» становится еще и условием как догадки, так и перспективы потенциального принятия ситуации целостно на себя. У Виктора Пелевина обратный ход, элемент усиления метасюжета: требовать ответа от я-личности: «Можно ли говорить, что я иду откуда-то или куда-то? И все же меня утешает сходство жизни с прогулкой по мосту, который я отчаялся пересечь» (Пелевин, 2005, с. 351). Прогулка по мосту есть жизнь, движение по обреченному кругу, но с ориентиром на желание совершить какой-либо онтологически правильный, смелый поступок; отчасти верифицировать эстетические границы реальности, объективировать настоящее и необходимое сущее для человека. Прошлое, которое изображает или вспоминает автор рассказа-эссе наполнено обязательным стандартом живого и естественного. Это и возраст, это и велосипед, это и шоссе, это и песочные дома, и солнце, и неожиданная радость, и внутренняя грусть, и экзистенциальное молчание, и предполагаемый ответ. Не буквальный, но планируемый, не чужой, но свой, сформулированный индивидуально, целостно, с пониманием естественного, закономерного, циклического. Рассказ-эссе «Мост, который я хотел перейти» Виктора Пелевина в русле такой модели понимания обогащается также аллюзией на рассказ Ивана Бунина

«Поздний час», который включен в цикл «Темные аллеи». Бунинский текст – это авторский эстетический Рубикон, релевантная модель оценки настоящего, реально-осязаемый хронос прошлого.

Отмечалось, что «явления раздвоения сознания и неадекватное восприятие времени становятся предметом сюжетов современных авторов. Так, в произведениях <...> Виктора Пелевина постоянно наблюдаются скачки во времени <...>» [Федосова, 2012, с. 22]. Моделирование текстового пространства у Виктора Пелевина осуществляется в формате игры / переосмысления книжных знаний: «... у меня есть подозрение, что Лета – это не те воды, в которые мы вступаем после смерти, а река, через которую мы переправляемся при жизни» (Пелевин, 2005, с. 351). В поэтике подобной игры в художественно-эстетическом соответствии использованы равноправно два языка: язык науки, логика мотивировки (философия, онтология познания) и язык культуры, знаковый комплекс переживаний (литература, образное видение). Предчувствие исхода становится основой бунинского текста. Следует отметить, что «Поздний час» – классический образец метафизического преодоления крайностей, мысленный переход в прошлое, некая переориентация во времени. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин, 1975, с. 235]. Копии у Виктора Пелевина, конечно, не выходит, да это и не является самоцелью автора, но «мост – переход», «мост – акцент», «мост – прощание / обретение» – архитектурными гранями визуален для читателя / реципиента. Иван Бунин старается художественно прорисовать чувственно-эмоциональный спектр переживаний, создать эффект полного присутствия в живом, Виктор Пелевин создает диалог с предшествующей литературой, он снимает формальные ограничения перед читателем, символически переживает аффект свободы мысли.

Пульсирующее сознание пелевинского героя стремится к постижению тайны Бытия, «абсолют объективности существования реального мира ставится им под сомнение» [Богданова, 2004, с. 341]. В детстве он «строил из песка дома, которые разрушались каждый раз, когда мимо проходил речной теплоход или большая баржа» (Пелевин, 2005, с. 350), во взрослом состоянии он думает, что «я ведь не делал в жизни ничего иного, а только мерил шагами этот висящий в пустоте отрезок дороги – мост...» (Пелевин, 2005, с. 351). Земное пространство здесь – пустота, а философская установка к

мировоззренческой ориентации – относительность всего, вероятностность другой реальности. Мост поэтому следует видеть антимоделью иного мира. У Ивана Бунина мост становится проводником в другую – прошлую – но тоже реальность: *«И я пошел по мосту через реку, далеко видя все вокруг в месячном свете июльской ночи. Мост был такой знакомый, прежний, точно я его видел вчера: грубо-древний, горбатый и как будто даже не каменный, а какой-то окаменевший от времени до вечной несокрушимости...»* (Бунин, 2006, с. 30). Величественно стилизует мост-данность в «Позднем часе» настоящую жизнь, он выступает неким рефреном, модусом приобретений, утрат, горьких потерь и радостных обретений. В этом и заключается, вероятнее всего, особый пафос реализма Ивана Бунина.

Также хотелось бы отметить, что театрализация, которая нарочито видна в «Позднем часе», для И.А. Бунина важна, в первую очередь, накалом страстей. Герой его рассказа *«Жил когда-то в России, чувствовал ее своей, имел полную свободу развезжать куда угодно <...> А все не ехал, все откладывал. И шли и проходили годы, десятилетия. Но вот уже нельзя больше откладывать: или теперь, или никогда. Надо пользоваться единственным и последним случаем, благо час поздний и никто не встретит меня»* (Бунин, 2006, с. 30). Обреченность персонажа пелевинского рассказа-эссе также в понимании быстротечности движения жизни: *«Когда мне было двенадцать лет, я каждый день садился на велосипед и ехал по шоссе к каналу <... Часами лежал на берегу, я видел отблеск солнца <...> Через пятнадцать лет я снова оказался на этом шоссе – и опять на велосипеде...»* (Пелевин, 2005, с. 350). Признать для себя, что время так неумолимо бежит, получается лишь отчасти, но признать достижимость самоцели: *«Я понял: сделав это, я пересеку границу между собой нынешним и собой прошлым, и это будет значить, что тот мальчик и я – один и тот же человек»* (Пелевин, 2005, с. 351) – есть интенциональная победа над смыслом. Иван Бунин крайне медленно, возможно с ретардацией затягивает основные действия своего героя-персонажа. Следует напомнить, что это все же «последний час»: *«на мосту фонарей нет, и он сухой и пыльный»* (Бунин, 2006, с. 31). Образно обыгрывая две ситуации – прошлой памяти и памяти культурной, – конструируется субъектный мир текстов, предлагающий иной взгляд на природу жизни, в целом на человека. Вектор эстетической мысли может быть переведен в данном случае в плоскость античности, где «эллинизм дал впервые возможность личности развернуть свое внутреннее самочувствие, углубиться в свою собственную личность и сделать для себя

второстепенными все вопросы объективного миропорядка» [Лосев, 1979, с. 13]. Диалог художественных сознаний позволяет реципиенту выявить новые импульсы смыслов. Пелевин предвосхищает подобное: *«Это было бы самым настоящим алхимическим актом»* (Пелевин, 2005, с. 351). Иван Бунин, организуя наличный текстовый объем, находится, как правило, на границе создаваемого им мира: *я «стал думать, какой она была в те далекие, наши с ней времена: просто убранные темные волосы, ясный взгляд, легкий загар юного лица, легкое летнее платье, под которым непорочность, крепость и свобода молодого тела <...> Это было начало нашей любви, время еще ничем не омраченного счастья, близости, доверчивости, восторженной нежности, радости...»* (Бунин, 2006, с. 32). Покидая бранный мир настоящего, бунинский герой как бы освобождается от желания высветить дистанцию крайностей, для него смыслом уже становится переживание прежней радости, действительное ощущение прежнего восторга. Герой Виктора Пелевина сложнее понимает онтологию жизни, остановиться только на эмоционально-чувственном переживании он не может. Для него перспектива – *«мост, который я так хотел перейти»* (Пелевин, 2005, с. 351).

Таким образом, писательский талант в том, чтобы выстроить диалогические, дискурсивные отношения с реципиентом, подтолкнуть читателя к тому, чтобы в его сознании возникли определенные ассоциативные ряды, аллюзии, реминисценции. Виктору Пелевину удается сделать это объемно, концептуально, целостно, вариативно. Реверсивный ход в прошлое через литературно-культурологические тексты Карлоса Кастанеды, Милана Кундеры к Ивану Бунину сохраняет наследие преемственности отечественной классики. Общий ракурс, который объединяет сюжеты, сводится к метасюжетике – разверстка эстетически-смысловой парадигмы, манифестация замысла, идентификация главного.

На наш взгляд, диаметрально указанных писателей синтезирована знаком-функцией, фигурой вопрошания, которая и есть, вероятно, «мост понимания». Финал «Позднего часа» И.А. Бунина, безусловно, трагичен: *«сердце рванулось и замерло <...> Что это было? Пронеслось и скрылось. Но сердце в груди так и осталось стоять. И так, с остановившимся сердцем, неся его в себе, как тяжкую чашу, я двинулся дальше. Я знал, куда надо идти, я шел все прямо по проспекту – и в самом конце его, уже в нескольких шагах от задней стены, остановился...»* (Бунин, 2006, с. 35). Образец раскрытия смысла, по Бунину, в достижении

эмпирики чувственной памяти, в прокручивании еще раз пиковых, кульминационных, личностных переживаний в «последнее мгновение» жизни. Следовательно, генеративная природа пелевинской малой прозы, в частности этого рассказа-эссе, с оттенком мистики, может быть и потусторонности – смысловая ризомность, редуцированная множественность коннотаций. В подобных условиях жизни обрести, расшифровать тайну бытия героя/автора, по Пелевину, только и получится, при этом переориентация ответственности за это лежит в конструктивных рамках творческой активности читателя.

Литература

- Аристотель. Сочинения: в 4-х тт. М., 1976. Т. 1.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
- Безруков А.Н. Русская постмодернистская литература в корпусной матрице фреймов и концептов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2017. № 3 (95).
- Богданова О.В. Виктор Пелевин и «московский концептуализм» // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. Т. 16.
- Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-90-е годы XX века – начало XXI века). СПб., 2004.
- Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003.
- Кротова Д.В. Творчество В. Пелевина и традиции модернизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-3 (69).
- Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 2-х тт. М., 2003. Т. 2.
- Липовецкий М. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М., 2008.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков, 2000.
- Носачев П.Г. Эзотерический палимпсест: системы образов в творчестве В. Пелевина // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2017. № 27.
- Тамарченко Н.Д. Статус героя и «язык сюжета» в «Евгении Онегине» (К постановке проблемы) // Болдинские чтения. Горький, 1983.
- Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001.
- Федосова Т.В. Репрезентация времени в постмодернистском дискурсе // Филология и человек. 2012. № 1.
- Широкова Е.Н. Дискурсивность и интертекстуальность как источники поликодности художественного текста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2-2.

Список источников

- Бунин И.А. Поздний час // Полное собрание сочинений: в 13-и тт. М., 2006. Т. 6.
Кастанеда К. Отшельник / Пер. с исп. М., 2005.
Кундера М. Бессмертие. СПб., 2001.
Пелевин В.О. Мост, который я хотел перейти // Relics: Избранные произведения. М., 2005.

ЭПИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДИБАША КАИНЧИНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

У.Н. Текенова

Ключевые слова: диптих, мотив дороги, загон / изгородь, человек и природа, стихийное бедствие, духовный мир, психологизм, деталь.

Keywords: diptych, the motive of the road, corral / fence, man and nature, a natural disaster, the spiritual world, psychologism, detail.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-07

Так сложилось, что все классики алтайской литературы – выходцы из сельской местности (Л. Кокышев, А. Адаров, Э. Палкин, Б. Укачин, Ш. Шатинов, К. Телесов, Д. Каинчин и др.) и главными героями их произведений стали простые деревенские люди. Мы наблюдаем, как разрушается «стереотип исключительной личности», писатели раскрывают духовный мир представителей своего времени – простых колхозников. Они не являются «ни делегатами, ни депутатами, ни героями». «И сама типология становится, естественно, иной: служебные персоны уступают место личностям, способным (или неспособным) соединять гражданскую активность с активностью мысли, мировоззренческой рефлексией» [Шляхова, 1995, с. 55]. Проза Дибаша Каинчина тоже отличается тем, что основана на интересных фактических и биографических материалах из жизни его земляков, уроженцев села Экинур. Отсюда и богатейший народный язык, и яркие герои его рассказов и повестей, природное чутье глубины культуры своего народа.

Целью настоящей работы является исследование рассказов Дибаша Каинчина «Эрдин эрсени – эки...» – «У мужчины есть вторая

попытка...» (1976) и «Чеден» – «Изгородь» (1992), написанных в разные хронологические периоды. Нами предпринята попытка выявления типичных узнаваемых черт его произведений (частичные сходства идей, тем, образов, сюжетов, жанров, элементов поэтического стиля).

В работе использован сопоставительный метод исследования. В зарубежном и отечественном литературоведении изучению данного метода посвящено достаточно много научных трудов (И.Г. Гердер и И.Г. Гете, Т. Бенфей, А. Веселовский, М. Алексеев, В. Жирмунский, Н. Конрад, М. Храпченко, Л. Гинзбург и др.) Для современного литературоведения выявление типологий персонажей, тем, жанров, мифов, сюжетов – один из самых продуктивных методов исследования [Сапрыкина, с. 52]. Но в региональном (алтайском) литературоведении данный метод недостаточно разработан и лишь фрагментарно наблюдается в трудах З. Казагачевой [Казагачева, 2002], Р. Палкиной [Палкина, 2004], Н. Киндиковой [Киндикова, 1992], Т. Шестиной [Шестина, 2006], У. Текеновой [Текенова, 2012] и др.

Дибаш Каинчин – автор рассказов, посвященных нелегкому труду сельских животноводов. Мысль о необходимости сопоставить два вышеназванных рассказа в оригинале возникла при повторном чтении сборника «Карган тыт» – «Старая лиственница» (1994), в котором автор расположил произведения «Чеден» – «Изгородь» (1992) и «Эрдин эреени – эки...» – «У мужчины есть вторая попытка...» (1976) рядом. Такая композиционная структура книги тогда не вызвала интереса критиков и литературоведов. Это диптих. Первый рассказ «Эрдин эреени – эки...», написанный на 16 лет раньше, в сборнике расположен после рассказа «Чеден», который достаточно исследован в статьях алтайских литературоведов. Его перевод на русский язык выполнен автором. Рассказ включен в антологию «Современная литература народов России» (2003).

Нами установлено время создания диптиха: над первым рассказом Дибаш Каинчин работал в 1976 году, когда был специалистом отдела культуры Усть-Канского района («культпередвижка»). Тогда он часто навещал стойбища чабанов, читал лекции, проводил беседы, агитационные работы, помогал во время окота овец. Второй рассказ датируется 1992 годом. Писатель уже четыре года жил в Горно-Алтайске и работал в союзе писателей Республики Алтай. Оба рассказа основаны на реальных событиях.

При знакомстве с названием первого рассказа алтайский читатель догадывается, что речь идет о мужчине. Автор использует известную алтайскую пословицу «*Эрдин эреени – эки...*», которая настраивает

мужчину быть позитивным, дает надежду совершить вторую попытку, не упускать возможности, попытаться найти выход.

Название второго рассказа «Чеден» обозначает замкнутое пространство. На первый взгляд, трудно догадаться, о ком или о чем пойдет речь. Но уже с описания зимнего дня, стойбища главного героя автор подготавливает читателя к чему-то трагическому, к катастрофе и смерти. Рассказ является вершиной социально-философской прозы писателя последнего десятилетия XX и начала XXI века.

Центральное место в обоих рассказах отводится передаче динамики жизни животноводов. Писатель показывает естественный ход жизни героя через постижение гармонии природы и внутреннего мира человека, радующегося ее богатству и борющегося с внезапными стихийными бедствиями. Этим обусловлены проблемно-тематический комплекс диптиха и особая композиция произведений, система мотивов и образов, группирующихся вокруг образа изображаемой эпохи, воспринимаемого сквозь призму личности героя.

Мотив дороги является доминирующим в обоих произведениях (путь Капшуна от села до зимнего стойбища, а Каалга – дорога жизни, судьбы). Вокруг него строятся все события. Наблюдаются параллели и мистика, два художественных мира героев (Капшуна и Каалга), живших в разное время, но ощущается одинаковое предчувствие потери и ухода, разница только во временных рамках. Автор одновременно поднимает несколько нравственно-философских тем (тему жизни и смерти, нравственности и сострадания).

В первом рассказе автор повествует о нелегком труде чабана Чокурбашева Капшуна. «Капшун» в переводе означает Быстрый (Ловкий). В колхозе его звали – «Передовой». Все из-за счетовода, который не расслышал его разговор по телефону: *«тегин ле эрэдой чабан»* – *«просто рядовой чабан»*, а счетоводу показалось, что он сказал *«передовой»*. С тех пор приходится все время доказывать, что он – не последний. Капшуна отличают такие личностные качества, как трудолюбие, старательность, настойчивость, которые выявляются в преодолении различных неблагоприятных обстоятельств и препятствий. По мнению Р. Палкиной, это – «органичный сплав конфликта и черт характера, характера и обстоятельств, взаимопроникновение которых рождает цельный образ». Характер Капшуна «не ограничивается рамками сюжетного действия, внутренняя логика его развития предполагает дальнейшее его движение к новому качеству» [Палкина, 2004, с. 21]. Довольно долгое время рассказ читателями воспринимался как произведение, в котором описываются только различные события-факты из жизни чабана. Но

нужно отметить, что автор, вкладывая в простые и обычные понятия глубокий и многогранный смысл, использует различные образы-символы. Так, например, в рассказе «Чеден» можно по-новому интерпретировать основные проблемы, связанные с природой, жизнью и бытом чабанов, поднятые еще в первом рассказе. Если в первой части диптиха события происходят весной, то во втором действие разворачивается зимой. Образ-характер Капшуна относится «к числу удач» писателя. После весенней стрижки овец чабан перегоняет отару обратно в зимнее стойбище. Сюжет, на первый взгляд, прост – чабан перегонял только что остриженных овец, попал под снег с дождем и ветром. С великим трудом ему удалось пригнать отару на стоянку уже глубокой ночью. Но проблемы начались уже в тот момент, когда он погнал отару из села: по обе стороны от дороги была только что взошедшая зеленка. Изголодавшиеся овцы не слушались. Охрипший голос Капшуна срывается от крика, к тому же он был пешком, без коня (отпустил) и собаки (на охоте нечаянно сам подстрелил): « – *Ы-ы-ы! Канайдайын!... Канайдыйейин?!*» – *«Ы-ы-ы! Что делать! Что мне делать!?!.. Или «Божогон! Ончозы божогон! Нени де эдип болбозын» – «Кончено! Все кончено! Ничего не сможешь сделать!»* (выделено нами, смысловой перевод наш – У.Т) (Каинчин, 1994, с. 150,152)¹.

Его смуглое лицо перекошилось в панике, большие черные глаза сверкали, а в голосе был страх и ужас от происходящего. Смысловая нагрузка этих выражений очень велика. Использование несобственно-прямой речи дает возможность углубить психологическую характеристику персонажа. Нужно отметить довольно напряженный тон повествования, который содержит в себе чуть заметное для читателя напряжение, предчувствие чего-то, и потому читатель находится во власти не только происходящего, но и во власти неизвестного, назревающего.

Каждая природная стихия понимается в литературе как сложный процесс, многосторонний феномен и влечет за собой целый ряд символических образов, которые обогащают произведение на структурном и смысловом уровнях. Образы природы в творчестве Дибаша Каинчина, их символическое значение и роль в общей концепции произведений – это поистине неисчерпаемая тема для исследования. Ветер в рассказе сопровождается стужей, снегом и дождем. Образ ветра ассоциируется с неизбежным движением в будущее, это символ стремительного продвижения. В произведении

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи

образ ветра (как предсказание) можно трактовать и как ветер стихийный, ветер глобальных перемен, к которому пришел СССР уже спустя девять лет после издания рассказа.

Оба рассказа от начала до конца окрашены в бело-серо-черные цвета. «*Булут күнди јуда салат*» – «*туча проглотила солнце*», «*кенете ле бүрүнкүйленип*» – «*внезапно потемнев*», «*ат кулагы көрүнбес карануй*» – «*темнота такая, что конского уха не видно*» (Каинчин, 1994, с. 150,157) или «*Серый день. Кругом серые снега. В облаке серой стьлой мути жалко блеют овечки, да гулкает лом по мерзлой земле*» (Каинчин, 2010, с. 3). В первом рассказе события разворачиваются со стремительной быстротой. Герой как бы соревнуется с природной стихией. Усиливающийся ветер требует от Капшуна быстроту реакции: как спасти овец и ягнят. Ветер, дождь со снегом представляется как первоначальный хаос, пугающий своей неизвестностью – когда все закончится? Все художественное пространство рассказа покрывается тьмой и кульминация – спасение отары – наступает уже в темноте. Самая светлая часть произведения – это воспоминание Капшуна об игре ягнят.

В рассказе «Чеден» – «Изгородь» тоже наблюдается внезапное появление вихря. Главный герой находится в тяжелом состоянии: «*И тут Каалга увидел на белоснежной поляне черный вихрь. Откуда ему быть-то?! Зимой? <...> Но вихрь приближался: крутились, клубились как обычно. Пыль, сор, мусор, ошметки какие-то, и в густой середине, вилось и хлопало, что-то лохматое, черное. “Это наваждение! – протирает глаза Каалга. – Это не вихрь, это злое...”* – и тут Каалга, будто по голове ударило, и он стал проваливаться. “Зачем? <...> За что? <...> За какие грехи? ... – промелькнуло в мыслях. – Дети еще не встали на ноги... Жена...”» (выделено нами, смысловой перевод наш – У.Т.) (Каинчин, 2010, с. 9).

Ветер, вихрь – олицетворяют высшие, неподвластные, необъяснимые человеку силы. Образ ветра, появившийся в первом рассказе, заматающий и сбивающий с пути Капшуна и его отару, пустил страшный корень во втором рассказе «Чеден». Здесь появление вихря связано со смертью героя. Оно как видение умирающего человека. В структуре произведения смерть героя, мотив прощания с жизнью играют решающую роль в обнаружении авторского замысла. Смерть понимается не только как уход из жизни отдельного человека, но и как всенародная национальная драма изображаемой эпохи перемен. Внезапно появившийся вихрь «вырвал» Каалга из этой жизни и от всех проблем. В обоих произведениях образ ветра (вихря) связан с жизнью главных героев. Хоть человек и неподвластен стихии природы,

но первом рассказе герой выдержал его удар. Он не сдался, потому что он – не один, ему на помощь приходит супруга. Во втором рассказе герой был один, и вихрь приходит в ирреальном мире (в состоянии бреда).

В рассказах наблюдается эпический, метафорический, символический и мифологический планы повествования, а также синтез драматического, лирического и философского компонентов.

«Капшуннын алдында ак-боро булут. Ол булут јер ле тенгерини јуда салып, уур күүлеп, там ла јууктап келедет. Өзөгинде салалалган кап-кара јолдор толголыжат. Булут јаар көргөндө, кижинин куйка бажы јымырайт. Оны токтодор до арга јок, јольынан кыйар да арга јок. <...> Энди ол бүткүл өзөкти, кобы-јиктерди, тууларды көжбөйлөй тартып, көмө базып, аркаларды онтулу јызырабып, соок тыныжы озолоп, јеек-јутпадый келип јадат». – *«Перед Капшунном бело-серая туча. Эта туча, проглотив землю и небо, становилась все ближе. В ее центре крутились черные-черные полосы. Посмотришь на эти тучи, становится жутко. Нет возможности ни остановить ее, ни обойти стороной. <...> Теперь закрыв, как покрывалом всю долину, ложбины и горы, подминая собой все, со стоном проходя через леса, опережая все своим холодным дыханием, идет как мифическое чудовище»* (смысловый перевод наш – У.Т.) (Каинчин, 1994, с. 150).

Капшун не мог предугадать внезапное изменение погоды. Когда он выходил из деревни, ничто этого не предвещало. Расстояние до стойбища, которое нужно было пройти – 20 километров. Зловещий ветер со снегом и дождем застал чабана врасплох. Эту внезапность и непредсказуемость природной стихии автор описывает словами и выражениями «чурап келди» – «напал». Капшуну казалось, что на него упало небо. От безысходности и страха за отару он впервые не знал что делать. Так, как досталось Капшуну («Эрдин эрсени – эки...») в этот день, даже шаман, наверно, столько в ритуальном танце «не крутился». Автор, чтобы расширить рамки изображаемого, дает возможность герою высказать свои мысли и чувства по поводу различных явлений жизни, напрямую не связанных с сюжетом. Синтез различных сюжетных линий и художественных приемов (ретроспекции, внутренний монолог, объективные повествования, мифологические вкрапления) помогают автору раскрыть образ Чокурбашева Капшуна. Из них предстает полная картина о его семье, детях, мечтах и работе, о жизни и смерти. Все компоненты рассказа подчинены главной задаче автора – показать судьбу «маленького человека», простого чабана.

Из эпизода, где ночью чабан с супругой спасали овец и ягнят, мы узнаем, что Капшун участник Великой Отечественной войны, имеет

ранения: «*Ол жангыс ла сүрекей мендеп жат. Бу ненин учун десе онын көксинде туку качаннаг бери жүрген «немецтин темири» кыймык эдип айтабас. Ол тушта койлорды эмес, Капшуннын бойын аргадаар керек»*. – «Он только очень торопился. Все из-за того, что “железо немца”, который уже давно у него в груди, может шевельнуться. Тогда не овец, а самого Капшуна надо будет спасать» (перевод смысловой наш - У.Т.) (Каинчин, 1994, с. 157).

Мотивы усталости, истощения главного героя выражены через слова и выражения: «*калтырай берет*» – «охватывает дрожь», «*күчи чыгып, балкаш орто барып түшкөдий*» – «Силы иссякали и чуть не упал в грязь», «*буттары боқырылып, балкашка отура түшти*» – «ноги подкосились и сел в грязь и т.д.

Достичь необходимой концентрации внутреннего мира персонажа и довести конфликт в его душе до крайней степени помогает Дибашу Каинчину широкое использование такой формы речевой организации текста, как фрагмент внутренней речи персонажей, непосредственно включенный в поток внешних впечатлений: «*Өлөр, өлөр... не де керек жок... амыр тыш... Же, чындап та, бу не жүрүм? Мыны кижги база жүрүм деер бе? .. Жайы-кыжы канча жылга койло кожо кой болуп... Канчазын «жаан комут» болор? Учү-түбинде акчан да жок, адын да жок... Арган да жок... Мынайын жүреле, адан чылап, койло кожо чарчап каларыгнан башка...*» - «Умереть, умереть...ничего не нужно...покой.... И вправду, что за жизнь это? Человек это может назвать жизнью? За столько лет зимой и летом быть с овцами и уподобиться овце... Сколько можно быть «большим хомутом»? В конечном итоге ни денег, ни имени... Ни сил... Ведь в результате такой жизни можешь замерзнуть, как твой отец с овцами...» (выделено нами, смысловой перевод наш – У.Т.) (Каинчин, с. 194, 158). Переживания героя усиливает вой ветра и вихри дождя со снегом, они передают внутреннее состояние героя и одновременно показывают психологическую достоверность такого состояния. Автор медленно рассказывает, показывает и не боится повторов.

Такие же мысли приходят и к умирающему Каалга («Чеден»): «*А если ладом подумаешь, что с того живой ты или мертв, есть ты или нет тебя? Что изменится – переменится от этого? Вот на небо это посмотри. Какое оно огромное, беспредельное. На эти горы посмотри. Какие они громадные, величавые. О жизни этой подумай. Какая она была, какая будет. Что ты по сравнению с ними. Даже чернилка на ногте и то больше будет значить. И без тебя будут стоять это небо, эти горы. И без тебя взойдет солнце и луна <...>*» (выделено нами - У.Т.) (Каинчин, 2010, с. 18). Если Капшун думает о смерти от

безвыходной ситуации во время природной стихии, то Каалга от бессилия что-либо изменить, физической беспомощности и истощенности. Странная смесь сна и смерти овладевают Каалга, его стоянкой и окружающей природой. Он не может понять, наяву это происходит или во сне: *«Серый день, серые никчемные мысли... Все надоело...», «Серый снег. Кругом серые снега. И в этой стылой серой мути жалко блеют овечки, да гулкает лом по мерзлой земле... От этой унылой картины, тягостно станет на душе <...> Земля – что железо. И вязкая, и не дает трещины»* (Каинчин, 2010, с. 173). Состояние сильно уставшего и больного человека раскрывается словами и выражениями: *«затылок у него тверд, как камень, будто свинцом налитой», «будто мышшь забралась, грызет и точит без передышки», «в глазах резь, будто там песок-заноза», «молотом стучит в висках», «все красно: и снег, и лес, и скалы, и даже небо»* и т.д. (Каинчин, 2010, с. 173). В описании предсмертного состояния героя использованы мотивы скуки – *«серый день, серые никчемные мысли», неподвижности и беспомощности – «в сердце будто игла воткнута», «каждое движение, будто гору переваливает», «не смог шевельнуться, не слушаются руки и ноги», волки как будто наслаждались «его беспомощностью», остановки, истощенности – «беспомощно блеют заиндевелившие, сгорбившиеся валухи-первогодки», тесноты – «глубокое ущелье», «равнинка-поляна с ладонь», «теснящие скалы, сыпучие корумняки, с овчинку небо», «избушечка в одно окошечко, покрытая толью, без сеней, без юрты», «без коновязи». Если Капшун в критический момент жизни осознает, что всю жизнь был *«большим хомутом»* в колхозе, то Каалга в предсмертные часы делает для себя открытие: оказывается это он *«был хозяином жизни <...> От него питались, все и люди, и животные, одевались, это он был коновязью, это вокруг него вращались. И все это требовало непомерного расхода его сил и энергии, его мыслей, нервов, дорогих дней его жизни»* (Каинчин, 2010, с. 23). Даже имя его – Каалга переводится как «калитка». Деталь, без которой не может быть никакой изгороди. А фамилия Кулов (от слова «кул» – «раб») говорит о том, что Каалга является рабом обстоятельств.*

В диптихе прием антитезы становится основным в системе образов, тем и мотивов произведений. В трудный момент жизни Капшун не теряется, старается не думать о плохом. Сколько раз сидел вот так, весь согнувшись, как *«маленькая серенькая птичка»*, старался отгонять тяжелые воспоминания и представлять только хорошее, что есть у чабана: *«...бу соок кардын кыјырты эмес, бу јылу ала-күн жанмырдын јажыл бұрлерге, кёк блёнгё табарган јалакай табырты»,*

«тонмок суунын коройлогон кимирти» – «нет, это не скрип холодного снега, а добрый стук капелек слепого дождика, падающих на зеленую листву и мягкую траву», «журчащая речь родника». Ему казалось, что кругом не белый снег, а долгожданное лето. Отара овец как поток реки стекает с горы Кек-Кайа. А каждая овца в лучах уходящего солнца кажется отблеском зари, бело-красного цвета. Они как будто порхают над землей. Но вдруг отара овец видится ему огромным мифическим чудовищем, в разнузданном свирепом отчаянии несущимся к стойбищу. И Капшун гонит это чудовище на стоянку. Оно меняло свои очертания. Чабан изо всех сил старался не попасть во власть стихии, но ему было очень трудно сопротивляться. Только внутренняя установка – не думать о плохом, а думать только о хорошем, вспомнить светлое – не позволили ему сдаться природной стихии («хорошо чабану, хорошо...»).

В рассказах Дибаша Каинчина тема двойственности природы человека интерпретируется в свете проявления в нем биологического, морального и интеллектуального начал. Особенности диалогичности двух «я» в герое – инстинктивного (природного) и интеллектуально-нравственного (цивилизованного) начал в человеке – прослеживаются в эпизодах, когда чабаны заняты спасением отары (если Капшун спасает овец от стихии, то Каалга хотел уберечь от предстоящего голода).

Дибаш Каинчин – мастер непосредственного воссоздания процессов внутренней жизни человека. Форма повествования в диптихе динамичная, имитирующая прерывистый монолог и диалог. Риторические вопросы отчетливо показывают состояние персонажей. К примеру, сильное психологическое напряжение Капшуна выражено и через внутреннюю речь: *«...Бу мен кандый кижжи? <...> Кайкайдым... Слерден бир кун айрылбас. Бу мен кижжи бе, айса тен слердин жалгыгар ба? Ончозы – слер ле учун, слер ле учун. А мен кижжи инем, кижжи. Онгозоор. Бир амырым бар, бир кандый керек-жарагым бар. Бала-баркам, айлы-журтым бар. Олорды кичеер бе, слерди корөр бө? Слерлер меге керектү болуп турганаар ба айса тен мен слерге керек бол тургам ба? Бу бого кем каруу берер <...> Алтай кижжи мал өскүрер жанду. Бу ада-өбөкө жангы... А бойыма ба? Же меге көп лө неме керек жок» - «Ну что за человек я? <...> Удивляюсь... От вас ни на один день не могу уйти. Человек я или же ваш слуга? Все для вас и ради вас. А я человек ведь, человек. У меня должно быть время для отдыха или какое-нибудь дело. Есть дети, семья. За ними ухаживать или за вами присматривать? Вы мне нужны или я вам нужен? Кто ответит на это <...> Алтаец должен разводить скот. Это обычай и*

традиция предков... А для себя? Но мне много не надо...» (выделено нами, смысловой перевод наш – У.Т.) (Каинчин, 1994, с. 160).

В трудный момент алтаец всегда обращается к богу – Алтай-Кудая – с просьбой защитить, укрыть от напастей и бед. Капшун, поняв, что он не властен над природой, садится на колени и обращается к небу: «*“Менде бир де буру жок! <...> Алтай-кудай...агаш-таш...”* – деп, терлү жүзи тенгери жаар канкас эдет» - «*“Нет во мне ни единой вины! <...> Алтай-кудай...Деревья и камни...”* – закидывает потное лицо к небу» (Каинчин, 1994, с. 150).

Каалга в предсмертные часы тоже просит бога спасти его и отару: «*О, Алтай мой, бог мой! Помогите, вызвольте... Дух вдохните... Жизнь дайте мне...*». Он хотел спастись, хотел жить. Но в это же время не забывает об ответственности перед колхозниками, которые доверили ему отару. Автор передает сложный внутренний мир простого труженика (уважения, любви, сострадания и т.д.) и именно в этом аспекте ставит знак равенства между животными и людьми. Каалга даже перед лицом смерти не может не думать об овцах: «*...А что с овечками будет? ... Помрут они от голода в изгороди... Все же собственность народная. Надежда, поддержка каждого из нас... Труд наш, пот, жизнь наша... Чем и как заплатишь за них? Детям твоим не расплатиться... Как все так неожиданно случилось. Жил себе, человеком был. А сейчас <...> Наверное, и со зверью тоже так. Живет себе, радуется, вдруг – бах!*» (Каинчин, 2010, с. 10). В первом рассказе фраза про «*колхозный скот*» и «*чем будешь платить*», в случае массового падежа овец, звучит из уст Диламаш.

Капшун много думает о смысле своей жизни. Что в этой жизни самое ценное? Что с ним будет, если его оторвать от овец? Сможет ли он прожить без бляения овец, без кислого овечьего запаха? Он даже в деревне себя чувствует неуютно – без овец все кажется «опустевшим» и «осиротевшим». Пригнав отару на стойбище, он открывал калитку загона и с удовольствием считал своих овец. Автор особо выделяет художественную деталь, несущую информационный характер, – при подсчете овец делаются зарубки на жерди после каждой сотни. Даже выстрел из ружья не может в этот момент отвлечь внимание героя. Капшун очень серьезно относится к своей работе, любит играть (дразнить) ягнят, наблюдать, как они растут. Пусть временами она очень трудная, но все же это его работа. Так автор воссоздает местный колорит, черты национального быта и привычек людей конкретной исторической эпохи, выражает их мысли, чаяния, характер.

В рассказе тоже присутствует символический образ загона (изгороди) и калитки – «каалга». Капшун не жалуется на его состояние.

Видимо, крепко построен. Еще постоит. Внимание привлекает избушка, где уютится чабан со своей семьей. Описание стоянки на зимнем стойбище художественно оправдано. Минуя подробности, автор кратко и лаконично рисует домик, сени с дверями, кривые окна. Рядом находится непрменный атрибут своего мира – национальная юрта (аил). Двери избушки скрипят, над дверью – отверстие. Жилище построено специально для «чабанов». Все здесь временно. Сделано все спустя рукава. Это раскрывает характер тех людей, которые так построили эту «избушку», потому что это не для себя делали. Автор сумел великолепно раскрыть сущность этих людей. Вещи интересуют писателя постольку, поскольку ему интересен и хозяин-человек. Как известно, если рассказать о вещах, предметах быта в связи с жизнью, вкусами, раздумьями персонажей, то они оживут, начнут излучать свет и лучше будет виден человек. Капшун в новой избушке зимовал всего один год. Далее автор описывает подробности иного плана: обстановку, которая окружает чабана и подготавливает читателя к правильному восприятию его образа. Он (домик) уже пропитался запахом овечьего навоза. В нем есть печка-камельек. Из мебели автор выделяет шкаф-буфет, который из-за многочисленных переездов весь износился, покосился на бок. Стойбище Чокурбашева Капшуна находится в долине Көндөй-Өзөк. Это название можно перевести как Долина с дырой, с отверстием или продуваемая насквозь долина, с двух сторон огороженная горами.

Каалга со своей отарой зимовал в ущелье Көчкөлү-Ой (Обвалистая). Его стоянка и избушка тоже не отличаются добротностью («Чеден»): *«Избушечка в одно окошечко, покрытая толью, без сеней, без юрты, и надо же, даже без коновязи. Неподалеку даже не кошара, а навес, недопокрытый бурьяном; об нее уперлась жердяная изгородь вкривь и вкось, и в этой изгороди беспомощно блеют заиндевшие, сгорбившиеся валухи-первогодки...»* (Каинчин, 2010, с. 3). Бытовые детали во втором рассказе стали занимать значительное место. Их содержание стало более емким, функции более многообразными. Например, *изгородь – «чеден»* (замкнутый круг) и *калитка – «каалга, өткүл, эжик»* перестают быть первоначальным атрибутом материального мира. Автор, при их посредстве, выражает основную идею произведения. Писатель через калитку как «ворота-двери» передает «образ шествия, прохождения в статистическом понимании «границы», «предела» между двумя мирами света и мрака», «круговое движение из хода, возврата и остановки» [Фрейденберг, 1997, с. 183]. Здесь все находится в тесном и узком пространстве и имеет свою «изгородь»: *«Изгородь Катуня – берег. Изгородь долины –*

горы. Горы огораживают небо. А вот что огораживает небо – а ведь у него должна быть изгородь?

У человека изгородь – жизнь. Жизнь огораживает время. А что огораживает время? Ведь должно быть что-то?» Одним словом, как рассуждает сам автор: «Любая изгородь строится не зря, она к чему-то предназначена, что-то огораживает, охраняет» (Каинчин, 2010, с. 3).

«Минимализация пространства <...> и максимальное его насыщение изгородями создают на фоне серого дня впечатление обреченности; все ополчилось против единственного насельника этого маленького мира» [Шастина, 2005, с. 127]. Истинно художественная деталь требует простора и свободы в своем действии. Она насыщена мыслью, весома и потому тяготеет к единичности. Эта мысль подтверждается вышеприведенными примерами из диптиха.

В рассказе «Чеден» главный герой предстает несколько иным – он болен. Утомление, болезнь приводит Каалга в состояние полужизни-полусмерти. Автор связывает это с тем, что народ стал забывать свои обычаи и обряды, перестал верить в Хозяина Алтая: «...А, как известно, не почитаемый – забывается, не желаемый – не нужен. А ведь энергией-питанием хозяина Алтая как раз было то, что он подзаряжался от веры, от милосердия здешнего люда. От их здоровья, радостей, хороших помыслов, от их смеха, песен и твердости духа» (Каинчин, 2010, с. 27). Состояние умирающего человека, чудом сохраняющего маленькие искры жизни, автор маркирует несколькими штрихами: Каалга «все собирался встать... Встать... И, оказывается, не заметил, как запеленал его сон. Ведь не из железа человек. Хотя, железный был бы, давно истерся бы...» (Каинчин, 2010, с. 25). Бессознательно-равнодушное состояние героя, потерявшего смысл жизни, подчеркивается Дибашем Каинчиным в связи со специфическим состоянием сна-смерти. Каалга – это слишком сильно уставший, ослабевший, потерявший остатки сил человек. «А если ладом подумаешь, что с того живой ты или мертв, есть ты или нет тебя? Что изменится – переменится от этого?... Почти прожил ты... И так и не понял суть этой жизни, не развязал клубок ее тайн, не разобрался, что в ней хорошего, а что плохого. Не разложит ее на полочки... Позабудут тебя...» (Каинчин, 2010, с. 18).

Герой первого рассказа, наблюдая за пламенем огня, тоже размышляет о жизни – его будто какой-то тяжелой ношей придавило. Имя этой ноше – «жизнь», «работа», «дети», «скот» и даже «Диламаш». Его мысли путались и зашли в тупик («баш туйук»). От безвыходности чабан разочаровывается в своей жизни.

Психологическое состояние героя писатель усиливает картиной природы и окружающего мира: *«тыттар уур шуулажат»* – *«деревья тяжело шумели»*, *«о̀скүс кураандар токтоду жок маарайт»* – *«осиротевшие ягнята безостановочно бляели»*, *«кижсинин кыртыжы курьыыр»* – *«человеку становится противно»*, *«кунукчыл да, күч те»* – *«и грустно и тяжело»*. Опять прибудет комиссия проверять, как так получилось, что чуть отара овец не погибла. Будут составлять акт. А для этого Капшуну придется (может быть) несколько раз обойти село. Не раз приходилось ему платить за погибших овец, отчитываться в суде. Но к его удивлению однажды судья его оправдал, даже дали предписание, чтобы на стойбище к ним отправили третьего работника. Потому что объем выполняемой работы был неподъемным для чабана и его супруги с маленьким ребенком.

Во втором рассказе мы становимся свидетелями суда над Каалга местных специалистов колхоза и сельского совета, происходящего в ирреальном мире. Умиравший Каалга *«лежит голый на виду у всех на снегу»*. Здесь семантический компонент «холод» психологически релевантен. «Комиссия» отметила все заслуги Каалга перед родным колхозом и Родиной, но вынесла решение: *«калитку не закрывать и Кулова Каалга не спасать»*, *«подросли его дети, и мы в нем больше не нуждаемся»*, *«если его оставим жить, будет получать нам в убыток пенсию, то есть нипочем зря есть наш с вами хлеб»* (Каинчин, 2010, с. 20, 22-23).

Внешние портреты героев диптиха даже чем-то схожи. Автор скупко, несколькими штрихами показал только *«торчащие волосы и бронзовый лоб»*, *«большие черные глаза»* Капшуна. Дети его уже повзрослели, учатся в разных городах. В селе имеет двухкомнатный домик. Маленький рост этого худощавого человека раскрывается из эпизода, когда он слушает брань жены, женщины с дородной фигурой и старается ей не перечить. Каалга («Чеден») тоже «маленький человек»: *«глазам он неприметен, в памяти не задерживается»*. *Увидишь сегодня. Завтра позабудешь. Весь какой-то обычный, обтекаемый. Вот идет он: роста невысокого, но и не низкого. На лицо чернявый, а присмотришься – рыжеватый. Не скажешь, что полный, а на тощего тоже не похож. Словом, как все. Не богат, но и не беден. Дом у него крестовый в деревне, не большой он у него, но и не маленький, но и не старый. И детей у него пятеро, что не много, но и не мало»* (Каинчин, 2010, с. 8).

В первом рассказе кроме главного героя, из воспоминаний и различных эпизодов вырисовывается образ жены чабана Диламаш. О пятерых детях узнаем лишь из сумбурных внутренних монологов. Во

втором рассказе образ супруги чабана раскрывается из воспоминаний и видений героя в состоянии бреда.

В рассказах Д. Каинчина жизнь животноводов и их труд неразделимы. Герои живут жизнью, немислимой без овец, без лошадей и т.д. Например, Каалга: *«А куда денешься-то. Нет другой работы, нет другой жизни. Больше некуда. Придется тянуть <...>»*. Капшун, несмотря на грустные мысли, тяжкую долю, победив трудности, сияет как солнце через «хмурые, темные облака». Он настроен позитивно и верит в лучшую жизнь. Такая позиция помогла Капшуну выдержать натиск природной стихии. Он даже находит выход из сложившейся ситуации – не позволит он комиссии его штрафовать, вместо погибших шести овец он отдаст из своих собственных. В финале рассказа он грозит небу кулаком и, прикрыв в улыбке глаза, говорит: *«Эрдин эреени – эки дежетен...»* - *«Говорят, что у мужчины всегда есть вторая попытка...»* (смысловый перевод наш) (Каинчин, 1994, с. 164).

Таким образом, диптих, выполненный в ситуации диахронии, отражает особенности времени каждого рассказа.

Художественный образ мира в рассказах предстает как мир, отражающий сознание писателя-реалиста. Мастерство писателя, его великолепный народный язык и знание жизни простого сельского труженика изнутри позволяют создавать произведения, которые раскрывают острые проблемы земляков-животноводов. Герои рассказов писателя простые – люди, которые хорошо знают свое дело. Они маленького роста (это их «психологический комплекс» [Белянин, 2006, с. 84]), но ежедневно выполняющие физический труд. Дибаш Каинчин стремился разобраться во внутреннем мире своих героев, посмотреть на мир их глазами. Писатель удивил современников блестящим знанием жизни и духовного мира чабанов. Чувствуется кровная связь писателя с деревней и выбранная тема тоже по-настоящему своя, выстраданная. В диптихе отчетливо обнаруживается позиция автора по отношению к процессам развития общества и современности: от частного – судьбы отдельных людей (Капшун и Каалга) – к обобщающему – судьба всего народа.

Особую роль в композиционной и сюжетной организации диптиха играет пейзаж, который помогает развитию сюжета. Картины природы поясняют место и время действий, тем самым акцентируя ключевые моменты повествования. Автор вводит пейзаж как предвестие дальнейших действий, пейзаж-ретардацию. Соотношение внешнего мира с изображаемыми героями (Капшун, Каалга) подчинено задаче раскрытия их характера. В первом рассказе человек и природа, их взаимоотношение – вот план повествования, связанного с

раскрытием характера чабана. Соотнесенность пейзажа и внутреннего мира персонажа во втором рассказе («Чеден») дается еще шире и глубже. «Пейзажные детали гармонируют с действием по психологической аналогии: мрачность внутреннего мира героя и мрачность среды <...>» [Балданов, 1987, с. 76]. Рассказ завершается смертью чабана, и эта смерть выглядит как спасение от тяжестей жизни. Старательный, добросовестный и обязательный человек истощен до такого состояния, что не может сопротивляться обрушивающимся на него бедам.

Умение автора выражается в том, что он художественно оправданно соотносит эти детали с настроением, действиями и поступками людей. Стиль ранней прозы писателя отличается сочетанием приемов публицистического и художественного повествования. В рассказах есть установка на логическую и ассоциативную связь между прошлым и настоящим (второй рассказ продолжает начатую в первом тему).

В рассказах действительность изображается в тесной связи с проникновением во внутренний мир человека, сферу убеждений, пристрастий, идей и настроений. Нами сопоставлены и выявлены сходства и художественная специфика рассказов. В диптихе наблюдается эмоциональность, экспрессивность в изображении внутреннего состояния героев. Писатель в совершенстве знает быт, нравы, обычаи, этнографические особенности своих земляков. Поэтому в рассказах национальный дух выражается в языке, стиле, являясь индивидуальным свойством его языка. В очередной раз мы убеждаемся в правоте алтайских литературоведов и критиков, которые по праву называют Дибаша Каинчина Мастером художественного слова.

Литература

- Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. М., 1983.
Балданов С.Ж. Художественная деталь в бурятской прозе. Улан-Удэ, 1987.
Белянин В.П. Психологическое литературоведение. М., 2006.
Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1989.
Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971.
Казагачева З.С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических произведений // Художник слова. Горно-Алтайск, 2002.
Киндикова Н.М. Ыбаш Каинчинин телекейи // Алтай литература керегинде санаалар. Горно-Алтайск, 1992.

- Палкина Р.А. Каинчин Дибаш Берукович // История алтайской литературы. Книга 2. Литературные портреты. Горно-Алтайск, 2004.
- Проблемы современного сравнительного литературоведения. М., 2004.
- Теконова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2012.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Храпченко М.Б. Типологическое изучение литературы // Проблемы типологии русского реализма. Размышления о системном анализе литературы. Пути историко-литературных исследований. Собр. соч.: в 4-х тт. М., 1982. Т. 4.
- Шастина Т.П. Поэтика авторского перевода рассказа Дибаш Каинчина «Изгородь» // Перевод тюркских литератур Сибири. Горно-Алтайск, 2005.
- Шляховая Н.М. Социальная характерность и духовная самобытность // Актуальные проблемы современной алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1995.

Список источников

- Каинчин Д.Б. Изгородь // «Дома я, дома...». Горно-Алтайск, 2010.
- Каинчин Д.Б. Чеден // Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.
- Каинчин Д.Б. Эрдин эреени – эки...// Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.

РЕКИ АЛТАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ: МИФОПОЭТИКА И СИМВОЛИКА¹

Е.А. Худенко

Ключевые слова: река, мифопоэтика, символика, Катунь, Бия, гидронимы.

Keywords: river, mythopoetics, symbolism, Katun, Biya, hydronyms.

Важнейшими из гидронимов, связанных с территорией Алтайского края и Горного Алтая, являются прежде всего Бия, Катунь и Обь. В произведениях поэтов и писателей, родившихся на Алтае, а также пишущих о нем, неизменное внимание уделяется водным «артериям» региона. С ними связано не только огромное количество легенд и преданий, но и любопытная фольклорно-мифологическая и индивидуально-авторская символика. В рамках данной статьи мы остановимся в первую очередь на образах Бии и Катунь, так как наибольшее семиотическое поле смыслов связано именно с ними.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004

Легенда о реках Бия и Катунь известна очень давно. Она основана на этимологическом значении названий двух рек. Бия (Бий) – в переводе «правитель, властелин», Катунь (Кадын, Катыг) – «принцесса, госпожа» [Легенды, 2008]. Катунь берет свое начало с самой высокой горы Алтая – Белухи, а Бия – из Телецкого озера (Золотое озеро, озеро Алтын-кель). Место их соединения образует крупнейшую реку Западной Сибири – Обь. Легенда существует в двух основных вариантах: 1) любовно-романтический – связан с соединением пастуха (охотника) Бия и прекрасной дочери хана по имени Катунь; 2) семейно-родовой, когда обе реки сливаются в одно русло как старшая (Бия) и младшая (Катунь) сестры. При этом в легендах о великих реках Сибири часто отражается разный цвет вод и характер течения рек, подчеркивается, что воды Бии на протяжении всего русла реки остаются светло-зелеными, прозрачными, тогда как Катунь – река мутная, своенравная, очень шумная, с водами темно-зеленого цвета.

Реки Алтая, несомненно, связаны с фольклорно-мифологической, прежде всего ритуальной и этнографической символикой. Так, по указанию исследователя Н.А. Тадиной, «река, как любой природный объект, обладает тремя признаками: одухотворена (тынду), имеет хозяина (ээлү), почитаема (байлу)... Река по-алтайски называется «суу» [Тадина, 2007, с. 152]. Фольклорная традиция предполагает существование большой Мировой реки (по аналогии с Мировым деревом), и такой большой – мировой – рекой называется Обь, сравниваемая в алтайских сказаниях с «океаном», слияние же рек Бия и Катунь образует «море» (талай) [Тадина, 2007, с. 153].

В древних поверьях на реке-океане держалась земля (в том смысле, что единая сеть всех рек образовывала Землю), двигаться против течения реки считалось дурной приметой, а пережить смерть кого-либо из родственников, падеж скота или др. несчастье можно было, переехав на другую сторону реки. Н.А. Тадина указывает, что «по отношению к одухотворенной реке существует ряд предписаний: если река выходит из берегов и этим причиняет беспокойство, то ругать ее не принято, и наоборот, если река обмелела и не представляет препятствий, то пренебрегать ею не следует» [Тадина, 2007, с. 155].

В этническом плане река имела для алтайцев особое значение как для кочевых народов. Кочевники располагали свои аилы прежде всего вдоль русла реки, так как необходимы были луга для пастбищ и источник для питья. Вода становилась онтологически значимой мифологемой (наряду с огнем) и задавала такие мировоззренческие категории, как жизнь / смерть, богатство / нищета,

природное/культурное. Таким образом, именно ландшафт и образ жизни алтайцев определяли особенности этнического мышления.

Литературные образы Катуня и Бии, сложившиеся в отечественных текстах прошлого и нынешнего столетия, с одной стороны, в полной мере реализуют легендарно-мифологические смыслы этих рек, с другой – каждое произведение открывает нечто новое, индивидуальное в, казалось бы, уже устоявшихся представлениях.

Так, в двух очерках Г.И. Чорос-Гуркина «Алтай и Катунь» (1911), «Мой Алтай» (1917) река Катунь осмысливается автором как неотъемлемая часть общей мифологической концепции мира, где гора Хан-Алтай задает вертикальную, а великая Катунь – горизонтальную систему координат: *«И вот, среди этого могучего заколдованного царства, среди величественной природы, среди громад голубых гор, среди дремучих темных лесов, по нежным, благоухающим цветами долинам, по золотому дну Алтая, течет изумрудная река-красавица Катунь. Глубоко врзалась она в самое сердце Алтая и между ущелий извилась голубою лентой. Бурная, неугомонная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно, с шумом, течет впереди...»*

И нет, кажется, никакой силы, могущей остановить ее течение, нет преград ее стремлению и могучему бегу...» (Чорос-Гуркин, URL)¹.

В тексте Гуркина Катунь предстает как «символ вечной жизни, неустанного стремления вперед», с мифологической точки зрения – это порог (пояс), выполняющий медиаторную функцию между верхом и низом. Воплощая архетипическое женское начало, Катунь нежно и крепко прижимается к груди могучего Алтая, своего возлюбленного. Такую необычную реплику создает Чорос-Гуркин по отношению к традиционным алтайским легендам. Одновременно – это и текстовая автореплика к собственным более ранним живописным полотнам «Катунь весной» и «Хан Алтай».

Для автора важно, что Катунь, начавши свое движение с самой высокой горы Алтая – Белухи, так и не расстается с горами. Как отмечает исследователь И.А. Бедарева, «и Река и Гора – основные мифологемы Алтая – вместе на зрительном уровне создают ощущение разомкнутого пространства. Кроме того, эта мифологема функционирует в качестве варианта мирового древа» [Бедарева, 2011, с. 29]. Система координат Река-Гора базируется на том, что «гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

отражены все основные элементы и параметры космического устройства» [Мифы, 2000, с. 311].

В другом тексте Чорос-Гуркина «Мой Алтай», жанровая природа которого так до конца и не определена исследователями, образ Катуня возникает только в финале и становится символом протеста против «общественно-политических» и «кабинетно-деловых» мероприятий, ради которых, являясь членом областной Думы от Ойротской республики, был вызван в Томск Гуркин. Он страдает от чуждого ему пространства и чужих людей, от усталости, невостребованности себя как художника и взывает к Катуню как месту свободы и истинного творчества, желая совершить «побег». Весь текст окрашен пушкинскими мотивами, где реминисцентные смыслы позволяют соотнести «обитель дальнюю трудов и чистых нег» именно с Алтаем и Катунью.

В рассказе В.Я. Шишкова «На Бии» (1914) обозначенная в заглавии текста река предстает через разнообразные пейзажные зарисовки: это и «бушующие пороги красавицы Бии», и «гладь успокоенной реки», и новизна постоянно меняющихся картин: «когда идешь по незнакомой горной реке, никогда не знаешь, какую еще панораму она откроет тебе...» (Шишков, 2012, с. 299). Шишков подчеркивает панорамность и «картинность» открывающихся для путешественников видов, где основные «рамки» задаются традиционными для мифологии Алтая образами – рекой и горами, рекой и небом. Река и небо выстраиваются по отношению друг к другу по принципу зеркального отражения. Их близничная связь задана неантагоничными стихиями воды и воздуха, постоянно находящимися в круговороте.

Другая параллель «река – горы» носит у Шишкова, в отличие от Гуркина, конфликтный характер. Открытая борьба между каменными утесами и водными потоками представлена в рассказе в фольклорно-литературном ключе: «Горы свесились тут своими оголенными каменными глыбами и отвесной стеной ушли в воду, а река, торопливо обогнув «носулю» увала, бросилась на эту каменную грудь и, ударившись, рассыпалась белой пеной, захохотала, заискрилась под лучами солнца и понеслась дальше, волна за волной, опрокидывая по пути оборвавшиеся с утеса камни» (Шишков, 2012, с. 300).

Сюжет рассказа Шишкова строится по сказочной модели: путники, исследующие в научных целях глубины реки Бии, ее пороги и проходимость для судов, пускаются в путешествие за сладкими яблоками – диковинкой, невиданной тогда в условиях сурового сибирского климата. Путешествие по реке, вглубь леса и алтайской

тайги оказывается опасной авантюрой, в финале которой они вознаграждены не только алтайским чудом – яблоками, но и несколькими фунтами меда. За день они проходят около 17 верст, влекомые жаждой встречи с неизведанным. Река Бия в этой сказочной схеме играет роль начала пути – точки начала испытаний для героев, она же знаменует метафору возвращения к истокам после духовной инициации, закольцовывая тем самым и архетипический сюжет, и идею рассказа.

Необходимо заметить, что наиболее ярко и полномерно образы Бии и Катуня воплотились в поэтических текстах. В начале двадцатого столетия реплику к известной легенде о двух реках дают два стихотворения П.А. Казанского (под псевдонимом К. Перфильев) – «Рождение Оби» (1914) и «Ночь на реке» (1916), текст Г.А. Вяткина «Катунь» (1917), опубликованные в газете «Жизнь Алтая» под редакцией Г.Д. Гребенщикова.

В стихотворении П.А. Казанского «Рождение Оби» реализуется семейно-родовой вариант легенды о двух реках, когда образы даны не как соединившиеся мужчина и женщина, а как «две странницы-сестры»: «светловодная Бия» и «широкая, многоводная Катунь». Стихотворение заканчивается воспеванием двух мощных рек, подаривших дары друг другу и не потерявших своего своеобразия в общем потоке, идущих от родных ледяных истоков – к новым холодным морям и океанам. Автором торжественно подчеркивается эта заданность их судьбы и покровительство Старика-Алтая:

*Друг другу принося дары,
Сошлись две странницы-сестры
В степи привольной, на просторе;
И, слив надежды и труды,
В угрюмый край, в седое море
Ушли искать родные льды
Широкой Обью многоводной.
И долго рядом в ней видна
Катуни мутная волна
С волною светлой и холодной
(Казанский, 2012, с. 356).*

В стихотворении Г.А. Вяткина «Катунь» волны реки сравниваются с «бесчисленными конями», не знающими отдыха (Вяткин, 2012, с. 339). Несомненно, такое анималистическое уподобление реализует одну из онтологических для тюркских народов мифологем – связь человека и лошади. «Ее значение в существовании

человека было настолько основополагающим, что в эпических сказаниях она называлась даже прежде имени ее владельца: «*На хлопкогривом темно-синем коне ездящий, / Могучий Козудей-Мерген – батыр был*» (цит. по: (Феофелаков, 2013, с. 19)). Это уподобление чаще всего основывается на визуальном изоморфизме речной волны и гривы лошадей, к которому добавляется быстрое ритмическое движение и коня, и горной реки.

Знаменитый советский поэт Николай Рубцов посвятил рекам Алтая две поэтические зарисовки, созданные в 1966 году во время его пребывания в этих краях, – «Шумит Катунь» и «Весна на берегу Бии». Исследователь А.И. Осипов указывает на то, что рубцовские элегии этой поры создают особый «алтайский текст» в его творчестве [Осипов, 2004, с. 83]. В этих стихотворениях явно видится влияние фольклорной и западноевропейской (античной) традиции – верование в то, что река становится началом Великого жизненного потока, она связана с категориями памяти/забвения и миром смерти.

Катунь у Рубцова – символ прошедших времен, ее воды несут историческую память о былом, омывают гробницы, идолов, башни, а птицы, кружащиеся над рекой, воспринимаются как знаки древней письменности – клинописи. Следует заметить, что метафорическая связь «вода-птица» относит нас к алтайской космогонии. Неизвестно, был ли знаком Рубцов с алтайским эпосом, однако легенду об Ульгене мог знать из устных рассказов местных жителей. Согласно этой легенде, «*когда еще не было ни неба, ни земли, был один Ульген. Он носился и как бы трепетал над безбрежным морем, распростершись, подобно нетопырю, и не имел твердого места, где бы встать. Тогда ощутил он голос внутри себя: «Алдында тут, алдында тут – впереди хватай, впереди хватай», – и произнес эти слова, а вместе с тем, простерши руку, схватил перед собой. И вот попался ему камень, высунувшийся из воды. Он сел на этот камень, продолжая произносить: «Алдында тут, алдында тут!», – и думал, что творить и как творить. Вдруг из воды выходит Ак-эне (Белая мать) и говорит: «Что придет тебе на ум творить, скажи только: эть-тым, пьютьты-деп – сделал, свершилось, так и будет». Сказав это, Ак-эне скрылась и более никогда никому не являлась. ...Ульген ощутил в себе мысль и произнес: «Э! Эрь пютсин, эрь пютсин! – О! Сотвори Землю, сотвори Землю!» – И Земля сотворилась» [Сагалаев, 1992, с. 39].*

Кроме того, в тексте Рубцова «*суровая река Катунь*» отсылает читателей ко временам воинственных скифов и грозного Чингисхана, воюющего со «*светлыми русскими деревнями*». Это отсылка на самом деле соответствует действительности, так как найденные в долине реки

в 1956 году захоронения в Пазырыкских курганах (очень хорошо сохранившиеся из-за особенностей климата) – отнесены археологами к скифскому периоду (см. подробнее о связи алтайского и крымского скифских мифов: [Худенко, 2016, с. 350]).

Конечность всякой человеческой истории и культуры, а также ограниченность природной цикличности противопоставляются у Рубцова вечному шуму реки Катунь:

*В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные ашлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...*
(Рубцов, 2012, с. 514).

Эмоционально по-другому окрашено рубцовское стихотворение о Бие. Вечность исторического прошлого меняется здесь на время расцвета и обновления человеческой жизни – не случайно образ Бии связан у поэта именно с весной. Перечислительная интонация текста задает образ прорвавшейся полноводной стихии, все сметающей и все обновляющей на своем пути. «Бешеная Бия» соревнуется в реве со стадом быков. «Голубые небеса» в окрестностях Бии заставляют прозреть даже слепых, а половодье символизирует зарождение новой любви в душе лирического героя стихотворения.

В конечном счете, образно-эмоциональное восприятие двух великих рек Алтая Рубцовым воспроизводит разность характеров этих двух рек: светлая, отражающая небо Бия связана с истоками жизненной силы, любовью и рождением нового, тогда как свирепая шумная Катунь – с легендарными временами, вечностью, забвением и памятью одновременно.

Возвратимся к прозе. Рассказ М.С. Бубеннова «На Катунь» (1940) посвящен событиям гражданской войны на Алтае. Гидроним вынесен в название произведения и играет значительную роль в повествовании. Сцены борьбы красного партизанского отряда под командованием Дымова с белогвардейцами описаны в прибрежном пространстве реки Катунь – это правый, более низкий берег. Интересно, что в рассказе, помимо Катунь, есть еще реальные топонимы – это село Топольное, откуда прибегает к партизанам главный герой Ларька, и Беркутова гора. При этом Топольное находится в Солонешенском районе Алтайского края, и река, протекающая в этих местах, – вовсе не Катунь, а Ануй – тоже горный, но менее известный приток Оби. Беркутова гора же (Каракаш-Тау) есть и в Челябинской области, и в Крыму, и на Алтае (вблизи ледника Актру). Однако автору, судя по

всему, важно поместить события именно на Катунь, более того, сопроводить ассоциацией из стихотворения А.С. Пушкина «Ночной эфир...» (1824), где строка «*Шумит/Бежит/Гвадалквивир*» явно соотносится с Катунью. Такая «сконструированность» пространства и намеренные топографические «ошибки» автора позволяют предположить, что Катунь наделяется неким сакральным содержанием и построение нового мира и нового человека возможно только в таком месте.

Что может соединять Катунь и реку Гвадалквивир, протекающую в Испании? Помимо того, что это горные реки и что Пушкин символически наследуется представителями нового советского времени, а год написания рассказа соотносится с событиями гражданской войны в Испании, мы нашли еще одну параллель, связанную с орнитологической семантикой. Утки, обитающие в местах по Катунь (например, утка огарь красно-оранжевой окраски), мигрируют на зиму в дельту именно этой испанской реки [Флора и фауна Алтая, URL]. Орнитологическая символика (источник которой, как мы указали, может быть связан с алтайским эпосом) присутствует и в названии Беркутовой горы. Ларька в рассказе подчеркивает, что там «*беркутище*» живет. Кроме того, сам Ларька в доказательство своей взрослости приводит довод о том, что он «*трех селезней за весну убил*» (Бубеннов, 2012, с. 370), а белые, застрелившие Ларьку, «налетели» именно с Беркутовой горы. Таким образом, Катунь в рассказе становится точкой начала космогонического переустройства мира, создания нового строя через кровь и неискупимую жертву.

В 1962 году выходит в свет роман С.П. Залыгина «Тропы Алтая», в котором топонимические образы алтайской территории становятся знаками «обетованной земли» [Бедарева, 2017, с. 10]. И одним из первых таких знаков возникает река Катунь. Для Рязанцева, одного из главных героев романа, она являет собой границу (водораздел, пояс) между «нижним» миром (в зону которого входят Обь, Барнаул, Бийск, Сростки, объединенные общим знаком бестолковой повседневности) и «верхним» – Катунью, Семинским перевалом, деревенькой Усть-Чарой. Это пространство связано для Рязанцева с рубежными отрезками его жизни: он был здесь в детстве, в возрасте 15–16 лет (конец подросткового периода) и жаждет попасть сюда снова в возрасте «давно за сорок» после смерти близкого друга детства.

Главный поиск для героя – это не составление карты растительных ресурсов, а поиск самого себя, поэтому он так спешит соединиться с этим сакральным пространством. Вот как описываются алтайские реки в самом начале романа: «*Крутые, нестройно поющие*

волны и даже какая-то неопрятность реки: размываемый, тальниковый берег той стороны, клочья пены, мутные пятна в зеленой глубине – все было для него отрадным, и он безоговорочно отдал ей предпочтение перед Бией – та была и уютнее, и светлее: отстоялась в глубинах Телецкого озера, из которого брала исток своей. Та была быстрой, но быстрой размеренно и четкой в берегах своих. От нее нельзя было ждать каких-то перемен.

Катунь больше пришлась Рязанцеву по сердцу еще и потому, что она мчалась «оттуда» – оттуда, куда он так стремился, из его будущего, в котором он уже жил эти дни. Катунь еще больше взбудоражила его желание быть “там”» (Залыгин, 2012, с. 31).

И.А. Бедарева отмечает, что Катунь в романе Залыгина – это «река из будущего, того будущего, к которому стремится Рязанцев. Примечательно, что в соседних абзацах текста дается небольшая характеристика двух рек – Оби и Катунь, но насколько равнодушно относится Рязанцев к первой и испытывает восторг при виде второй. Интересно в этом плане описание Катунь и Би: возникает впечатление, что перед нами описание двух женщин, причем первая более привлекательна для героя, он отдает предпочтение именно ей, несмотря на «нестройность» и «неопрятность». В романе есть упоминания и других рек (Еруслан, Волга, Большой Иргиз, Большой Каралан, Большой Узень, Куба и другие), но такого трепета, как перед Катунью, герой не испытывает ни перед какой другой рекой» [Бедарева, 2017, с. 11]. Инициационный для Рязанцева путь, таким образом, задается именно Катунью, ее географической устремленностью вверх – к горным истокам. Важно, что герой двигается против течения реки, тем самым как бы возвращаясь к потерянному им первоначально жизни.

В геоэпике самого известного писателя Алтая В.М. Шукшина алтайские реки наделены не столь однозначной символикой. Так, в воспоминаниях матери Шукшина присутствует амбивалентная природа реки Катунь, которая и привлекает, и страшит одновременно. Мать писателя замечает: «Я всегда боялась Катунь и всячески старалась отвлечь Васю от нее, боялась, что вдруг да он простудится, или, не дай бог, утонет» [Он похож на свою родину, 1989, с. 15]. Сам Василий Шукшин не раз указывал, что его родное село Сростки – одно из красивейших мест на земле и нет «красивее реки, чем Катунь...» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 201).

Конечно, речь идет прежде всего о низовьях Катунь, о месте, где она вот-вот должна соединиться с Бией и дать начало Оби. В самом Горном Алтае Шукшин практически не был. В письме И.П. Попову в

январе 1959 года он указывает: *«Я ведь в Горном почти и не был. Так... Жил одно время в Онгудае. Мало»* (Шукшин, 2014, т. 8, с. 238).

В художественной географии Шукшина огромное значение занимает другой гидроним – Волга (см.: [Богумил, Куляпин, Худенко, 2017]). Однако Катунь может выступать как изоморфным образом великой Волги-матушки (которой можно пожаловаться на судьбу или поплакать у ее берегов), так и персонифицированной сущностью красивой, но стержневой женщины (аналог шукшинских злых жен, тещ, продавщиц и др. женских – не материнских – персонажей). Так, исследователь Т.А. Воробьева указывает на гендерную семантику образа реки (и колодца) в прозе писателя [Воробьева, 2018, с. 145].

В рассказе «Игнаха приехал» (1963) главный герой *«вылез из воды и задумчиво стал смотреть на далекие синие горы, на многочисленные острова.*

– Катунь-матушка, – негромко сказал он.

Васька и отец тоже посмотрели на реку» (Шукшин, 2014, т. 1, с. 165).

В киноповести «Живет такой парень» (1964) Пашка Колокольников идет жаловаться к реке, *«что не везет ему с идеалом, никак не везет...»*. И получает от реки мудрый совет – *«жить все равно надо, даже если очень обидно»* (Шукшин, 2014, т. 1, с. 285).

В авторских отступлениях Катунь показана Шукшиным как река своенравная, переменчивая, воплощающая сложный, глубоко противоречивый характер самого жизненного потока. Перед этим потоком человек может только преклониться: *«И еще есть река на Алтае – Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет – рвется из гор. А то вдруг присмирееет в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьет, за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая – каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит... Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами»* (Шукшин, 2014, т. 1, с. 272).

Обращают на себя внимание авторские переработки вступления к киноповести. Фраза о том, что *«хочется почему-то очеловечить и дорогу, и реку. Местные поэты так и делают...»* в редакции 1964 года через одиннадцать лет меняется на следующее: *«Хочется очеловечить и дорогу и реку. Местные поэты так и делают. Но нельзя превозмочь красоту земную словами»* (Шукшин, 2014, т. 1, с. 388). Наиболее значимым здесь является состояние бессловесности человека перед великой красотой природы, писатель четко осознает малость и

предельность человека-демиурга (сколь бы талантлив он ни был) в сравнении с безграничными возможностями Первотворца.

Такой же гимн красоте катунской воды и одновременно – привыкшему к этой красоте человеку – создает Шукшин и в романе «Любавины» (1967): *«Надо знать <...>, как хороши предрассветный час на Катунь, как тих он притом, что Катунь кипит в камнях, надо видеть хоть один раз, как величаво и торжественно нисходит на землю молодой день, как играют на воде теплые краски зари, как чиста катунская вода, чтобы понять, с какой красотой знаком человек, к какой красоте он привык»* (Шукшин, 2014, т. 2, с. 274).

Примечательно, что в первой книге романа река носила название Баклань (очевидно, от топонима «Баклань» – так называлась старая часть села Сростки около горы Пикет, где и прошло детство Шукшина). Баклань характеризуется как *«бешенная», «беспокойная», она «ворочает и крошит синий лед»* (Шукшин, 2014, т. 2, с. 10).

Таким образом, в мифогеографии Шукшина река показана как амбивалентный символ, в мифопоэтическом плане она восходит к архетипу женщины в ее двух крайне противоположных ипостасях – матери-защитницы и девы-жены-искусительницы. Река для шукшинского героя – это место выбора пути, осознания сложных поворотов своей судьбы.

В конце XX – начале XXI века интерес к символике и мифологии алтайских рек не ослабевает. В творчестве поэтов Алтай Владимира Башунова, Юрия Жильцова, Владимира Новикова, Людмилы Белоусовой возникают образы Бии и Катунь как знаки особых – пороговых – вех в судьбе творческой личности.

Так, стихотворение В.М. Башунова, уроженца Турочакского района Республики Алтай, «Бия» (1975) представляет собой развернутую этимологическую метафору слов «река-речь». Бия ассоциируется у поэта со *«сверкающей речью»*, с *«купелью»* и *«колыбелью»*. Семантика этих символических образов указывает на тесную завязь двух тем – природного и творческого начал в человеке. Речь человеческая уподобляется говору реки, как купель и колыбель – водному нескончаемому истоку, осмысленному как Всеобщий источник появления жизни и духовности. Не случайно переплыwanie реки Бии с правого берега на левый ввергает героя стихотворения в состояние беспамьятства (*«Почти без памяти, без мысли упасть на галечный откос»* (Башунов, 2007, с. 16)), которое сродни предрожденческому. Помимо Бии, частотно встречающий гидроним у поэта – река Лебедь, приток Бии.

Нельзя утверждать, что в художественном творчестве В. Башунова река воспринимается только в этом ключе. С.В. Кулешова указывает, например, что в стихотворении «Бия» река персонифицирована в образе «нимфы лесной», наделенной «русалочьими» чертами: *«Вглубь заманила меня, заласкала / и погубила»* (цит. по: [Кулешова, 2013]). Таким образом, контекстуально и Царевна-Лебедь, и Русалка становятся сказочными прообразами для обрисовки разных рек Алтая, организуя художественное пространство умирания и воскрешения героя в единое целое.

Стихотворные тексты Ю.И. Жильцова, посвященные алтайским рекам, входят в сборник «Мое Беловодье» (2005) (Жильцов, 2007, с. 73–88). Уже само название сборника относит читателя в область мифопоэтического. В стихотворениях «Голубая Катунь», «Бия долго собиралась...», «Алтайские реки» дано своеобразное осмысление основных мифологем Алтая. Так, в первом тексте Катунь сравнивается с резвым быстрым скакуном, который убегает от горных духов и *«по пути дань водой собирает»*. Эта традиция уже намечена в начале XX века в творчестве Г.А. Вяткина и восходит, как мы указали, к кочевому образу жизни тюркских народов. Кроме того, Катунь вписывается автором в исторические времена чингизитов, чье нашествие изменило «этническое лицо» региона.

В стихотворении «Алтайские реки» воссоздана семейно-родовая легенда о двух сестрах, которые, двигаясь навстречу друг другу, образовали реку Обь. Катунь принесла *«дар снегов»*, а Бия, убежав из *«озера Телесов»*, продолжает хранить его священную воду.

Необычный природный феномен, порожденный пересыханием в некоторых местах узкого русла реки Катунь в период осени, отражен в поэтическом тексте Л.Ф. Белоусовой «Голубые глаза Катунь» (Белоусова, 2013). Речь идет о возникающих в начале осеннего сезона двух-трех озерах на месте измельчавшей реки, которые остаются всю зиму незамерзающими. Бирюзовый цвет воды в этих водоемах и их уникальная прозрачность дорисовывают сказочно-мифологическую картину глаз-озер красавицы-Катуни.

Разумеется, мифологические и символические смыслы алтайских рек не исчерпываются указанными произведениями. Есть достаточное количество текстов, где известные авторы репрезентируют и другие гидронимы. Например, это ранний литературно-этнографический очерк Г.Д. Гребенщикова «Река Уба и убинские люди» (1914), это стихотворение Р.И. Рождественского, посвященное одному из притоков Оби, – «Речка Иня» (1955). Для поэзии Рождественского в целом характерна семантическая связь «родина – вода», явленная в

образах реки, дождя, снега, что прозрачно отсылает нас к метафоре малой родины как истока. Этот тезис подробно разворачивается в размышлениях С.М. Козловой [Козлова, 2002].

Наконец, белым пятном в литературоведении остается вопрос о том, какое влияние оказала и оказала ли топонимика Алтая на Н.А. Заболоцкого, который, находясь именно в этих местах, закончил перевод «Слова о полку Игореве». Одним из важнейших элементов этого эпоса является, как известно, описание реки, где, быть может, в метафорах, рисующих Дон, – «зашумели ветры у реки», «мутно реки быстрые текут», «туманы у реки» из плача Ярославны (Слово о полку Игореве, URL) – есть отпечаток и алтайских речных пейзажей. Но это тема уже отдельного исследования.

Литература

- Бедарева И.А. Алтай как обетованная земля в романе С.П. Зальгина «Тропы Алтая» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). В 4 ч. Ч. 1.
- Бедарева И.А. Эволюция фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2011.
- Богумил Т.А., Куляпин А.И., Худенко Е.А. Геопоэтика В.М. Шукшина. Барнаул, 2017.
- Воробьева Т.А. Гендерная семантика реки и колодца в прозе В.М. Шукшина // Филология и человек. 2018. № 1.
- Козлова С.М. Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002. Вып. 1.
- Кулешова С.В. Мотивно-образный комплекс «вода» в лирике В.М. Башунова // Филология и литературоведение. 2013. № 2.
- Мифы народов мира: в 2-х тт. М., 2000. Т. 1.
- «Он похож на свою родину»: земляки о Шукшине. Барнаул, 1989.
- Осипов А.И. Алтайский текст в элегии Н. Рубцова середины 1960-х гг. («Шумит Катунь») // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004. Вып. 2.
- Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992.
- Тадина Н.А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири. СПб., 2007.
- Худенко Е.А. Алтай и Крым: геопоэтические перекрестки // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60).
- Флора и фауна Алтая. [Электронный ресурс]. URL: <http://galt-auto.ru/publ/169-1-0-965> (дата обращения 07.06.2018).

Список источников

- Башунов В.М. Бия // Башунов В.М. Стихотворения. Барнаул, 2007.
- Белюсова Л.Ф. Голубые глаза Катунь // Любовь и боль моя, Россия. Бийск, 2013.
- Бубеннов М.С. На Катунь // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 3.

Вяткин Г.А. Катунь // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 2.

Жильцов Ю.И. Мое Беловодье // Жильцов Ю.И. Свидание с памятью. М., 2007.

Залыгин С.П. Тропы Алтая // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 4.

Казанский П.А. Рождение Оби // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 2.

Легенды и мифы Седого Алтая. Горно-Алтайск, 2008.

Рубцов Н.М. Весна на берегу Бии. Шумит Катунь // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 4.

Слово о полку Игореве. Перевод Н.А. Заболоцкого. [Электронный ресурс]. URL: <http://old-russian.chat.ru/08slovo.htm> (дата обращения 07.06.2018)

Феофелаков В.И. Легенды Алтая. Бийск, 2013.

Чорос-Гуркин Г.И. Алтай и Катунь. Мой Алтай. [Электронный ресурс]: URL: <http://planetaludey.com/biblioteka/g-i-choros-gurkin-altay-i-katun-ocherk.html> (дата обращения 07.06.2018)

Шишков В.Я. На Бии // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 2.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Барнаул, 2014.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ВСТАВКА КАК ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

О.В. Марьина, Н.Н. Будникова

Ключевые слова: интеграционные и дезинтеграционные синтаксические процессы, вставка.

Keywords: integrating and disintegrating syntactic processes, insertion.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-08

Синтаксические процессы активно исследуются в лингвистической науке на протяжении последних четырех – пяти десятилетий (Г.Н. Акимова, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Е.А. Иванчикова, Н.А. Кожевникова, Л.Н. Мурзин, Н.А. Николина, Е.А. Покровская, А.А. Чувакин и др.).

Актуальность нашего исследования состоит в том, что оно представляет собой развитие линии, намеченной в трудах Е.А. Иванчиковой [Иванчикова, 1996], Н.А. Кожевниковой [Кожевникова, 1976], Е.А. Покровской [Покровская, 2001], А.А. Чувакина [Чувакин, 2003, 2008], посвященных изучению синтаксических процессов на материале лирических и прозаических текстов.

Необходимость изучения синтаксических процессов обусловлена рядом факторов: во-первых, существованием в филологии отдельных разноаспектных подходов к интеграции / дезинтеграции, интеграционным / дезинтеграционным процессам в синтаксисе; во-вторых, неопределенностью в отнесении процессов к интеграционным и дезинтеграционным; в-третьих, возможностью описывать интеграционные и дезинтеграционные синтаксические процессы как обособленно, так и в их взаимодействии [Марьина, 2012, с. 81].

Основанием для изучения интеграционных и дезинтеграционных синтаксических процессов послужили работы специалистов в области художественного текста, в том числе исследования Е.А. Покровской [Покровская, 2001, 2006], И.Р. Гальперина [Гальперин, 1980, 2007] и А.А. Чувакина [Чувакин, 2003, 2008].

В работе впервые предпринимается попытка рассмотреть синтаксический процесс – вставку как интеграционный процесс и дезинтеграционный процесс.

Под синтаксическим процессом мы понимаем действия, которые осуществляются компонентами процесса [Марьина, 2012, с. 85]. Для синтаксического процесса характерно

1) наличие минимум двух компонентов, которые обеспечивают протекание процесса;

2) способ взаимодействия компонентов;

3) отношение к синтаксической норме.

В зависимости от способа взаимодействия компонентов в процессе различаются интеграционные и дезинтеграционные процессы. Под способом взаимодействия компонентов понимается структурное и смысловое взаимодействие компонентов в тексте.

Интеграционные синтаксические процессы характеризуются таким способом взаимодействия компонентов, при котором происходит объединение компонентов синтаксических процессов или самих синтаксических процессов. Образуется линейное представление действительности, при котором наблюдается «сцепление мыслей», а художественная идея реализуется через это сцепление [Котова, 2007, с. 185]. Дезинтеграционные синтаксические процессы характеризуются таким способом взаимодействия компонентов, при котором происходит разъединение компонентов процесса или самих синтаксических процессов [Марьина, 2012, с. 93]. В данном случае следует говорить об отказе автора от гармонии, иерархии, пропорциональности, упорядоченности [Покровская, 2006, с. 191].

Вставка понимается нами как синтаксический процесс, который создается взаимодействием вставного компонента и компонента, его включающего.

Вставной компонент – это вставная конструкция, включенная во фрагмент текста.

Включающий компонент – это фрагмент текста, содержащий вставную конструкцию [Марьина, 2012, с. 201].

Ранее мы рассматривали вставку исключительно как дезинтеграционный синтаксический процесс (Н.Н. Будникова [Будникова, 2017], О.В. Марьина [Марьина, 2008, 2009, 2012],

Е.А. Покровская [Покровская, 2006], А.А. Чувакин [Чувакин, 2003]). При этом, однако, отмечали, что степень расчленения компонентов во вставке как синтаксическом процессе может быть различной: компоненты, составляющие процесс, могут быть менее самостоятельными, «оторванными» друг от друга и могут вносить в текст большую расчлененность [Марьина, 2011, с. 89, 91]. Функциональная вариативность, неоднозначность данного синтаксического явления позволяют нам обратиться к рассмотрению вставки не только как к дезинтеграционному синтаксическому процессу, но и как к интеграционному синтаксическому процессу. Мы попытаемся выявить основания, позволяющие отнести вставку к синтаксическим процессам слияния и расчленения.

Вставка как интеграционный синтаксический процесс имеет следующие основания для выделения:

– **один тип повествования во включающем и вставном компонентах:** *Вспомнилось мне стихотворение в старом меннонитском журнале, который показал мне Вильгельм Артурович. Оно называлось «Хаймат» («Родина») и было подписано: «Е.Е.Е.». Автор стихотворения трогательно, проникновенно описывал осеннюю степь, милый сердцу российский край, в котором он вырос, и с неподдельной болью, горечью говорил о тех своих соплеменниках, лишенных чувства родины («хайматгефюль») и ради неведомых благ покидающих ее, уезжающих в далекую Америку (Г. Бельгер «Там, в долине»).* В данном примере во включающем и вставном компонентах повествование ведется от 1-го лица. Центрообразующее понятие «Родина» объединяет и автора-создателя, автора-рассказчика, автора стихотворения (Е.Е.Е.) и читателя, интегрируя в смысловом плане начало и конец произведения в целом. Отметим, что в приведенном примере две вставки: в первом случае включающий компонент – название стихотворения на немецком языке; вставной компонент – его русский аналог, во втором случае – дается русское определение и его перевод на немецкий язык. На наш взгляд, различие обусловлено сугубо языковыми особенностями: и в русском, и в немецком языках есть слово «родина», при этом изначально стихотворение было написано на немецком языке, поэтому выбор автора логичен и бесспорен. Вторая вставка показывает различие языков на смысловом уровне: в русском языке отсутствует понятие, которое обозначает людей, лишенных чувства родины, а в немецком языке оно есть – «хайматгефюль»;

– **единство видо-временных связей включающего и вставного компонентов:** *И я бы предположила, если бы осталась в живых (тут*

я снова поздоровалась с дверью, с лобовым стеклом и затем с Александром), что тип трансмарша может быть разный (Л. Петрушевская «Три путешествия, или возможность мениппеи»). Видо-временные формы глагола-сказуемого во вставном компоненте совпадают с видо-временными формами глагола-сказуемого во включающем компоненте;

– **структурно-композиционное единство включающего и вставного компонентов:** *Расстегнув шубку (под ней была белая кофточка с широкой черной полосой на груди) и прижавшись к зеркалу, чтобы пропустить двух работяг в ватниках, горячо обсуждавших на ходу какое-то дело (и так махавших при этом руками, что ни дай Бог кому-нибудь было оказаться на пути огромных расстрескавшихся кулаков), она увидела почти вплотную свое припудренное лицо с ясно заметными морщинками у глаз* (В. Пелевин «Вести из Непала»). Второй вставной компонент – один из однородных членов (первый находится во включающем компоненте: *горячо обсуждавших на ходу какое-то дело*);

– **наличие формальных показателей:**

а) относительное слово во вставном компоненте: *Посредине такой черноты стен, потолка, пола и воздуха, что даже лампа ее не рассеивала, в центре, словно принявшая в себя всю слабую силу керосинового пламени, висела, или вернее, парила икона, а лик на ней (что и привело Селиванова в онемение) был писаной копией того, кто впустил его в дом и кто был некогда Иваном Рябининым* (Л. Бородин «Третья правда»);

б) лексический повтор (во включающем и вставном компонентах): *Северный город, куда меня распределили – мне выпал город, что уж тут подделаешь, я вела себя честно, – был не так уж мал, за двести тысяч жителей, и учителей литературы там хватало* (А. Лиханов «Благие намерения»);

в) местоименное наречие во вставном компоненте: *Мы находимся в стране великих писателей (правду сказать, в каждой стране есть свои великие писатели), и я думаю, что – весьма возможно – погибнув на этом шоссе, я окажусь в некоей новой Божественной комедии, и там, в сумрачном свете Лимба, в круге первом, но вовсе не на сияющем зеленом холме, а попросту, в писательской столовой на чердаке какого-нибудь деревянного дома (туда надо подниматься по широкой лестнице), и там сидят за столиками Данте, Боккаччо, Буццатти, Толстой, Чехов, Джойс, Пруст. Один из вставных компонентов вводится местоименным наречием *туда* и отсылает к части включающего компонента (в писательской столовой на чердаке*

какого-нибудь деревянного дома) (Л. Петрушевская «Три путешествия, или возможность меннипеи»). В данном случае мы вправе говорить о структурно-композиционном единстве включающего и вставного компонентов;

г) сочинительный союз во вставном компоненте: *Когда наверху (то есть, надо думать, на палубе) раздалися шаги, Лисицина не испугалась, а обрадовалась* (Б. Акунин «Пелагия и Черный Монах»).

Вставка как дезинтеграционный синтаксический процесс имеет следующие основания для выделения:

– **разные типы повествования во включающем и вставном компонентах:** *Пошла к психологу. (У нас бы она пошла к подруге, и подруга ей, наверное, сказала бы: а на что ты, милая моя, с такой фигурой рассчитываешь? Кончай пьянство, садись на диету, не шатайся по злачным местам: мужья там не водятся...)* (Т. Толстая «Золотая середина»). Вставной компонент – это несколько самостоятельных предложений, включающих и вводное слово «наверное», и свободную прямую речь: «... сказала бы: а на что ты, милая моя, с такой фигурой рассчитываешь? Кончай пьянство, садись на диету, не шатайся по злачным местам: мужья там не водятся...».

Включающий и вставной компоненты содержат в себе более двух субъектов речи: *Началась серия «опознаний», то пугавших, то возмущавших Неизвестную («Да какая же это Татьяна!») – «Но я никогда не говорила, что я Татьяна!»)* (Т. Толстая «Анастасия, или жизнь после смерти»). Вставной компонент заключает в себе диалогическое единство;

– **нарушение видо-временных связей между включающим и вставным компонентами:** *Он и сначала не очень-то приветствовал поездку Артемиды совместно с ним и смирился с этим как с тем обстоятельством, что непорядочно будет ссаживать ее со своего самолета, некрасиво и невежливо. (Вспомним ту характерную особенность Андрюши, что на первый раз – так и быть – он позволял садиться себе на шею, но только на первый раз, словно бы для того, чтобы посмотреть, что будет)* (Л. Петрушевская «Смотровая площадка»). Вставной компонент содержит отступления-размышления повествователя, не совпадающие по времени с основным повествованием;

– **нарушение структурно-композиционного единства между включающим и вставным компонентами:** *Тут и в Левином доме, при всей сдержанности и осторожности, что-то не то зашевелилось, не то лишний раз перемыли посуду и стерли пыль с ваз, разобрали*

наконец антресоли и снова сложили – какая-то лишняя энергия, дополнительный свет...

(Так в кино потом, много раз, будет, в молчаливом просветлении, герой подходит к окну и распахивать его одним решительным движением, а оттуда – «журчат ручьи, летят грачи, и даже пень...»), но и сам режиссер не будет знать, зачем он это делает каждый раз, как только паралитик опять стал на ноги или, наконец, запустили новую поточную линию по проекту сценариста... – а потому, что, вот с этого времени, стало можно распахивать в фильмах окна) (А. Битов «Пушкинский дом»). Выделение нового абзаца традиционно связано с новизной информации, ее важностью в масштабах всего текста, невозможностью дальнейшего представления новых сведений, заключенных в данном предложении, из-за логической несовместимости их с предыдущим предложением. При помощи абзаца выделяются наиболее значимые в структуре целого текста группы предложений, содержащие описание нового этапа в развитии действия, характеристику нового героя, авторское отступление (как в приведенном примере) и др.;

– **наличие нескольких самостоятельных предложений в составе вставной конструкции:** *Заученная, непреклонная последовательность движений и операций, проводимых Фаиной при сборах, при всем единообразии, не теряла прелести для Левы; он испытывал определенное удовлетворение от мысленного опережения, предвосхищения движений Фаины и некую радость от совпадения воображенного движения с действительным через какую-нибудь секунду.*

(И пока он так робко наблюдает и безропотно ждет Фаину, у нас есть время разглядеть его взгляд... Как он умудряется, не сводя с нее глаз, настолько не видеть ее? Насолько ее не видеть, что, глядя в этой повести его глазами, и мы – не видим ее?) (А. Битов «Пушкинский дом»).

– **отсутствие формальных показателей между включающим и вставным компонентами:** *Дело было в середине семидесятых, и, – кто помнит, – еда в Ленинграде была, хоть звался город не так роскошно, как нынче. (Но, по закону Ломоносова – Лагузье, все правильно: в одном месте отнимется, в другом прибавится.)* (Т. Толстая «Вот тебе, баба, блинок!»). Представлено параллельное повествование: включающий компонент – прошедшее и настоящее время, включенный компонент – будущее время.

Итак, в ходе исследования мы установили, что вставка как интеграционный синтаксический процесс имеет следующие основания для своего выделения: специфика повествования (повествование во

включающем и вставном компонентах ведется либо от 1-го лица, либо от 3-го лица); единство видо-временных связей включающего и вставного компонентов; структурно-композиционное единство включающего и вставного компонентов; наличие формальных показателей связи между включающим и вставным компонентами конструкции. Вставка как дезинтеграционный процесс имеет следующие основания для своего выделения: специфика повествования (повествование во включающем и вставном компонентах разное: от 1-го лица, от 3-го, несобственно-прямая речь); нарушение видо-временных связей между включающим и вставным компонентами; нарушение структурно-композиционного единства между включающим и вставным компонентами; наличие нескольких самостоятельных предложений в составе вставной конструкции; отсутствие формальных показателей связи между включающим и вставным компонентами конструкции. Отметим, что выявленные основания (и для интеграционных процессов, и для дезинтеграционных процессов) могут существовать самостоятельно и во взаимодействии друг с другом.

Мы предполагаем, что, помимо названных оснований для рассмотрения вставки как интеграционного и дезинтеграционного синтаксических процессов, существуют и другие, которые, надеемся, будут обнаружены в ходе дальнейшего исследования. Перспективным направлением работы видится изучение вставки как синтаксического процесса, в котором бы совмещались функции слияния и расчленения.

Литература

- Будникова Н.Н. Изучение интеграционных синтаксических процессов в конце XX – начале XXI веков (к постановке проблемы) // Научный диалог: Молодой ученый. М., 2017.
- Гальперин И.Р. Интеграция и завершенность текста // Известия АН СССР. 1980. № 6.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2008.
- Иванчикова Е.А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1996.
- Кожевникова Н.А. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Проза. М., 1977.
- Котова Л.Н. Нарратив в зеркале диалога автор – адресат. Усть-Каменогорск, 2007.
- Марьина О.В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-х – 2000-х годов) // Филология и человек. Барнаул, 2009. № 4.
- Марьина О.В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. Барнаул, 2011.
- Марьина О.В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х - 2000-х гг.: дис. ... док. филол. наук. 2012.

Марьина О.В. Интеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. Барнаул, 2008.

Покровская Е.А. Роль прозы шестидесятников в становлении языка литературы неклассической парадигмы: тенденция к синтаксическому слиянию // Политическая лингвистика. 2006. № 18.

Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке. Ростов-на-Дону, 2001.

Чувакин А.А. Интеграция / дезинтеграция в синтаксисе художественного текста на рубеже XX – нач. XXI века // Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте. Барнаул, 2003.

Чувакин А.А. Дезинтеграционные процессы в художественном синтаксисе рубежа XX-XXI вв. // Исследования по семантике. Уфа, 2008. Вып. 24.

Список источников

Акунин Б. Пелагия и Черный Монах. М., 2007.

Бельгер Г. Там, в долине. М., 2000.

Битов А. Пушкинский дом. СПб., 1999.

Бородин Л. Третья правда. М., 1991.

Лиханов А. Благие намерения. М., 1987.

Пелевин В. Желтая стрела. М., 1998.

Петрушевская Л. Мост Ватерлоо. М., 2001.

Петрушевская Л. Три путешествия, или возможность меннипей». СПб, 2007.

Толстая Т., Толстая Н. Двое. М., 2010.

О ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПРОИЗВОДНОГО ТЕКСТА

Н.Н. Шпильная

Ключевые слова: производный текст, диалогическая цитация, диалогическая позиция носителя языка, модели производства текста.

Keywords: derivative text, dialogical citation, dialogical position of the native speaker, models of text production.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-09

Настоящая статья вписывается в русло диалогической дериватологии, предметом изучения которой являются прагматико-эпидигматические отношения в системе языка / речи. Исходным тезисом диалогической дериватологии является положение, согласно которому язык является диалогической системой, единицы которой обладают не предметным (референтным), а относительно-

диалогическим значением. Диалогический модус языковых единиц обусловлен диалогической самодетерминацией языка к условиям функционирования, а именно: к ситуации диалога как коммуникативной предтечи деривационных (производных) отношений в системе языка / речи. Моделирование производных отношений в системе языка / речи в таком случае осуществляется с опорой не только на принцип деривации, сформулированный Л.Н. Мурзиным [Мурзин, 1988], но и на принцип диалогизма, обоснование которого находим прежде всего в работах А.А. Потебни, М.М. Бахтина и др. Стержневой линией динамики языка в таком случае мы считаем непрерывный деривационно-интерпретационный процесс (подробнее об этом см. в [Шпильная, 2015]); включенность единиц языка в данный процесс означает, что процессы их производства / воспроизводства, осуществляемые с опорой на принцип деривации, действуют одновременно с процессами их интерпретации.

Объектом гносеологической рефлексии в настоящей статье является производный текст, то есть текст, созданный на базе другого – исходного для него – текста. В рамках Пермской дериватологической школы, возглавляемой Л.Н. Мурзиным, производный текст представляется как производно-номинативная единица, исследовать которую можно «вне зависимости от говорящего и слушающего, отвлекаясь от тех психологических моментов, которые непременно сопровождают и в известной мере обуславливают его порождение» [Мурзин, 1982, с. 21]. Считается, что производный текст есть результат действия деривационного механизма трансформации, обуславливающего преобразование формы исходной одноуровневой или соседней (находящейся уровнем ниже) языковой единицы при сохранении или спецификации (мутационной / модификационной) ее содержания (смыслового значения). Производный текст в таком случае интерпретируется либо как результат комбинаторных изменений – контаминации и компрессии – предложений как единиц синтаксического уровня, служащих строительным материалом в актах создания единиц высшего уровня [Мурзин, 1972], либо как результат комбинаторных изменений одноуровневых единиц, то есть текстов [Голев, Сайкова, 2001; Мельник, 2011; Чувакин, 1998; Чувакин, 1999; Чувакин, 2000]. Полагается, что возникающий в таком случае производный текст, предназначенный для выполнения коммуникативной функции языка в ее референтивной ориентации (ориентации на контекст), создается независимо от носителя языка.

Нам представляется, что описываемая модель представления производного текста, отвечающая сформулированному Л.Н. Мурзиным

принципу деривации, не учитывает факты, накопленные в онтолингвистике и теории диалогического текста (диалогической лингвистике). Так, исследования по онтолингвистике доказывают, что формирование и формулирование речевых произведений детей возможно только в результате формальной взаимоподгонки реплик в диалогической ситуации, сопровождающейся интерпретацией формы (внутренней формы) предшествующей реплики [Цейтлин, 2000]. Наблюдения за формальной организацией реплик в структуре диалогического единства позволили Н.Д. Арутюновой сделать вывод о том, что формально-содержательная связность его реплик обусловлена модусными смыслами *согласия*, *контраста* и пр., реализуемыми носителями языка, то есть обозначить явление диалогической цитации, объясняющее, скорее, не когезию, а когерентность реплик в структуре диалогического единства, их взаимоприспособляемость друг к другу на уровне внешней формы [Арутюнова, 1990, 1992].

Накопленные наблюдения позволяют сформулировать гипотезу о диалогической природе производного текста, о наличии в языко-речевой системе механизма диалогической цитации [Шпильная, 2015], опосредующего производство текста как производно-прагматической единицы. Отметим, что идея диалогичности текстообразования, то есть совмещения в акте текстообразования актов производства и интерпретации, впервые была высказана М.М. Бахтиным, который полагал, что «всякая коммуникация на что-то отвечает и на какой-то ответ рассчитывает (хотя бы на ответное понимание). Коммуникация отражает не только факт действительности, составляющей ее содержание, но и предшествующие высказывания о том же факте или о чем-то, имеющем к нему отношение (то, что заставило обратиться к данному факту). Эти предшествующие высказывания и предполагаемый ответ не могут не найти своего отражения в высказывании» [Бахтин, 1997, с.255]. Из процитированного фрагмента следует, что процесс производства текста осуществляется в «ситуации ответа» и сопряжен не с новизной выражаемого содержания, а с новизной факта самого высказывания, коррелирующей с диалогическими (прагматическими) модальностями – согласия, несогласия, нейтральной диалогической модальностью. Отсюда производство текста сопряжено с процессом *диалогической имманентизации* текста адресата в текст адресанта. Как следствие, *производный текст* предстает как *диалогический текст*.

Предметом анализа в настоящей статье являются модели генезиса текста как производно-прагматической единицы языка / речи. Материалом для анализа моделей деривации текста послужили тексты интернет-комментариев к новостной статье «Переходы метро: гопники вместо

цветов» [Переходы..., URL]. Общее число проанализированных производных текстов – 612. Диалогическая позиция субъекта текстоосновы выражена в пропозиции *Губернатор Василий Юрченко распорядился очистить до 1 августа все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков в целях безопасности жителей города от терроризма и хулиганства*. При этом производные тексты могут быть адресованы как к автору анализируемой статьи, так и к инициатору решения (губернатору как представителю власти).

Анализируемый материал позволил выделить три модели производства текста: модель согласования, модель контраста и модель примыкания.

Модель согласования характеризуется выражением модальности согласия субъектом высказывания. Формальным показателем актуализации модели согласования служат языковые единицы, содержащие и выражающие в контексте семы одобрения и согласия.

Ср.:

Ляшэне ^{гость}

10 июл 2013 22:31

Может и правильно. Я в переходах ничего не покупаю. Пользуюсь прямым назначением перехода. Очень не нравится суэта, толкотня, спертый воздух... как барахолка какая то.

Или:

Не проблема ^{гость}

10 июл 2013 21:59

А я ЗА то, чтобы убрали барахолку из метро! Единственное, что на входах на станции оставить цивилизованную торговлю – Роспечать, Хлебницу, у них в ассортименте есть и напитки и пр. мелочевка. А то, что покупается на вещевоом рынке за три рубля кг, а потом в киосках продается втридорога, я имею ввиду тряпки, обувь и пр.хлам – УБИРАТЬ однозначно!

Приведенные примеры отражают диалогическую позицию согласия / одобрения. Создавая тексты, носители языка актуализируют языковые единицы, содержащие в своей семантике оценочный (диалогический) компонент, сопряженный с одобрением позиции губернатора как адресата сообщения: *может и правильно, я ЗА, УБИРАТЬ однозначно*.

Модель контраста связана с выражением субъектом высказывания модальности контраста. Формальным показателем актуализации данной модели служат языковые единицы, содержащие и выражающие в контексте семы неодобрения и несогласия.

Приводимые далее примеры иллюстрируют сказанное.

Дмитрий2013

10 июл 2013 12:00

Считаю, что это недальновидное и опрометчивое решение губернатора!!!

Или:

кс ^{гость}

10 июл 2013 22:56

Наше метро – позор, нигде в Европе вы не найдете подобного – чтобы в переходах метро, муниципальном объекте умудрялись организовать торговлю. Куда бы ни шло, если бы там продавались цветы, сувениры, сигареты и оформление торговых точек было приличным. Но трусы, носки, «отжатые мобилы»! Гнать нужно торговшей этих.

Итак, мы видим, что в приведенных производных текстах выражается диалогическая позиция *несогласия*, о чем свидетельствуют языковые единицы, содержащие в своей семантике оценочный / диалогический компонент, сопряженный с неодобрением позиции губернатора как адресата сообщений (*недальновидное и опрометчивое решение губернатора, метро – позор*).

При производстве текста по **модели примыкания** актуализируется нейтральная диалогическая модальность; в числе средств ее экспликации – языковые единицы, выражающие нейтральное отношение субъекта высказывания к предмету речи.

Проиллюстрируем сказанное.

Nikodim ^{гость}

10 июл 2013 17: 40

«Губернатор Василий Юрченко распорядился очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков...»

А какое отношение областной руководитель г-н Юрченко имеет отношение к муниципальному объекту под названием «Метро», которое находится в ведомстве мэрии города Новосибирска?

Или:

Олег ^{гость}

10 июл 2013 14: 34

С одной стороны жалко, с другой – торговли в Нью Йорской, Токийской или Тайбее и прочих подземках я тоже особенно не замечал, может и правильно.

Из приведенных примеров видно, что диалогическая позиция субъектов данных производных текстов является нейтральной, о чем свидетельствуют языковые единицы с соответствующим модусным содержанием, конструкции типа *с одной стороны – а с другой стороны*,

вопрос, примыкающий к позиции субъекта высказывания текста-основы *А* *какое отношение областной руководитель г-н Юрченко имеет отношение к муниципальному объекту под названием «Метро», которое находится в ведомстве мэрии города Новосибирска?*

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на высокий гносеологический потенциал, существующая в текстодериватологии модель производного текста объясняет производство текста без учета условий его реального функционирования; как следствие, ее объяснительные возможности исчерпываются при необходимости дать квалифицированную оценку факту комбинаторных изменений текстов в условиях естественной (диалогической), а не системно-потенциальной коммуникативной ситуации. Иными словами, признание ситуации диалога неотъемлемым условием существования и функционирования языка позволяет утверждать факт диалогической природы производных отношений в системе языка-речи, в частности, в текстовой подсистеме языка. Диалогический характер производного текста обусловлен действием диалогической цитации – одного из деривационных механизмов текстообразования. Признание диалогической цитации механизмом текстообразования позволяет говорить об онтологической непротивопоставленности производного и диалогического текста. В таком случае создание производного текста обусловлено диалогической имманентизацией текста-объекта в текст-цель и сопряжено с фактом новизны высказывания, коррелирующей с выражением той или иной диалогической модальности. В зависимости от вида выражаемой в процессе производства текста диалогической модальности выделяются три модели производства текста как производно-прагматической единицы языка / речи: модель согласования, модель контраста и модель примыкания.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 1997. Т. 5.
- Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Изложение, пародия, перевод ... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2001. Вып. 3.
- Музин Л.Н. Текст – номинация – лексема // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь, 1988.

Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.

Мельник Н.В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: дис. ... док. филол. наук. Кемерово, 2011.

Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998.

Чувакин А.А. Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 1999.

Чувакин А.А. К проблематике деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.

Шпильная Н.Н. Деривационные основания русского диалогического текста. Барнаул, 2015.

Список источников

Переходы метро: гопники вместо цветов. [Электронный ресурс].
URL: <http://news.ngs.ru/comments/1253828/>.

L'ANALYSE LEXICOGRAPHIQUE COMPARATIVISTE DES LEXÈMES PROTECT / PROTESTATION EN RUSSE ET EN FRANÇAIS

О.В. Курколуп

Ключевые слова: лингвокультурные особенности, лексикографический анализ, лексема-именование концепта.

Keywords: linguocultural peculiarities, lexicographical analysis, lexeme-name of the concept.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-10

La linguistique cognitive joue un rôle assez important dans des recherches scientifiques concernant la communication interculturelle, car beaucoup de notions sont transmises d'une culture à une autre à travers la langue. L'article présent porte sur le concept de protestation étudié sur le matériel des dictionnaires russes et français. Il est à noter qu'il y a déjà eu quelques recherches à ce sujet dans d'autres domaines et dans d'autres langues, notamment, dans la culturologie linguistique, dans la linguistique

éthnique, sociale, dans la politologie et dans l'économie [Дементьева, 2015, p. 71].

Le concept est présenté dans cet article comme chez Koubryakova, étant une unité opérationnelle substantielle de la mémoire, du vocabulaire mental, du système conceptuel et de la langue du cerveau («lingua mentalis»), ainsi que de toute l'image du monde reflétée dans la psychique humaine [Кубрякова 1996, p. 90]. Le concept c'est l'idée que la personne a du fait, de sa façon d'être dans le monde [Delbecque 2002, p. 32].

On doit se rendre compte que le modèle construit appartient à l'appareil de la recherche scientifique, puisque le concept joue un rôle de l'artefact mental – il est artificiel (créé par l'homme) et fonctionnel, car a été dégagé par des cognitivistes pour décrire et mettre en ordre la réalité spirituelle [Воркачев 2004, p. 12]. La structure du concept comprend donc la «notion» (traits pertinents reflétés dans des dictionnaires raisonnés), l'idée (image démonstrative et sensorielle qui est née dans la conscience des usagers), le contenu explicite (caractéristiques fixant l'engagement du sujet à l'activité), la composante émotionnelle et évaluative (expression du sentiment d'un individu et son évaluation d'après un barème individuel «bon / mauvais») et finalement la composante associative individuelle (indices isolés qui ne peuvent pas être interprétés à l'aide des connaissances lexicographiques objectives de fond, mais entrent dans l'expérience personnelle) [Лукашевич 2004, p. 129].

L'intérêt de la recherche est défini par:

La popularité des études transversales du phénomène socioculturel de la protestation.

Des changements du caractère dynamique dans la structure conceptuelle et notionnelle des concepts en question ПРОТЕКТ / PROTESTATION, qui sont liés à des changements géopolitiques, économiques, socioculturels et autres constatés dans le monde d'aujourd'hui.

L'absence des recherches consacrées au concept de la protestation en français bien qu'il soit un des concepts les plus utilisés dans le discours médiatique français.

L'absence de la définition des agents de la protestation dans des dictionnaires linguistiques russes. Il est important de souligner que le vocabulaire d'une langue est un système ouvert ; de nouveaux éléments peuvent y apparaître à tout moment [Buhler 2009, p. 437].

Notre approche vise à déterminer d'abord des caractéristiques cognitives communes dans des images du monde française et russe pour les concepts ПРОТЕКТ / PROTESTATION, ensuite pour trouver des traits spécifiques des deux concepts qui nous serviront de base pour prouver

l'intérêt des desdits concepts dans l'image du monde de deux cultures linguistiques. La caractéristique cognitive est déterminée comme «une caractéristique à part reconnue par une personne et reflétée dans la structure du concept en question comme un élément à part de son contenu» [Болдырев 2001, p. 26]. Selon Lebedeva, la protestation reflète toujours la non-satisfaction des gens par le monde qui les entoure et par ses phénomènes qui ne coïncident pas avec ou contredisent à leur principes éthiques, politiques, culturels, personnels ou autres ou bien à leurs intérêts [Лебедева 2005, p. 190].

Le but du travail est l'analyse de la composante notionnelle de la structure conceptuelle ППОТЕСТ / PROTESTATION dans les langues choisies du point de vue de l'aspect linguistique et cognitif. Le but prévoit la résolution des tâches suivantes:

Construire le modèle notionnel des concepts ППОТЕСТ / PROTESTATION à la base des dictionnaires linguistiques et encyclopédiques français et russes.

Découvrir des caractéristiques cognitives communes et différentes entre les deux concepts.

L'objet de la recherche sont des lexèmes représentant les concepts ППОТЕСТ / PROTESTATION, enregistrés par des ressources lexicographiques du français et du russe. Le sujet de la recherche sont des caractéristiques cognitives linguistiques des concepts ППОТЕСТ / PROTESTATION, faisant partie de leurs modèles notionnels. Des données des dictionnaires linguistiques du français et du russe modernes, des dictionnaires encyclopédiques aussi bien que des représentations linguistiques des concepts donnés y sont considérés comme le matériel de base.

Des ressources essentielles contenant l'information sur la valeur lexicale du nom du concept sont «Словарь русского языка» [МАС, 1981-1984], «Толковый словарь русского языка» [ТСУ, 2014] pour le russe. Ainsi que les dictionnaires raisonnés du français «Larousse», «Le Petit Robert». Des dictionnaires choisis ont été édités dans les trois dernières décennies et les résultats de leur analyse sont donc caractéristiques pour la conscience linguistique des gens de la période moderne.

Les méthodes essentielles choisies sont l'analyse de définitions, l'analyse componentielle, la méthode contrastive, la méthode de l'interprétation.

Les étapes de la recherche – la construction progressive du modèle notionnel des concepts ППОТЕСТ / PROTESTATION et l'établissement de la corrélation entre eux. A partir de l'analyse des définitions données dans des dictionnaires linguistiques et encyclopédiques nous trouvons des

lexèmes-représentants des concepts ПРОТЕСТ / PROTESTATION. Le caractère complexe de la recherche entamée a été à l'origine de l'utilisation des dictionnaires différents qui ont été sélectionnés d'après l'ampleur de la description conceptuelle. En faisant l'analyse componentielle on décrit la composition sémique des lexèmes-représentants des concepts dans le système du français et du russe (le modèle notionnel). La méthode comparativiste permet de comparer des particularités du processus de l'objectivation des concepts dans les images du monde française et russe. Le critère quantitatif permet de prendre en considération la répétition de l'indice cognitif dans des définitions données dans les dictionnaires, car l'utilisation des données élémentaires quantitatives aide à augmenter la fiabilité des résultats aussi bien qu'à déterminer des préférences sémantiques stables des usagers et du potentiel sémantique du mot qui devient évident lors du fonctionnement de l'unité de langue [Лукашевич 2003, p. 235].

Une des étapes de la recherche cognitive linguistique est l'analyse des définitions des mots et des expressions verbalisant tel ou tel concept dans la langue nationale. Ainsi, considère-t-on la définition du mot comme une image du contenu du concept exprimé, de ses limites ou de ses caractéristiques à part. [Болдырев 2001, p. 26]. Des indices notionnels s'actualisent sur les bases de définitions lexicographiques du lexème-représentant du concept en question, les indices sont donnés dans des articles lexicographiques comme des composantes sémantiques (sèmes) [Пименова 2008, p. 314].

MAC qui a été choisi comme la source principale pour dégager des indices sémantiques nous montre que la structure sémantique du mot *протест* est présentée comme: 1. *Une objection décisive contre qch, une déclaration du désaccord avec qch, du non-désir de qch* 2. *Une expression officielle du désaccord avec quelque décision ou arrêté.* || *Finances La confirmation officielle du fait de non-paiement à temps de billets donnée au saisissant du billet protesté pour l'encaissement des créances.* || *Marine Une déclaration officielle du capitaine d'un navire marin verbalisant le fait d'un accident du navire ou des avaries à la marchandise.* [Du latin *protestari* – déclarer publiquement] [MAC, v. 3, c. 532]. Le verbe *протестовать* a ainsi plusieurs sens: 1. *Déclarer une protestation.* 2. *Finances, faire un protêt.*

Comme nous comparons les représentants des concepts ПРОТЕСТ / PROTESTATION dans des dictionnaires russes et français, il faut absolument mentionner que la notion de la protestation est définie dans les dictionnaires français à l'aide des lexèmes suivants *fait de protester, action contre, réclamer, s'élever*. La deuxième définition inclue les sèmes *déclaration, désapprobation, refus, contester, opposition* et elle est

caractérisée comme *formelle* [DF, p. 1123; DAA, p. 2103]. En français la signification du lexème PROTESTATION est transmise par des préfixes négatifs ou opposés *in-*, *il-*, *dés-*. Les dictionnaires raisonnés français donnent encore une définition qui n'est pas présentée en russe *déclaration par laquelle on atteste ses bons sentiments, sa bonne volonté envers qn*. Cela veut dire qu'à la différence du russe son analogue français peut avoir une caractéristique bien positive. Le dernier sens du mot coïncide avec le russe – «acte d'une absence de paiement».

Étymologiquement le mot *протест* par le biais de l'allemand et de l'italien remonte au latin *protestari*: dès 1705; *prōtestārī* «témoigner, déclarer ouvertement» [Крылов 2005, p. 382]. Le dictionnaire étymologique du français indique que le mot *protestation* en français remonte au latin *testati* (*témoigner, essayer*), *attester devant tous* en 1265 [DE, p. 562-563]. L'étymologie des mots ППОТЕСТ / PROTESTATION dans les deux langues montre la même provenance, c'est-à-dire, les racines latines – le mot est venu en russe indirectement tandis qu'en français il est apparu directement du latin, vu que le français et le latin appartiennent à la même famille des langues.

Selon nous, la première signification du verbe *свидетельствовать* – 1. (*vieillie*) *communiquer qch, confirmer qch comme un témoin de qch ou comme celui qui est calé*. [MAC, v. 4, p. 49] – peut montrer d'une façon indirecte que le mot *протест* était venu en russe comme un terme juridique et financier avant tout et c'est déjà après qu'on a commencé à l'employer dans son sens plus large. Outre cela, il fallait témoigner *publiquement / ouvertement, en montrant ces connaissances profondes*.

MAC souligne que le verbe *протестовать* dans son premier sens a donné naissance aux *протестант* – 2. *littéraire Celui qui proteste contre qqch* [MAC, v. 3, p. 532]; *запротестовать* – *exprimer son désaccord; commencer à protester* [MAC, v. 1, p. 561]; dans son deuxième sens le verbe a servi de base pour *протестоваться* – passif de *протестовать* dans sa signification financière *porter un protêt d'un billet* [MAC, v. 3, p. 532]. Le verbe *опротестовать* a deux acceptions: 1. *Juridique Porter plainte motivée demandant d'annuler ou de changer une décision quelconque* 2. *Financier Témoigner officiellement du fait de non-paiement du billet, porter un protêt du billet* [MAC, v. 2, p. 631].

Les dictionnaires des synonymes montrent aussi des variations sémantiques des lexèmes ППОТЕСТ / PROTESTATION en désignant leurs liens associatives aux autres unités lexicales ayant le sens proche ou presque identique. Les synonymes les plus fréquents sont dans l'ordre de leur citation dans les dictionnaires: *appellation, objection, hurlement, mécontentement, démarche, désaccord, agacement, non-satisfaction*

[Александрова 2001, p. 402]. Ces dictionnaires-mêmes présentent aussi des variantes plus rares: dépit, démonstration, réponse.

Le dictionnaire des synonymes, des nuances et des antonymes du français propose des équivalents de la PROTESTATION suivants: *objection, dénégation, opposition; réclamation, plainte, récrimination, revendication, (au plur.) doléances; murmure, clameur, cri, levée de bouclier, tempête, beuglante (fam.), coup de gueule (fam.), gueulante; (litt.) témoignage, assurance, démonstration, promesse, serment* [DSNC, p. 933].

La comparaison des dictionnaires de synonymes en deux langues a permis de dégager des équivalents des lexèmes ППОТЕСТ / PROTESTATION: les deux langues proposent les variantes *objection, réclamation, murmure*. Et bien au contraire on peut constater des unités caractéristiques du russe: *апелляция, раздраженность, неудовольствие, несогласие, возмущение, волнение, беспорядки, смута*. Par conséquent, il y a des spécificités françaises: *plainte, clameur, cri, levée de bouclier, assurance, promesse*.

Outre cela, nous avons pris connaissance de la liste des épithètes les plus utilisés pour le lexème ППОТЕСТ en russe [СЭРЛЯ, p. 175], le total des épithètes inclus dans l'article du dictionnaire russe – 71, 1/6 desquels commence par les préfixes *не-* et *бес(з)-* qui ont un sens négatif, signifient l'absence (*безотчетный, бессмысленный, бесстрашный, невольный, неистовый, неудержимый* etc). En tout cas, la protestation est toujours expressive – *бешеный, буйный, жгучий, пламенный, страстный, громкий* etc. et unit une certaine quantité de personnes – *индивидуальный, всенародный, коллективный, общий* etc. Le dictionnaire idéographique [Баранов 2006, p. 762] cite des verbes employés avec le lexème ППОТЕСТ. On peut *заявить, принести, выразить, продемонстрировать* ППОТЕСТ.

Les dictionnaires français donnent la stratification nette de la langue, en précisant le caractère des synonymes du style officiel, littéraire ou parlé. Après l'analyse de ces articles on peut conclure que la langue française délimite des styles différents auxquels appartiennent les mots ce qui joue un rôle bien important à l'étude du concept linguoculturel de protestation. Le dictionnaire des combinaisons des mots français souligne que la protestation peut être *politique, sociale, étudiante*, donc avoir la nature définie; selon le moyen de réalisation la protestation est *verbale, écrite*; la protestation a des degrés différents de l'expressivité: *bruyante, énergique, discrète, faible, vaine*. La protestation *s'organise, fuse, enfle, provoque, soulève*, elle peut être *adressée à qqn en réponse de qch, on peut l'adresser, y répondre, la soutenir ou calmer*. La protestation est comparée en français à une

avalanche, à un déluge, à une tempête, à un torrent, à une vague [DCM, p. 745].

Quand on compare les lexèmes en question on voit bien que les notions ППОТЕСТ / ПРОТЕСТАЦИЯ se ressemblent beaucoup même ayant la nature différente et reflétant des visions du monde différentes. Pourtant la ressemblance de ces deux notions n'est pas absolue, puisque il y a des distinctions du sens, comme par exemple, l'utilisation des unités lexicales différentes restant synonymiques. Faisant l'analyse de définitions on s'est aperçu la prévalence des formes substantivées en russe (*возражение, несогласие, заявление, нежелание*) et des formes verbales en français (*protester, réclamer, s'élever, contester, s'opposer*). Les dictionnaires russes abondent en préfixes négatifs (*несогласии, нежелании*), et les français en formes et constructions affirmatives (*on conteste, on s'oppose*). En plus, en russe le lexème ППОТЕСТ a une signification spéciale de marine. Le français à son tour propose de traiter la protestation non seulement comme un processus négatif, visé contre le fait, mais aussi comme un soutien et une attestation de quelque événement.

L'analyse contrastive des définitions permet de reconstituer le modèle usuel du nom des concepts ППОТЕСТ / ПРОТЕСТАЦИЯ, pour construire le modèle de la parole il faut s'adresser aux autres sources. En accord avec des résultats obtenus de l'analyse contrastive et lexicographique des lexèmes ППОТЕСТ / ПРОТЕСТАЦИЯ on peut constater que les concepts homologues dans les deux langues ont leur structure du champ avec le noyau – *objection, désaccord*, et avec la périphérie – *assurance, plainte, témoignage*. L'étude plus détaillée peut être effectuée à la base d'un discours, par exemple, médiatique de la presse russe et française.

Литература

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

Воркачев С.Г. К основаниям сопоставительной лингвоконцептологии // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004.

Дементьева И.А. Дефиниционный анализ лингвокультурного концепта «GENERATION» в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-3 (50).

Лебедева И.Л. Концепт социальный протест в языковой картине мира США (на материале периодики и интернет-ресурсов): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005.

Лукашевич Е.В. Теория значения слова (эволюционно-прогностический аспект): дис. ... док. филол. наук. М., 2003.

Лукашевич Е.В. Моделирование концепта: психолингвистический аспект // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2004.

- Пименова М.В. Структура концепта как репрезентация типов знания о фрагменте мира // Когнитивные исследования языка. 2008. № 3.
Buhler K. *Théorie du langage*. 2009.
Delbecque N. *Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage*. 2002.

Словари

- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2001.
Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М., 2006.
Крылов П.А. Этимологический словарь русского языка. СПб, 2005.
МАС – Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984.
СЭРЛЯ – Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
ТСУ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2014.
DAA – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Robert. Paris, 2013.
DCM – Dictionnaire des combinaisons de mots. Le Robert, Paris, 2007.
DE – Dictionnaire d'étymologie du français. Le Robert, 2015.
DF – Dictionnaire du français compact. La Rousse. Paris, 2005.
DSNC – Dictionnaire des synonymes, nuances et contraires. Paris, 2005.

КОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ «ДЯДЮШКИН СОН»: БАРНАУЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Е.Ю. Сафронова

Ключевые слова: Достоевский, М.Д. Исаева, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Барнаул, «Дядюшкин сон», автопародия.

Keywords: Dostoyevsky, M.D. Isaeva, P.P. Semenov-Tian-Shangsky, Barnaul, *Uncle's dream*, self-parody.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-11

Традиционно имя Достоевского связывается с Санкт-Петербургом, хотя этапами его биографии волею судьбы оказались и небольшие

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22003 «Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии» по региональному конкурсу «Российское могущество прирастать будет Сибирью и ледовитым океаном».

сибирские города, среди которых Барнаул принадлежит особое место. Автор «Бедных людей» бывал в Барнауле проездом трижды (если учитывать остановки туда и обратно, то можно говорить о шести посещениях): в июне 1856 года, в ноябре 1856 года и в конце января – начале февраля 1857 года по пути в Кузнецк, где жила его возлюбленная Марья Дмитриевна Исаева, ставшая его первой женой.

В эпистолярном наследии русского классика Барнаул занимает далеко не последнее место, напротив, Достоевский мечтает жить в Барнауле¹. В письмах он упоминается 45 раз, хотя писатель провел в городе в сумме не более полумесяца (ср. за пятилетнюю службу в Семипалатинске этот город упоминается в письмах разным адресатам всего 70 раз, учитывая, что по этикетным нормам начало письма предполагает называние места). Семипалатинск оценивается однозначно негативно как «самый дорогой городишка в мире» (письмо от 3 ноября 1857 года брату Михаилу (28-1;290²)); как место мучения: «живу в Семипалатинске, который надоел мне смертельно; жизнь в нем болезненно мучит меня. Не могу Вам за краткостью всего объяснить» (письмо Е.И. Якушкину от 12 декабря 1858 года (28-1; 317)), в письме А.Е. Врангелю от 22 сентября 1859 года пишет, что в Семипалатинске «не осталось ни одной симпатической личности, ни одного светлого воспоминания» (28-1; 337). Негативно характеризует место жительства писателя как скучного города и А.Е. Врангель: «развлечений в Семипалатинске не было никаких. Газеты в нем получали человек 10-15» [Врангель, 1990, с. 350]. Сами жители города называли его Семипроклятинском. На фоне амбивалентной либо чаще негативной характеристики других сибирских городов Барнаул выделяется особо как пространство надежд, культуры, свободы, будит в истосковавшемся сердце писателя воспоминания о Северной столице. Именно в Барнауле Достоевский мог раскрыться в лучших своих ипостасях писателя, влюбленного, жениха.

Достоевский в письмах шесть раз обращался к прокурору округа барону А.Е. Врангелю с просьбой о переводе на статскую службу в Барнаул: «похлопочите о моем переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый *близкий* и самый *верный* шаг для меня» (28-1; 230). Настойчивые и многократные просьбы похлопотать о переезде в Барнаул объясняются тем, что, во-первых, через Барнаул лежал путь в Кузнецк, где жила возлюбленная, а затем первая жена, Мария

¹ См. об этом нашу статью: [Сафронова, 2015].

² Здесь и далее текст произведений и писем цитируется по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-и тт. Л., 1972-1990 с указанием тома, полутома и страницы в круглых скобках.

Дмитриевна Исаева; во-вторых, Барнаул имел славу интеллигентного культурного города.

Барнаул в середине XIX века и в экономическом, и в культурном отношении был одним из ведущих городов Сибири. Этому способствовала довольно развитая горнозаводская промышленность Колывано-Воскресенских заводов, административным центром которых являлся Барнаул. Здесь возник первый в Сибири музей, основанный в 1823 году. В городе существовал любительский театр, хор и картинная галерея, окружное училище. При сереброплавильном заводе была открыта публичная библиотека. Еще в XVIII веке в Барнауле появилась аптека – одна из самых первых аптек в России. Все это и дало основание П.П. Семенову (позднее прибавившему вторую часть фамилии Тянь-Шанский) назвать Барнаул «сибирскими Афинами».

Несмотря на утверждение В.Я. Кирпотина о том, что «в сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями» [Кирпотин, 1959, с. 211], тема «Достоевский и Сибирь» остается недостаточно разработанной, а барнаульский аспект практически не изучен¹.

Первым сибирским произведением писателя, созданным им в ссылке, была повесть «Дядюшкин сон», опубликованная в журнале «Русское слово» в марте 1859 года. Она создавалась урывками, параллельно с «Записками из Мертвого дома». В письме А.Н. Майкову от 18 января 1856 года автор признавался: «я шутя начал комедию», «я пишу комический роман, но до сих пор все писал отдельные приключения, написал довольно, теперь все сшиваю в целое» (28-1; 209).

В отношении локальной привязанности текста повести в достоевистике сформировались два точки зрения. Согласно первой, «Дядюшкин сон» – произведение о жизни русской провинции в целом, без возможности узнавания деталей конкретной местности (В.А. Туниманов, В.Г. Одинокоев, В.И. Габдуллина, С.А. Кибальник): «номинация “сибирские повести” Достоевского по отношению к произведениям, написанным Достоевским в ссылке (“Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково и его обитатели”), условна и обычно маркирует их по времени и месту создания, а не с точки зрения содержащегося в них метатекста, как это происходит с “петербургскими повестями” писателя. Действительно, события в этих произведениях разворачиваются не в сибирском топосе» [Габдуллина, 2016, с. 101]. Странники второй точки зрения (В.Г. Одинокоев, Н.И. Левченко, В.О. Старьгина) настаивают на

---

¹ См. также: [Сафронова, 2015, 2017, 2018].

исключительно семипалатинских источниках творческой рефлексии автора: «повесть “Дядюшкин сон” создана на основе семипалатинских впечатлений писателя» [Одинокое, 1980, с. 17]; «в основу повести легли личные впечатления писателя и его наблюдения над провинциальным бытом Семипалатинска» [Старыгина, 2013, с. 24].

С подобными утверждениями можно согласиться лишь отчасти. С одной стороны, без сомнения, в повести «Дядюшкин сон» есть универсальные детали, приложимые к любой провинциальной местности: узкие деревянные тротуары, домишки городской окраины, липкий снег и т.д. С другой стороны, творческая лаборатория писателя не исчерпывается семипалатинскими впечатлениями, а опирается на весь сибирский опыт, который под пером Достоевского существенно трансформируется. Поэтому для создания грамотного историко-культурного комментария повести необходим беспристрастный анализ, опирающийся на весь сохранившийся корпус архивных документов и мемуарных и эпистолярных свидетельств. Проникнув в творческую лабораторию писателя, возможно разгадать «ребус» Достоевского и вычленив «барнаульский текст» этой сибирской повести¹.

Подзаголовок повести «Из Мордасовских летописей» маркирует иронические снижение документальности как таковой и значительности описываемых событий, задавая иронический тон произведению в целом. Номинация город Мордасов в достоевистике объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, связью с литературным претекстом – повестью В.А. Соллогуба «Гарантас», в которой фигурирует село Мордасы (2; 515). Во-вторых, биографическим контекстом: детские воспоминания автора о своей крестной П.Т. Козловской, имение которой находилось на речке Мардас Костромской губернии [Альтман, 1975, с. 32-35]. В-третьих, интересом Достоевского к народной речевой стихии, для которой характерно слово «мордасы», образованное от лексемы «морда» (рожа, рыло) и вошедшее ключевым элементом в распространенное поговорочное выражение «“съездить по мордасам” или в город Мордасы» [Даль, 1955, Т. 2, с. 346]. В нашей статье² дается еще одно возможное толкование топонима Мордасов. Во второй приезд писателя в Барнаул в ноябре 1856 года во время обеда у начальника горных заводов А.Р. Гернгросса с Достоевским произошел казус. «За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне

---

¹ Тезисы настоящей статьи впервые были представлены на открытой лекции автора «Достоевский в Барнауле» в Алтайском государственном университете 2 апреля 2016 года.

² Подробнее см. статью: Сафронова Е.Ю. К вопросу о городе Мордасове: А.Н. Гернгросс и Ф.М. Достоевский (архивные разыскания). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2018/03/Safronova_2018_1.pdf

очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!» (28-1; 252), – делился автор «Дядюшкина сна» с другом А.Е. Врангелем в письме от 21 декабря 1856 года. Воспоминание об этом «комплименте» «чадолюбивой» Екатерине Иосифовне, которой не нравилось лицо родного сына, позволяют предполагать, что в образе города Мордасова из повести «Дядюшкин сон» отразились впечатления о Барнауле.

Перифразом из письма Ф.М. Достоевского А.Е. Врангелю выглядит фраза из текста повести, обращенная князем К. к Москалевой в эпизоде чаепития, когда он принимает слугу-казачка за родного сына хозяйки:

«– Чаю, князь, – говорит Марья Александровна, привлекая внимание князя на казачка, стоящего перед ним с подносом в руках. Князь берет чашку и засматривается на *мальчика, у которого пухленькие и розовые щечки.*

– А-а-а, это *ваш мальчик?* – говорит он. – *Какой хо-ро-шенький мальчик!.. и-и-и, верно, хо-ро-шо... ведет себя?»* (курсив наш – Е.С.) (2; 312).

Писатель использует минус-прием, опуская названия сибирского города и имя мальчика. Почему? Сибирский провинциальный городок имеет условное название – Мордасов, указывающее на то, что его обитатели имеют не лица, а морды. Ироническое отношение к матери, которой не нравится лицо родного сына, по нашему мнению, и заставило писателя назвать город из повести «Дядюшкин сон» Мордасовым. В указанной статье нами высказано предположение о прототипе образа мальчика – Родион Андреевич Гернгросс (1848-1910).

Достоевский использует минус-прием, опуская названия сибирских и испанских городов, словно проверяя эрудицию своих читателей. По этому же принципу в повести зашифрованы испанские города Гранада (назван архитектурный символ – Альгамбра) и Севилья (река Гвадалквивир).

Пытаясь поразить воображение дочери и убедить ее выйти замуж на старого князя, Марья Александровна называет Гвадалквивир – непривычную для русского слуха реку, сравнивая ее по контрасту со «здешней скверной речонкой с неприличным названием» (2; 324). Звучность и экзотичность фонетической оболочки гидронима, получившего название в арабское время «большая река», подчеркнута на фоне умалчивания названия местной речки. Гвадалквивир – довольно крупная, пятая по протяженности река в юго-восточной части Испании,

на которой расположен город Севилья. Под перифразом «здесьняя скверная речонка с неприличным названием» Достоевский, возможно, мог иметь в виду речку Барнаулку, давшую название городу. Кстати на карте 1856 года она так и названа: речка Барнаулка. Это правый приток Оби, русло которого находится рядом с Сенной площадью, где останавливался ссыльный писатель во время второго и третьего приезда в город. Существуют две версии происхождения гидронима и впоследствии топонима. Согласно первой, (исходной формой является *Бороноул*) название состоит из двух тюрских слов: боро – волк, а ул – река. Такая этимология перекликается с «животной» метафорой Мордасова. Возможно, так Достоевский намекает на поговорку «волки в овечьей шкуре», характеризуя жителей города, под гостеприимством которых скрывается желание «облапошить» князя женитьбой. По второй версии историка А.П. Уманского, название связано с телеутскими корнями *Бороны-ул*, что означает серая или мутная вода. И скорее всего, Достоевский мог иметь в виду именно эту версию. Тем более что она могла быть актуализирована и обстоятельствами пребывания писателя в городе. Согласно архивным данным, именно летом 1856 года в первый приезд Достоевского резко поднялся уровень воды, а цвет ее стал молочно-белым. Ниже Барнаула обнаружено большое количество уснувших осетров, стерляди и другой рыбы. Живая рыба «перекочевала» на отмельные места [Барнаул. Летопись города, 2007, с. 39]¹.

В письме А.Е. Врангелю от 21 декабря 1856 года при описании Барнаула Достоевский как бы мимоходом делает следующее наблюдение: «со многими познакомился; *хлопотливый* город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!²» (28-1; 252). В повести «Дядюшкин сон» видим дословную, но более развернутую характеристику Мордасова. Матримониальные хлопоты являются сюжетообразующими: «Марья Александровна погрузилась в свои размышления. Нечего сказать: они были *хлопотливы* (2; 334) (курсив наш – Е.С.). Описывая «первую даму города» Достоевский говорит о ее умении «себя держать так, что, глядя на нее, в голову не придет, чтоб эта

¹ На наш взгляд, авторскому определению «скверная речонка с неприличным названием» из всех сибирских рек более всего отвечает именно Барнаулка. Иртыш, протекающий в Семипалатинске и Омске, – большая, полноводная река. Возле Кузнецка протекает река Кондома, в переводе с шорского языка означает «извилистая река». А другая маленькая речка Барнаула, Пивоварка исторически имела другое название – Пранка. Более того, река была названа в честь инженера М.Б. Пранга, который на ее левом берегу в 1864 году открыл первый в России содовый завод: <http://altfishing-club.ru/blog/138/entry-747-rechalnaia-reka/>.

² Шарль Морис де Талейран – французский политик и дипломат, чье имя стало нарицательным и используется для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

сановитая дама была первая сплетница в мире или по крайней мере в Мордасове» (2; 296). Ее окружение аналогично, вокруг только «жадные, низкие и коварные людшики» (2; 307). Софья Петровна Фарлухина автором представлена как «ходячая газета», «зловещая и мстительная сплетница» (2; 329). Оправдывая Наталью Дмитриевну, Москалева замечает, что «она сплетница, – но это здешняя привычка; кто здесь не сплетничает» (2; 310).

Кроме того, Марья Александровна, провинциальная «львица» и виртуоз интриги, сравнивается даже не с Талейраном, а с самим Наполеоном: «Марью Александровну сравнивали даже, в некотором отношении, с Наполеоном. Разумеется, это делали в шутку ее враги, более для карикатуры, чем для истины» (2; 297). В противоположность французскому императору наша героиня всегда останется «первой дамой», поскольку у нее никогда «не закружится голова от собственной высоты» и она не вспомнит «свое настоящее место». Поглощенная идеей «выгодного брака» дочери, она чувствует себя достойной столичных городов: «я сама буду княгиня: меня и в Петербурге узнают. Прощай, городишка!» (2; 334). В этом смысле фамилия Москалева, возможно, отражает желание обыграть столичные претензии героини, которое в финале повести оказываются реализованными: в Москве Зина выходит замуж как «чрезвычайно богатая девица из знатного дома» (2; 397) за генерал-губернатора «отдаленного края». Обратим внимание на такое совпадение: главная деловая улица Барнаула середины XIX века называлась Московский переулок, в 1900 году переименована в Московский проспект, с 1924 года по настоящее время – проспект Ленина. В повести упомянута и еще одна деталь: дом Марьи Александровны расположен на Большой улице. В этой номинации годонима мы усматриваем кузнецкий знак: аналогично называлась улица Кузнецка, но в то же время в Барнауле была улица Большая Тобольская.

На еще одну приметку столицы горнозаводской промышленности указывает такая подробность, как бывшая служба мужа Москалевой: «Афанасий Матвеевич лишился своего места за неспособностью и слабоумием, возбудив гнев приехавшего ревизора», ранее «служил и получал жалование и <...> другие доходы» (2; 297).

Здесь, вероятно, автор намекает на известные местным жителям подробности. История Барнаула началась с Колывано-Воскресенских заводов, построенных уральским промышленником Акинфием Демидовым, который в устье реки Барнаулки основал медеплавильный завод. В тайне от императорской фамилии вместо меди Демидов стал выплавлять серебро и золото, из которых чеканил монеты на Урале. В 1745 году в Барнаул была прислана ревизская проверка и заводы

перешли в собственность императорской фамилии. Барнаул получил статус горного города – центра горнозаводского района и стал подчиняться напрямую Петербургу. В первой половине XIX века на Алтае выплавляли 90 процентов российского серебра – по 1000 пудов в год, поэтому горные начальники кроме жалованья имели и другие виды дохода, в том числе крупные взятки. П.П. Семенов в книге «Путешествие в Тянь-Шань в 1856-57 гг.» отмечал: «удручающее впечатление производило на меня только то, что все это интеллигентное, культурное общество (принадлежавшее, за исключением двух-трех золотопромышленников, к алтайской горной администрации) жило выше средств, доставляемых ему крайне скудным казенным жалованьем, и, очевидно, пользовалось сверх него доходами, законом не установленными и получаемыми самовольно с крепостного населения Алтайского горного округа» [Семенов-Тянь-Шанский, 1946, с. 126.]. Известно, что Ф.М. Достоевский занял на свадьбу 600 рублей серебром у своего знакомого полковника корпуса горных инженеров, горного ревизора Семипалатинской области Н.Н. Ковригина, в ведении которого находились золотые промыслы. А.Е. Врангель о нем вспоминал: «доходы свои имел, как и все в то время в Сибири, и это считалось чуть ли не нормальным, как будто иначе быть не могло» [Ковригин, URL].

Более завуалированно о склонности алтайских чиновников к коррупции Достоевский скажет в «Записках из Мертвого дома», где «создается наиболее обобщенный и не лишенный иронии образ Сибири и “сибирского жителя”. Говоря о чиновниках в Сибири, которым “несмотря на холод, служить чрезвычайно легко”, Ф.М. Достоевский, вслед за Гоголем, пытается дать их классификацию», – пишет О.Г. Левашова [Левашова, 1995]. Если Н.В. Гоголь делит чиновников на «толстых» и «тонких», то Ф.М. Достоевский – на «умеющих разрешить загадку жизни» и «не умеющих». Те чиновники, кто умеет разрешить загадку жизни, «почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются». Другие – легкомысленные – «скоро наскучают Сибирью и с тоской себя спрашивают: зачем они в нее заехали?» [Левашова, 1995, с. 384-385].

Кроме того, особенности образной системы повести отсылают к реалиям горнозаводского дела на Алтае. Так Москалева благодарит Мозглякова, что его Бог надумил привести его именно к ней, ведь другие «бросились бы на него, как на рудник, как на россыпь...» (2; 307). В тексте повести также нашла отражение черная легенда о г. Барнауле, который проклял его основатель Акинфий Демидов. Сибирский топос получает усиленную негативную оценку по принципу восходящей градации: «отвратительный городишка», «проклятый

город», полный ненависти, тщеславия, «гадких интриг» (2; 385), зависти, сплетен, «смрад», связанный с лиминальным состоянием болезни и смерти, словно дублируя характеристику Петербурга как города-ада.

В повести «Дядюшкин сон» «замаскированы» очень личные впечатления Достоевского о Барнауле и о событиях, с ним связанных. По мысли В.А. Туниманова, фигура хроникера-рассказчика была большим открытием Достоевского: «летописец – фигура условная: им рассказана всего одна, хотя весьма примечательная, история (скандальная хроника) и он не обладает самым необходимым качеством летописца – объективностью, беспристрастностью» [Туниманов, 1980, с. 16]. Он тонкий и проницательный наблюдатель, самый незаинтересованный (лично) во всем городе и происходящих событиях человек, умеющий дать им верную оценку. «Есть основания предполагать, что летописец бежал из Мордасова» [Туниманов, 1980, с. 16]. При внимательном прочтении повести оказывается, что в качестве второстепенных персонажей в ней упоминается сам автор и приютивший его в Барнауле друг Петр Петрович Семенов (тогда еще не Тянь-Шанский). «Один заезжий литератор посвятил ей свою повесть, которую и читал у ней на вечере, что произвело чрезвычайно приятный эффект» (2; 296). По воспоминаниям П.П. Семенова, Достоевский читал ему в Барнауле «Записки из Мертвого дома» [Семенов-Тянь-Шанский, 1990, с. 310]. Поскольку в Барнауле в помещении Алтайского горного собрания существовала традиция устраивать вечера, балы и обеды, сопровождающиеся литературным чтением, можно допустить, что ссыльный писатель порадовал публику чтением¹. Рядом с образом заезжего литератора Достоевский поместил и травестийно сниженную карикатуру на П.П. Семенова: «один немецкий ученый, нарочно приезжавший из Карльсруэ исследовать *особенный род червячка с рожками*, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома in quarto, [в одну четверть листа (лат.)] так был обворожен приемом и любезностью Марьи Александровны, что до сих пор ведет с ней почтительную и нравственную переписку из самого Карльсруэ» (2; 296). Едкая пародия на научную деятельность друга тем не менее точно воспроизводит некоторые детали его биографии: Петр Петрович Семенов был магистром ботаники, в 1853-54 годах предпринял поездку в Германию для всесторонней научной подготовки, собрал крупнейшую в мире коллекцию насекомых, содержащую свыше

¹ Примерно в этот период, по воспоминаниям Б.Г. Герасимова, в Семипалатинске Достоевский, «шагая по комнате, с большим воодушевлением читал отрывки из задуманной им повести “Дядюшкин сон”» [Герасимов, URL].

700 000 жуков, которая сейчас хранится в Зоологическом музее РАН¹. Любопытен и объект изучения немецкого ученого – «особенный род червячка с рожками». За этой метафорой «прячутся» обитатели Мордасова. Объект исследования ученого-биолога, летописца-повествователя и рядового жителя пародийно сближаются: «всякий провинциал живет как будто под стеклянным колпаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть от своих почтенных сограждан. Вас знают наизусть, знают даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинциал уже по натуре своей, кажется, должен бы быть психологом и сердцеведом. Вот почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встречая в провинции вместо психологов и сердцеvedов чрезвычайно много ослов. Но это в сторону; это мысль лишняя» (2; 336).

Обратим внимание на «особенный род червячка с рожками, который водится в нашей губернии», ставший предметом изучения ученого. Возможно, Достоевский так обыграл известную ему со слов П.П. Семенова популярную городскую байку. Архивные источники подтверждают, что в 1842 году енисейский земской управитель представлял в Алтайское горное правление червей, появившихся в бийской волости на полях в земле глубиною на один вершок и причинявших вред озимым хлебам и травам путем «подъедания» корней растений. В Государственном архиве Алтайского края сохранилась переписка Кабинета с доктором господином статским советником и кавалером Ф.В. Геблером о необходимости описания, сохранения и предоставления в «надлежащей укупорке» червей через господина Томского губернатора в Санкт-Петербург Министру внутренних дел².

На Барнаул как источник творческой лаборатории Достоевского указывает еще один эпизод, который подтверждается архивными источниками:

---

¹ Учитывая, что любой образ имеет полигенетическую природу и отсылает не к одному, а сразу нескольким прототипам, необходимо заметить, что, скорее всего, в образе безымянного биолога могли отразиться и черты Александра фон Гумбольта, который вместе со своими спутниками Розе и Эренбергом в 1829 году предпринял путешествие в Россию с научной целью. 21 июля 1829 года он прибыл в Барнаул, по его словам, «один из красивейших городов Западной Сибири» [Александр фон Гумбольдт..., URL]. Александр фон Гумбольдт прославился в составе экспедиции в Южную Америку в 1804 году, где обнаружили 60 000 растений, из которых 6300 – ранее неизвестных видов [Alexander von Humboldt, URL]. Большая часть его обширного научного наследия 34 тома – книги in folio (лат – в целый лист, то есть самый большой формат книги), в которых рисунки раскрашивались вручную в каждом экземпляре. В России А. Гумбольдт собрал множество геологических, географических и биологических знаний.

² ГААК, дело 6472, л. 142-144.

«– Нет, князь, у нас не было холеры, – говорит Марья Александровна.

– Здесь был **скотский падеж**, дядюшка! – вставляет Мозгляков, желая отличиться» (2; 311).

Согласно делу ГААК № 6931 с 20 по 24 марта 1856 года, то есть за два месяца до приезда писателя в Барнаул, действительно был скотский падеж. Об этом свидетельствует переписка за апрель-май 1856 года фельдшера урядника Петра Максимовича Климова с исправляющим должность инспектора Алтайских госпиталей господином старшим лекарем и надворным советником и кавалером Иваном Антиповичем Преображенским, в которой подробно описаны обстоятельства гибели с перечислением кличек и описанием 10 казенных и частных лошадей Егорьевского золотого промысла с прилегающими к нему Елизаветинским и Салаирским приисками¹. Эти факты свидетельствуют о более близком, чем ранее считалось, знакомстве Достоевского с барнаульскими новостями.

О доли автопсихологизма можно также говорить и в следующих деталях. Князь К., отрекаясь от факта сватовства, полагает лучшим для себя выходом поездку за границу, в Испанию, где он может вступить в масонскую ложу. Так на периферии сюжета («Я, действительно, в старину, к одной масонской ложе за границей при-над-лежал» (2; 375), – признается герой) возникает мотив выбора жизненного пути, как альтернатива воспринимаются заключение брака и вступление в масонскую ложу. Выбор, стоящий перед героем, Достоевским был решен иначе – необходимостью заключения брака с М.Д. Исаевой, но само упоминание о масонской ложе может быть рассмотрено как еще один барнаульский знак. По устному свидетельству городских старожилов, масоны собирались в подвале одного из зданий, окаймлявших Демидовскую площадь, то есть находились в непосредственной близости от места барнаульского пребывания писателя.

Кроме того, в травестированном виде сюжетные события переключаются с биографией Достоевского, который во время написания был занят устройством своих брачных дел. Еще в начале работы над произведением автор признавался А.Н. Майкову: «Этот герой мне несколько сродни» (письмо от 18 января 1856 года, 28-2; 209).

По воспоминаниям А.Е. Врангеля [Врангель, 1990. Т. 1, с. 351] и А.Г. Достоевской, в домашней обстановке писатель иногда любил – в шутку, из веселого озорства – пользоваться речевыми манерами и

---

¹ ГААК, дело 6931, Л. 4726/2820, 665, 681.

жестами князя К. Вторая жена писателя указывала на субъективно-авторский момент в образе Дядюшки: «Я бывала очень недовольна, когда Федор Михайлович принимал на себя роль “молодящегося старичка”. Он мог целыми часами говорить словами и мыслями своего героя, старого князя, из “Дядюшкиного сна”. Высказывал он чрезвычайно оригинальные и неожиданные мысли, говорил весело и талантливо, но меня эти рассказы в тоне молодящегося, но никуда не годного старичка всегда коробили, и я переводила разговор на что-либо другое» [Достоевская, 1981, с. 100].

Вероятно, некоторые черты князя К. действительно, импонировали писателю, который также ощущал себя после каторги стариком, в котором вспыхнула «запоздалая» любовь к М.Д. Исаевой. Есть основания полагать, что в «Дядюшкином сне» трагестийно обыграна история жениховства автора. «В чисто литературном ключе комедийность “Сна” можно рассматривать как пародию на трагедию личной судьбы Достоевского», «в идейно-эстетическом плане комедия есть преодоление трагедии» [Одинокое, 1980, с. 19]. Ту же мысль высказывал и В.А. Туниманов: за спиной летописца стоит Достоевский, «ищущий новые формы повествования, адекватные сибирскому трагическому опыту, и как бы по контрасту избирающий необычный и не слишком подходящий жанр комической повести» [Туниманов, 1980, с. 21].

Невеста Достоевского М.Д. Исаева, оказавшись в непростой ситуации в одиночестве и с ребенком на руках, в одном из ее кузнецких писем делится с Ф.М. Достоевским своими сомнениями: «Что если б нашелся человек пожилой, с добрыми качествами <...> обеспеченный, и если б этот человек бы делал ей предложение, что ей ответить (28-1; 212). Впервые эта биографическая параллель с матримониальным сюжетом повести отмечена В.А. Викторовичем [Викторович, 2016, с. 227]. Добавим, что личный биографический опыт органично соединяется с барнаульскими впечатлениями. Так, Люси Шеррард Аткинсон (девичья фамилия – Финли), супруга английского художника и путешественника Т.У. Аткинсона, в мемуарах «Воспоминания о татарских степях» делилась со своей корреспонденткой слухами и сплетнями о свадьбах в Барнауле в 1852 году: «Следующая пара состоит из молодой особы двадцати двух лет и семидесятилетнего жениха. Единственное, что будет сказано в пользу последнего брака – он служит предлогом, чтобы отклонить некоторые приглашения и визиты. Прошлой зимой, когда мы жили здесь, старец предавался музе Терпсихоре в компании двух

молодых особ: его будущей жены и семнадцатилетней юной леди» [Аткинсон, 2013, с. 143].

Автобиографические штрихи узнаваемы в некоторых подробностях, хотя Ф.М. Достоевский и пытался их скрыть.

«– Нет, князь, – перебивает Марья Александровна, – клянусь, вы погубите себя такой жизнью! Затвориться на пять лет в уединение, никого не видеть, ничего не слышать! Но вы погибший человек, князь! Кого хотите спросите из тех, кто вам предан, и вам всякий скажет, что вы – погибший человек!

– Неужели? – восклицает князь.

– Уверю вас; я говорю вам как друг, как сестра ваша! Я говорю вам потому, что вы мне дороги, потому что память о прошлом для меня священна! Какая выгода была бы мне лицемерить? Нет, вам нужно до основания изменить вашу жизнь, – иначе вы заболете, вы истощите себя, вы умрете...

– Ах, боже мой! Неужели так скоро умру! – восклицает испуганный князь. – И представьте себе, вы угадали: меня чрезвычайно мучит геморрой, особенно с некоторого времени... И когда у меня бывают припадки, то вообще у-ди-вительные при этом симптомы (я вам подробнейшим образом их опишу)...» (2; 314).

В приведенном фрагменте очевиден намек на вынужденное затворничество князя К., ассоциативно связывающееся со ссылкой писателя-петрашевца, который порой чувствовал себя «мертвецом» и также, как и князь, ощутил возрождение под воздействием любви: «Я только теперь начинаю жить... Я хочу, чтоб сейчас же, сию минуту была свадьба» (2; 346). Более того, князь обещает описать припадки «с у-ди-вительными симптомами» и геморрой, в которых угадываются болезни автора. Очевидна параллель со странной нервной болезнью Ф.М. Достоевского, начавшейся еще в Петербурге, но верно диагностированной именно в Барнауле¹.

Эпилептический припадок у Достоевского произошел после венчания ориентировочно 15 февраля 1857 года и писателю пришлось «лишних 4 дня» (28-1, 270) прожить Барнауле в тяжелом физическом и нравственном состоянии. Князь К. также проводит в Мордасове 4 дня, которые заканчиваются его смертью в гостинице от «нравственного потрясения» (2; 395).

¹ См. подробнее в нашей статье, в которой выявлено имя квалифицированного врача, верно диагностировавшего эпилепсию Достоевского: Сафронова Е.Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф.М. Достоевского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/10/Safronova_2017_3.pdf.

Сатирически обыграны и преломлены также некоторые другие биографические подробности отношений Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой. Так, например, старый князь рассказывает следующую историю: «я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовал, один немецкий барон; он еще потом некоторое время в сумасшедшем доме сидел» (2; 315). В этом фрагменте угадываются происхождение Марьи Дмитриевны Констант, бывшей по деду француженкой, и страдания писателя, у которого в разлуке появился счастливый соперник. К слову сказать, любовь Зины к бедному «учителишке», оказавшемуся «слабым сердцем», завершается смертью от чахотки. Это тоже литературная «мсть» Достоевскому Н. Вергунову, который был учителем рисования.

«В “Дядюшкином сне”, задумывавшемся как драматическое произведение, воскрешение мужского начала через любовь оформляется при помощи построения сюжета по законам трагедии и комедии одновременно. Трагедия, организующая сюжет Зины и бедного уездного учителя, существует как «длющееся прошлое» текста: оставаясь в основном в пересказе, она, на самом деле, предопределяет поступки и поведение героев в настоящем; комедия же оформляет сюжетную линию Князь – Зина и может быть названа “выгодная женитьба”, режиссером которой является Мария Александровна, мать героини. Несводимость героев только к трагическому или комическому обусловила подмену Васи князем К. для Зины: выходя замуж за князя, то есть “спасая его от смерти”, героиня пытается воскресить своего возлюбленного. Однако в мире комедии реинкарнации не происходит – логика сна переворачивает традиционные представления: свадьба оборачивается в своего двойника – похороны как воскрешение в воспоминании» [Фазиулина, 2005, с. 21-22].

Так ни Мордасов для Дядюшки, ни Барнаул для Достоевского не стали городом духовного возрождения.

Наконец еще один весомый аргумент – это существование в Барнауле с 1776 года публичного светского театра. По словам историка театра И.Н. Свободной, театр был «главной эстетической привязанностью общества» [Свободная, 2003а, с. 4]. Любительский театр горных офицеров в середине XIX века находился в самом расцвете. По замечанию корреспондента томской газеты «Сибирский вестник», «иные здешние господа жили и веселились чуть ли не по-

столичному» [цит. по: Свободная, 2003б, с. 6]. Труппа состояла из горных офицеров, посвящавших свой досуг театральному искусству. Многочисленные командировки чиновников в столицы позволяли привозить новинки репертуара, заметное место в котором занимали комедии, драмы, сцены из городской жизни, картины с натуры, мелодрамы, водевили¹. У театра был свой оркестр, обеспечивающий музыкальное сопровождение спектакля, традиция высокого вокального искусства (театр также называли «Оперным домом»), сложились актерские династии. Ведущими актерами были Николай Андреевич Давидович-Нащинский и братья Сергей Васильевич (1815-?) и Иван Васильевич Самойловы (1821-?) – отпрыски знаменитой актерской семьи².

Еще за год до первого посещения Барнаула весной 1855 года во время поездки со своим другом стряпчим уголовных дел А.Е. Врангелем на Локтевский завод Ф.М. Достоевский познакомился с горным начальником Алтайских заводов Андреем Родионовичем Гернгроссом, управляющим Локтевским сереброплавильным заводом Николаем Эрнстовичем Пишке и братьями Самойловыми. Сергей Васильевич был помощником управляющего, а Иван Васильевич – приставом надворных работ. Далее, пытаясь развеселить страдающего в разлуке с М.Д. Исаевой друга, летом 1855 года А.Е. Врангель предпринимает поездку в г. Змиев, куда на лето перебиралось горное начальство и барнаульский любительский театр.

В первый приезд писателя в Барнаул в письме А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 года Достоевский акцентирует, что «с горными я познакомился только с Пишко и Самойловым; хорошие люди;

¹ Справедливости ради нужно заметить, что у Ф.М. Достоевского был также омскокаторжный и семипалатинский «театральный» опыт, соотносимый с понятием «народный театр» и противоположный барнаульской почти профессиональной сцене. Так, в «Записках из Мертвого дома» арестанты представляют сцены «Филатка и Митрошка», «Кедрил, что-то вроде Дон Жуана». В Семипалатинске, по воспоминаниям Б.Г. Герасимова, «иногда солдаты устраивали у себя в казарме "спектакли", на которые собирался местный бомонд – публика рада была всякому развлечению. Солдаты-артисты не особенно разборчивы были в выборе репертуара и, случалось, преподносили такие вещи, что дамы турманом вылетали со «спектакля», а мужчины хохотали до упаду» [Герасимов, URL].

² Оперные артисты Василий Михайлович Самойлова и Софья Васильевна Самойловы «подарили русской сцене первую актерскую династию: 10 своих детей и 4 внуков, каждый из которых вспыхивал звездой на театральном небосклоне Санкт-Петербурга. В истории русского театра особенно прославлено имя Василия Самойлова (кстати, тоже горного инженера по образованию), который 40 лет прослужил на сцене Императорского Александровского театра в Петербурге» [Свободная, 2003а, с. 5].

остальных не застал. С Гернгр<осом> разъехался на дороге» (28-1; 237).

Таким образом, у писателя завязываются дружеские отношения с ведущими актерами барнаульской труппы. По мнению И.Н. Свободной, комедия «Дядюшкин сон», вполне возможно, предназначалась именно для барнаульской сцены. Главную роль в этой комедии мог сыграть именно Сергей Васильевич Самойлов [Свободная, 2003а, с. 6].

П.П. Семенов-Тянь-Шанский, проживший зиму 1856-1857 года в Барнауле, вспоминал: «Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном задании барнаульского театра, многие из членов барнаульского общества выдавались своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер, старший брат знаменитого артиста, даже превосходивший своими природным сценическим талантом своего младшего брата...» (на самом деле Самойлов был на два года моложе своего знаменитого брата) [Самойлов..., URL]. «Многие из горных инженеров, постоянно принимая участие в любительских спектаклях, выработали из себя тонких, образованных артистов, между которыми в моей памяти остались горный инженер Самойлов <...>, а в драматических ролях молодой горный инженер Давидович-Нащинский», – вспоминал мемуарист [Свободная, 2003а, с. 5].

«И хотя Ф.М. Достоевский впоследствии изменил свой первоначальный замысел, и переделал начатую им комедию в комическую повесть, “Сибирские Афины” могут гордиться тем, что вдохновили писателя на первую и единственную серьезную попытку написать для театра» [Свободная, 2003а, с. 6]. В связи с этим можно высказать предположение, что замысел и комедийная (театральная) жанровая основа повести Достоевского «Дядюшкин сон» могла быть обусловлена влиянием от знакомства с труппой барнаульского любительского театра, и точнее, с С.В. Самойловым. Безусловно, что увлечение театром у Достоевского возникло еще в юношеские годы, в 1830-40 годах в Санкт-Петербурге, где его кумиром стал Василий Васильевич Самойлов. Поэтому знакомство в Сибири с родными братьями знаменитого артиста возобновило увлечение и способствовало активизации творчества автора в драматургическом направлении. Вероятно, что в семье Самойловых были осведомлены о первоначальном замысле предназначавшейся для барнаульского театра комедии и предполагаемой главной роли в ней С.В. Самойлова. В письме Ф.М. Достоевскому в начале декабря 1879 года знаменитый артист выразил свое глубокое сожаление, что не имел чести сыграть в

его пьесе: «И мне, право, грустно, что в протяжении всей моей сценической деятельности мне не удалось воспроизвести ни одного из Ваших личностей, именно потому, что Вы, обладая таким правдивым талантом, не хотели оставить память о себе на сцене, о чем я очень сожалею, как для публики, так и для себя, который мог бы прибавить одну из лучших ролей своего репертуара...» [цит. по: Свободная, 2003а, с. 6].

В повести очевидны рудименты театрального замысла, некоторые главы откровенно комедийны, нередко в тексте встречаются ремарки. В основе повествования водевильного типа лежит театральная интрига: драматическое действие организует Марья Александровна Москалева, пытаясь выдать замуж дочь Зину. Ярче всего режиссерская роль героини и протест против такого «дирижирования» судьбой проявляется в реплике Зины, готовой выйти из повиновения матери: «если вы еще будете меня мучить и назначать мне разные низкие роли в этой низкой комедии, то я брошу все и покончу разом» (2; 356). Но «далеко не все в “пьесе” Москалевой осуществилось в согласии с “текстом” и репетициями. Москалева вынуждена импровизировать, срочно сочинять и пересочинять сцены, уподобляясь вдохновенному и взыскательному художнику, обязанному, к сожалению, считаться с настроениями публики и актеров» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Она неожиданно столкнулась с конкуренцией и коварством «вышедшей из повиновения марионетки – Мозглякова, которого озлобление подвигло на самостоятельные “творческие” действия: им была сочинена и разыграна другая пьеса, разрушившая “поэтический” замысел Марьи Александровны» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Спектакль из «камерного» становится «народным» и выливается в «скверный анекдот», «невиданный скандал с неожиданной, нелепой и оттого безобразной развязкой» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Так «незловобый» и «невинный» сюжет из провинциального быта, расцвеченный каскадом *lazzi* – шуток-импровизаций в духе итальянской комедии масок, «наружный, почти бутафорский шутейно-курьезный мир матримониальной игры оказывается на поверку поистине шекспировским театром, где разыгрываются фатальные страсти-мордасти» [Владимирцев, 2008, с. 65].

Кроме общей театральной поэтики сибирской повести, в «Дядюшкином сне» дважды есть и прямое указание на театр как отличительный барнаульский знак. Князь, хлестаковствуя в доме Москалевой, говорит, что «даже для сцены водевиль написал... Там было несколько вос-хи-тельных куплетов! Впрочем его никогда не играли! <...> И знаешь, Зина, вот теперь бы кстати! У нас же

собираются составить театр, – для патриотического пожертвования, князь, в пользу раненых... вот бы ваш водевиль!» (2; 313).

Мотив создания благотворительского театра, сборы от представлений которого пойдут на помощь раненым, отсылает к Крымской войне, тем самым обеспечивая точную временную привязку текста между 1854 и 1856 годами, как отмечается в комментариях к Полному собранию сочинений (2; 516). Жители Мордасова, без приглашения «нагрянувшие» вечером в дом Москалевой, объясняют свой внезапный приход необходимостью обсуждения театральных дел: «ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром» (2; 369). На наш взгляд, временную границу создания повести можно еще сузить – это 1856 год, когда Достоевский посещает Барнаул и вынашивает планы переезда в этот город¹.

«Опишите мне подробнейшим образом <...> все эти мелочи, мелочи и составляют, так сказать, настоящий сок! Я ужасно люблю мелочи»,² – вызывает к прибывшему с дядюшкой Павлу Александровичу Мозглякову неугомонная Марья Александровна Москалева, выражая наклонность самого автора («Больше мелких подробностей» (29-1; 271)) [Викторович, 2016, с. 223]. На наш взгляд, именно обилие художественных деталей, подтвержденных архивными документами Алтайского горного округа середины XIX века и мемуарными свидетельствами современников, позволяют говорить о важной роли барнаульских впечатлений в творческой истории произведения. Взятые в совокупности перечисленные доказательства являются аргументированной гипотезой. С большой долей уверенности можно говорить о причастности Барнаула к творческой лаборатории повести и даже более того, осмелиться утверждать, что единственное целиком законченное в Сибири произведение посвящено Барнаулу.

Литература

Александр фон Гумбольдт в Сибири // Экспедиционный центр Красноярского краевого отделения русского географического общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-rgo-sfo.com/lichnosti/304-aleksandr-fon-gumbolt-v-sibiri>.

Альтман М.С. Достоевский: по вехам имен. Саратов, 1975.

---

¹ РГИА Ф. 777. Оп. 3. 1886. Д. 35. Л. 11. Об. – 12.

² Прогрессивно мыслящие жители Мордасова, живо окликающиеся на злободневные события, в этом смысле противоположны жителям Семипалатинска. Из воспоминаний Б.Г. Герасимова известно, что «даже происходившая в то время крымская война не особенно-то будировала семипалатинцев. Они жили своей жизнью, ничем не реагируя на большие политические события» [Герасимов, URL].

Аткинсон Л. Воспоминания о Татарских степях: Письма из Барнаула. 1848-1853 гг. Барнаул, 2013.

Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 2007.

Викторович В.А. Казус Мозглякова (Повесть Достоевского «Дядюшкин сон» в литературном и биографическом аспекте) // Острова любви Борфед. СПб., 2016.

Владимирцев В.П. Дядюшкин сон // Достоевский: сочинения, письма, документы. СПб., 2008.

Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1990. Т. 1.

Габдуллина В.И. Сибирский текст Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3.

Герасимов Б.Г. Достоевский в Семипалатинске. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gerasimow_b_g/text_1926_dostoevsky_v_semipalatinske.shtml.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2.

Достоевская А.Г. Воспоминания. М, 1981.

Кирпотин В.В. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 1959. Кн. 4.

Ковригин Николай Никифорович // Достоевский: антология жизни и творчества. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Kovrigin_N_N.

Левашова О.Г. Достоевский и Алтай // История Алтая. Барнаул. Ч. 1. 1995.

Левченко Н.И. Круг знакомых Ф.М. Достоевского в Семипалатинский период жизни // Материалы и исследования. 1994. Т. 11.

Одинокое В.Г. «Сибирская» повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» (Поэтика жанра) // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. Новосибирск, 1980.

Печальная река. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altfishing-club.ru/blog/138/entry-747-pechalnaia-reka>.

Самойлов Сергей Васильевич // Достоевский: антология жизни и творчества [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Samoilov_S_V.

Сафронова Е.Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф.М. Достоевского // Культура и текст. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/10/Safronova_2017_3.pdf.

Сафронова Е.Ю. К вопросу о городе Мордасове: А.Н. Гернгросс и Ф.М. Достоевский (архивные разыскания) // Культура и текст. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2018/03/Safronova_2018_1.pdf.

Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4.

Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) // Вестник культуры Алтайского края. Барнаул 2003а. №5 (9).

Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) (продолжение) // Вестник культуры Алтайского края. Барнаул. 2003б. № 2 (10).

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. М., 1946. Т. 2.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Из «Мемуаров» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1990. Т. 1.

Старыгина В.О. «Дядюшкин сон» как комическая повесть // Филологические науки в России и за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moluch.ru/conf/phil/archive/106/4459>.

Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854-1862 гг. Л., 1980

Фазиуллина И.В. Сон и сновидение в раннем творчестве Ф.М. Достоевского: поэтика и онтология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005.

Alexander von Humboldt [Электронный ресурс].

URL: https://www.dieterwunderlich.de/Alexander_Humboldt.htm (нем.)

Список источников

Государственный архив Алтайского края (ГААК) Д. 6472, Л. 142-144. Д. 6931, Л. 4726/2820, 665, 681.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-и тт. Л., 1972-1990.

БАШКИРСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.А. Хуббитдинова

Ключевые слова: башкирский фольклор, русская литература, художественное переосмысление, мотив, образ, традиции, культурная антропология, интертекстуальность, инонациональный эпос, обрядовый фольклор.

Keywords: Bashkir folklore, Russian literature, artistic rethinking, motive, character, traditions, cultural anthropology, intertextuality, foreign epic, ritual folklore.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-12

Изучение проблемы литературного использования фольклорного сюжета на стыке двух научных дисциплин, фольклора и литературы в частности, в структуре культурологии представляет собой направление культуроохранной деятельности, сохранение культурного наследия одного народа (в данном случае башкирского) в художественной словесности другого – русского. Следовательно, изучение проблемы русско-башкирских литературно-фольклорных связей в культурологическом аспекте, как культурная антропология, также соотносимо с фундаментальными разделами науки о формах

социальной коммуникации и трансляции опыта – филологическими, педагогическими, искусствоведческими науками и религиоведением. Целью данной статьи является попытка рассмотрения литературы с точки зрения культурологии, что способствовало бы обобщению анализируемого материала, художественного переосмысления национального фольклора в русской литературе в частности.

Изначально интерес русской прогрессивной интеллигенции к фольклору разных народов, в том числе башкирскому, обусловлен рядом общественно-политических, социальных причин – событиями, происходящими в царской России в XVIII – XIX веках. «И усиление закрепощения крестьян, и французская, и крестьянская революции заставили русскую интеллигенцию, которым было небезразлично социально-политическое положение народа в России, обернуться лицом к простому люду, пристальнее взглянуть на его быт, заинтересоваться его устно-поэтическим творчеством, в котором более всего отразилась правда о тяжелой жизни народа, его мечты и чаяния. Следствием этого явилось выдвижение в русской литературе новой проблемы ... интерпретации народной поэзии, которую можно назвать иначе борьбой за фольклор» [Азадовский, 1960, с. 124]. В этой связи не остался в стороне и Башкирский край.

В башкирской филологической науке к проблеме башкирско-русских литературно-фольклорных связей в разные годы обращались такие известные башкирские ученые, как А. Харисов, М. Рахимкулов, С. Галин, М. Мамбетов, М. Идельбаев и другие. Однако до сих пор данный вопрос в национальной науке не рассматривался в его литературно-культурологическом аспекте. В то время как изучение проблемы творческого переосмысления народного эпоса в инациональной художественной словесности именно с этой точки зрения во многом восполнит данный пробел и станет объектом пристального внимания исследователей в будущем.

Наиболее сложной и глубокой формой познания духовной картины мира народа является его эпос. Эпос – крупное и масштабное произведение, повествующее о жизни и быте народа с охватом его мифологии и реальных исторических событий, культурного пространства, «обобщенные и типизированные через монументальные образы» [Башкирское народное творчество, 1972, с. 6].

Башкирский народный эпос отражает важные события из жизни рода, обычаи, традиции, предрассудки и суеверия народа, его духовный мир, в нем поэтически выражены смелость и удаль батыров – народных героев, воспета девственная красота и неповторимость природы родного края. Героическое начало в эпосе переплетается с

народной мудростью, моралью, красноречивым языком, богатым внутренним миром и философичностью ума. Он охватывает национальную самобытность, культурное, творческое своеобразие, менталитет народа. Эпос и сегодня не теряет свою актуальность, все чаще и чаще становясь объектом научных изысканий. Согласно исследованиям современных фольклористов, во время экспедиций до сих пор можно найти отдельные варианты или осколки крупных эпических произведений («Заятуляк и Хыу-хылу», «Кузыйкурпес и Маян-хылу», «Алпамыш» и других) [Юлдыбаева, 2014, с. 238-241].

В разные годы башкирский эпос также стал источником для художественного творчества писателей. Зачинателем же традиции художественного использования эпического наследия башкир или цитирования в интертекстуальном его понимании (как культурологического аспекта) по праву считается простой крепостной крестьянин оренбургского помещика Н.И. Тимашева – Тимофей Савельевич Беляев (1768–1846). Именно после опубликования в 1812 году «Куз-Курпач, башкирской повести, писанной на башкирском языке одним курайчем и переведенной на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года» (далее – «Башкирская повесть»), созданной по мотивам башкирского народного эпоса «Кузыйкурпес и Маян-хылу», у демократической части русской интеллигенции возрос интерес к Башкирскому краю. Под влиянием беляевской версии на сюжет башкирского эпоса «Кузыйкурпес и Маян-хылу», популярного также среди других тюркских народов, А.С. Пушкин, пребывая осенью 1833 года в Оренбургской губернии, попросил своего друга В.И. Даля записать для него один из вариантов этого эпического памятника [Хуббитдинова, 2011, с. 14].

Очевидно, именно восхищение башкирским народом и уважение к его истории сыграли особую роль в создании такого литературного произведения. В повести во всей своей красе художественно отразились фольклорные мотивы, традиции и обычаи, этнографические картины из жизни и быта народа, тепло поэтизировано его духовное богатство. Это фольклорные мотивы о бездетной семейной паре, башкирской колыбельной свадьбе, любовном треугольнике и т.д. Нашли свое отражение такие обычаи, как наречение именем новорожденного, сговор об исполнении в будущем «колыбельной свадьбы» новорожденных младенцев и т.д. Своеобразную идейно-эстетическую функцию выполняют мифические герои в лице святого старца Авлии, доброй Мяскай, злого демонического Дью-Пяри-Оборотня, как части культурного, духовного наследия башкир. Основная идейная тематика башкирского эпоса, заключающаяся в

трагической гибели влюбленных, бессмертия любви, в повести преобразуется в политическую идею – идею дружбы народов – башкир и киргиз-кайсаков (казахов), родства между ними, а также в преследовании цели ознакомить инонациональную аудиторию с духовной картиной мира башкир. В данной статье остановимся лишь на некоторых моментах – традиционных образах, мотивах, имеющих культурологическое значение.

Известно, что рождение ребенка – это всегда радость для семьи и всего рода. Там, где есть дети, есть надежда на будущее. Поэтому с просьбой о рождении ребенка, чаще сына, люди обращались ко всем святым силам, закрепляя молитвы жертвоприношениями. В период исламизации просьбы начинают «адресовать» самому Аллаху и его святому пророку Мухаммеду.

Мотив достижения цели с помощью усиленных молитв Господу встречается и в эпосе многих тюркских народов. В киргизском эпосе «Манас» старик Якуб всю жизнь усердно молился о рождении наследника, и в преклонном старческом возрасте, наконец, бог подарил ему сына. В узбекской версии башкирского эпоса «Алпамыш» – «Алпамыс» бездетные муж и жена совершили паломничество в святые места, 40 дней и ночей молились на могиле святого Халифа, после чего за усердие были вознаграждены наследником.

Отец героя Карабай из «Башкирской повести», в целом, напоминает этих героев. Он также переживает из-за отсутствия наследника. Часто свою молитву с просьбой о ниспослании ребенка он подкрепляет жертвоприношением: после каждой удачной и богатой охоты он устраивал йыйын (летние праздники с разными играми и развлечениями. – *Н.Х.*), во время которого варятся котлы с жирным мясом, которым угощаются весь аул, бедные и нищие одариваются одеждой, едой. Все это он проделывает от чистого сердца, с большим желанием: «...После столь счастливого звероловства ... Карабай-батыр не замедлил для жителей джин. Сперва принес он от чистого сердца в снедь бедным лучшую кобылицу из косяков своих и с усердием благодарил аллу и пророка его за помощь в убиении араслана¹. К тому присовокупил еще смиренное прошение, дабы Магомет, сжалясь над его бесчадием, ходатайствовал перед всевышним о даровании ему сына» (Башкирия в русской литературе, 1989, с. 250)².

---

¹ Араслан – русская транслитерация башкирского слова «арыслан», то есть лев.

² Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Вознесение молитвы богу является предпосылкой чудесного рождения героя. А предсказание о необычном, чудесном рождении сына является традиционным приемом народного эпоса. К примеру, в вариантах устной версии башкирского эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылу» дети рождаются в результате съеденного родителями разделенного пополам яблока или его семечек. В более поздних эпических произведениях религия накладывает свой отпечаток: к примеру, рождению киргизского Манаса или узбекского Алпамыса способствуют усердные молитвы будущих родителей.

После таких усердных молитв и удачной охоты к Карабаю является седобородый странник, который, как оказалось, был не простым мусafirом – путником, а посланником самого пророка Мухаммеда: «Карабай! – говорит он. – Усердное твое моление ходатайством Магомета, покровителя нашего закона, достигло всевышнего. Я прислан от пророка возвестить тебя, что родится тебе сын от жены твоей Алтыши» (Башкирия в русской литературе, 1989, с. 250). Данное предсказание отсылает нас к пророчеству о рождении Христа, имплицитно напоминая библейскую историю о пришествии Мессии. Под национальным мифическим образом в данном случае скрывается общехристианский библейский мотив, использованный автором на интуитивном уровне, что влечет за собой культурные наслоения и интертекстуальную связь. Впоследствии в повести, конечно, на свет рождается не святой и не пророк, но культурный герой – истинный батыр и зачинатель семи крупных башкирских родов, башкирского народа в целом.

Появление верного посланника самого Мухаммеда усиливает мистику описанной картины и подчеркивает необычность рождения долгожданного сына, а следовательно, необычность происхождения башкирского народа, взявшего начало от рода Куз-Курпяча согласно сюжету повести. Другими словами, эпический мотив чудесного рождения героя порождает микросюжет о чудесном происхождении целого этноса так же, как и целый сюжет священной Библии в ее культурологическом прочтении как части универсалии культуры.

Во второй раз Авлия является перед охотящимися за необычным зверем отцом и сыном:

*Вотще пускается вы стрелы свои:
Не победить вам непобедимого ...
Сие чудовище не дикий зверь
Но злой и лютый Дью-пярй
Магомета ненавидящий... –*

так характеризует он ненавистного врага (Башкирия в русской литературе, 1989, с. 259).

Авлия не только хорошо знает это чудовище, он также осведомлен о том, что он является оборотнем (то есть может предстать перед человеком в различном облике), и что у него есть уязвимое место – правая пятка. Другого способа уничтожения его нет.

Данный демонологический образ вызывает интертекстуальную связь, а именно аллюзию на мифический персонаж из повести В.И. Даля «Башкирская русалка» (1843), написанной на основе башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хьу-хьлу». Во введении автор, говоря о суевериях башкир, рассказывает случай о том, как из дна высохшего озера, что неподалеку от озера Шульган, выбежал оборотень, принимающий вид различных животных и приносящий различные болезни и беды людям. Охотники никак не могли с этой нечистью покончить. Как-то раз это существо явилось в облике чернобурой лисы. Один зверолов, как говорится во введении произведения, подстерг ее и выстрелил в нее сразу двенадцать стрел: «за каждую стрелю оборотень перекидывался то собакой, то кошкой, то выдрой, то росомахой, а наконец барсом и юлбарсом, то есть лютым полосатым тигром; батыр наступал все смелее и смелее <...> и наконец, заставив отчаянного дью-пяри принять последний, человеческий образ, в латах, шишаке, с огромным обоюдоострым мечом, поразил его копьём в левую пята и свалил труп...» (Башкирия в русской литературе, 1989, с. 175).

Куз-Курпяч из «Башкирской повести» покончил с оборотнем схожим способом. Невиданное чудовище, которое, убегая от батыров, провалилось в щель скалы, вдруг предстало перед ними в качестве всадника, одетого с головы до ног в стальное одеяние. Вот в такой решающий момент вновь является Авлия и дает советы, как победить оборотня:

*Есть под пятою его правой ноги,
Место смертельное, – тут порази!*

Куз-Курпяч, изловчившись, воспользовался подсказкой старца, в результате Дью-пяри тут же испускает дух.

Аллюзия данного образа с оборотнем далевской повести еще более усиливается. У Даля он, оборачиваясь из облика одного зверя другого, в конце концов, принимает «последний, человеческий образ, в латах, шишаке, с огромным обоюдоострым мечом». У Беляева, как уже было сказано, он в конце также появляется в образе человека, «покрытого стальной кольчугой и держащего в руках ужасной величины чугунную палицу» (Башкирия в русской

литературе, 1989, с. 260). Подобные аллюзии, интертекстуальные связи позволяют предположить, что Даль, создавая свою «Башкирскую русалку», безусловно, был знаком с беляевской «Башкирской повестью», изданной отдельной книгой еще в 1812 году.

В следующий, третий раз, Авлия является перед Куз-Курпячем с печальной вестью о смерти отца. Он во всех подробностях рассказывает молодому батыру о его героической гибели. Затем, дав совет, как похоронить отца, он вновь исчезает.

В четвертый, последний раз, Авлия встречается с егетом в тот момент, когда последний пускается в путь на поиски нареченной невесты. И тут святой старец побеспокоился о своем молодом подопечном: он указывает путь к доброй Мяскяй, которая в дальнейшем поможет ему в поисках Баяны. На этом месте, признавшись, что он выполнил поручения пророка Мухаммеда и его роль завершена, он в тот же час умирает. Так святой старик сходит со сцены действий.

Образ седобородого Авлии напоминает нам святого Хызыра Ильяса – спутника заблудившихся в дороге путников и странников. У башкир, когда кто-то отправляется в путь, то ему желают: «Пусть спутником твоим будет святой Хызыр-Ильяс!», «Пустился в путь-дорогу, Пусть спутником будет Хызыр», то есть в пути всегда поможет святой Хызыр [Юлдыбаева, 2011, с. 102-103]. В народных сказках и эпосе этот образ встречается достаточно часто: белобородый старец указывает герою верный путь, помогает ему в путешествии, исцеляет его раны, предсказывает его будущее (кубаир «Аксак кола», эпос «Кузыйкурпес и Маян-хылу», сказка «Бабай, Хызыр Ильяс, царь» и т.д.).

Надо сказать, что Хызыр-Ильяс является популярным мифическим образом в эпическом творчестве тюркских народов вообще. Он присутствует и в алтайской версии «Козын-Эркеш – Баян-Сулу», где белобородый старец в чалме, Ак-Сагал, напоминающий известного Хызыра, также помогает герою в поисках нареченной невесты (Каташ, 1964, с. 89-97, 94). В башкирской версии рассматриваемого эпоса, записанного С.Ф. Миржановой в 1971 году в д. Байдавлет Зианчуринского района республики Башкортостан у Сайфуллина Абдуллы, белобородый святой старец в белом одеянии по просьбе Баян-хылу (Маян-хылу), срастив отрубленную голову Кузыйкурпеса с шеей, оживляет его на три дня. В казахской версии этого же эпоса также присутствует белобородый старец – чудотворец. Когда Баян-сулу

горько плакала над бездыханным телом Козыхана, вдруг невесть откуда появившийся белобородый старик берется исполнять ее желание: по ее просьбе он также на три дня оживляет егета (Козы-корпеш – Баян-слу, 1959, с. 322).

Если в народных поверьях и суевериях Хызыр-Ильяс помогает людям в пути, в тяжелую минуту, в сказках и эпосе он делится с героем своей чудодейственной силой, то в «Башкирской повести» Авлия-Хызыр выступает от имени бога и действует только по воле бога и пророка Мухаммеда. И этот образ, пришедший из глубины языческих верований, с легкой руки Т. Беляева превращается в образ исламизированного праведника. Возникший когда-то на фольклорной почве, он приобретает новое лицо, одухотворенное учением и принципами исламской религии и выполняет новую функцию, заключающуюся в служении богу, в выступлении от его имени в качестве связующего звена между вечным и смертным.

В результате «Башкирская повесть», художественно используя сказочные мотивы, проводит эпический сюжет сквозь различные культурные наслоения, чем качественно усовершенствует его как в идейном, так и в художественном отношении. Надо сказать, что подобные эпические, мифологические образы, мотивы в рассматриваемой повести Т. Беляева встречаются часто, и все они несут в литературном произведении важную идейно-художественную функцию.

Таким образом, опубликованная в 1812 году «Башкирская повесть» Т. Беляева является первым литературным произведением на русском языке о Башкортостане, художественно изображающим этнографические картины из жизни и быта башкир, их фольклорные традиции и мифические образы. В этой повести ценителей искусства слова привлекал простой, почти детский нрав башкир, их самобытный фольклор, а главное, их богатое историческое прошлое. Беляевская «Башкирская повесть» позволила В. Далю также обратиться к теме Башкирского края с точки зрения художественности, литературной эстетики. Литературная деятельность не позволила исчезнуть от забвения письменным версиям башкирских эпосов «Кузыйкурпес и Маян-хылу» и «Заяткляк и Хыу-хылу», подготовила почву для сохранения культурного наследия народа. Это стало возможным, потому что и в авторской интерпретации эпоса сохранилась самобытная традиция, отражающая духовную картину мира народа. Так, в русской культуре сохранилось этно-культурное наследие башкирского народа, что позволило обогатить духовный мир обеих культур.

Следовательно, изучение проблемы межнациональных литературно-фольклорных связей в культурологическом аспекте является перспективным направлением в литературоведении.

Литература

- Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре. М., 1960.
Башкирское народное творчество: Эпос. Уфа, 1972. Т. 1.
Хуббитдинова Н.А. Художественное отражение фольклора в литературе XIX века (к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей). Уфа, 2011.
Юлдыбаева Г.В. О Хызыр Ильясе // Экспедиционные материалы: Бурзянский район РБ. Уфа, 2011.
Юлдыбаева Г.В. Башкирский эпос в современной записи // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 2014.

Список источников

- Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1.
Каташ С.С. Алтайские варианты эпоса «Козы-Корпеш и Баян-слу» // Народный эпос «Козы-Курпес и Маян-хылу». Уфа, 1964.
Козы-корпеш – Баян-слу: Казах халк эпосы. Алма-Ата, 1959.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ ЭМИ ТАН «ДОЧЬ КОСТОПРАВА»

Е.М. Караваева

Ключевые слова: Эми Тан, образ-символ, китайская культура.

Keywords: Amy Tan, symbol-character, Chinese culture.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-13

Опубликованный в 2001 году роман Эми Тан «Дочь костоправа» представляет собой еще одну трактовку излюбленной темы автора, американки китайского происхождения, а именно проблемы самоидентификации, примирения со своими корнями и обретения собственного голоса. Преданные поклонники автора наряду с критиками оценили психологизм романа, неизменные мотивы феминистского повествования и, конечно, образность и

метафоричность стиля. 13 сентября 2008 года на сцене оперного театра в Сан-Франциско состоялась премьера оперы «Дочь костоправа», либретто к которой написала сама Эми Тан. Роман рассказывает историю трех женщин одной семьи, каждая из которых бросает вызов окружающему миру на фоне различных культурных и исторических событий. Бабушка, Гу Ли Ксинь или Драгоценная Тетушка, как ее называют в семье, принадлежит эпохе феодального Китая, мать, Лу Линь Янг – частично Китаю, частично Америке, Рут Лу Янг – дитя современной Америки. «Каждая героиня проявляет смелость и мужество на пути самоутверждения и обретения собственного голоса» [Караваева, 2015, с. 285].

Произведения Эми Тан часто становятся объектом исследования зарубежных и отечественных литературоведов. Различным вопросам этнического самоопределения в мультикультурном обществе США, которые нашли отражение в романах писательницы, посвящены работы Ш. Ма [Ma, 1998], Г. Пултар [Pultar, 1999], М.С. Заморы [Zamoga, 2008]. Проблемы мультикультурализма в азиатско-американской литературе исследуются в книгах Беллы Адамс «Эми Тан (Современные мировые писатели)» [Adams, 2005] и «Азиатско-американская литература» [Adams, 2008]. В отечественном литературоведении можно выделить работу С.Г. Коровиной, которая изучает творчество Эми Тан 1980-х – 90-х годов в контексте азиатско-американской литературной традиции [Коровина, 2002]. Е.В. Староверова на материале романов Тан рассматривает отношения родителей – эмигрантов и их детей, рожденных и воспитанных в западной американской культуре [Староверова, 2005]. Т.А. Лупачева анализирует функционирование китайских вкраплений в произведениях Эми Тан [Лупачева, 2005]; А.В. Скопина рассматривает этнический кулинарный феномен в азиатско-американской литературе на примере романа «Клуб радости и удачи» [Скопина, 2013]. Несмотря на то, что внимание большинства исследователей сосредоточено на первом романе Тан, можно отметить несколько работ, посвященных анализу романа «Дочь костоправа». В частности, И.В. Львова обращается к проблеме самоидентификации личности в романе [Львова, 2014], а Пу Ксумей рассматривает произведение Эми Тан в контексте феминистской литературы, уделяя особое внимание мифологичности романа [Pu Xiumei, 2006]. В своих исследованиях автор статьи не раз обращается к произведениям Эми Тан, в частности рассматривая особенности структурной композиции романа «Дочь костоправа» [Караваева, 2009; Караваева, 2015].

В данной статье мы обратимся к анализу системы художественных средств в романе «Дочь костоправа», включающую использование образов и символов традиционной китайской культуры.

Столкновение и интеграция двух культур – китайской и американской – неизменный мотив всех произведений Эми Тан. В «Дочери костоправа» автор демонстрирует удивительную способность играть с художественным временем и пространством, перемещая героинь из современной Америки в Китай начала XX века и обратно. Очевидно, это находит отражение в стилистике повествования: официальный регистр сменяется неофициальным, речь городских персонажей – языком сельских жителей, стандартный нормативный английский – диалектом этнического меньшинства. И вновь, как и в первом романе Тан «Клуб радости и удачи», язык становится средством выражения культурного барьера и в то же время инструментом диалога и взаимодействия между поколениями. Главная героиня Рут – образованная американка, в речи которой много современных разговорных и сленговых выражений; ее мать Лу Линь, иммигрантка из Китая, говорит на плохом английском, часто вставляя в речь китайские слова. «Однако ломаный, усеченный английский, на котором говорит Лу Линь, неожиданно оказывается полным силы и афористичности. В речи матери – только главное, необходимое. Неправильность грамматики обращается поэтичностью, скудость словарного запаса – великолепным лаконизмом» [Караваяева, 2015, с. 284]. Подобно героиням – матерям из клуба радости и удачи – Лу Линь создала для себя особый язык, наиболее точно выражающий ее личность. «Воспоминания Лу Линь написаны по-китайски и полны идиоматических выражений и образов китайской культуры – из-за этого Рут долго не может их прочесть: она подзабыла выученные в детстве иероглифы, но боится сознаться в этом» [Караваяева, 2015, с. 284].

К числу ярких стилистических особенностей романа можно отнести обилие антонимов и оксюморонов. Приведем лишь несколько примеров: «*She was born in a Water Dragon Year and I in a Fire Dragon Year*» («Она родилась в год Водяного Дракона, а я - в год Огненного»)¹ (Тан, 2001, с. 11)²; «*We are the same but for opposite reasons*» («Мы одинаковые, но по разным причинам») (Тан, 2001, с. 11); «*comedically tragic*» («до смешного трагический») (Тан, 2001, с. 11); «*simple problems*

---

¹ Здесь и далее перевод Караваяевой Е.М.

² Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на источник: Tan Amy. The Bonesetter's Daughter. New York, 2001.

– *difficult solutions*» («простые проблемы – сложные решения») (Тан, 2001, с. 30); «*firm but still loose*» («твердый, но все же расслабленный») (Тан, 2001, с.54); «*best friends – worse enemies*» («лучшие друзья – худшие враги») (Тан, 2001, с. 55); и, конечно, ключевое противопоставление, характерное для китайской культуры – «*yin and yang*» («инь и ян») (Тан, 2001, с. 54). Игра на контрасте позволяет автору познакомить читателя с менталитетом и мироощущением китайцев, в основе которых лежит не оппозиция или конфликт, а принцип полярности и взаимного дополнения противоположных элементов. В других культурах свет противопоставляется тьме, жизнь – смерти. Однако в китайской традиции искусство жизни состоит в нахождении равновесия между противоположностями [Караваяева, 2016, с. 161].

Влияние образов и символов китайской культуры прослеживается и в выборе метафор. Рассмотрим несколько примеров. Рассказывая о тонком искусстве каллиграфии семьи Лу, Тан говорит: «*fish shadows dart downstream*» («тени маленьких рыбок стремительно несутся вниз») (Тан, 2001, с. 226); описывая храп и сопение немой Гу, автор сравнивает их с «*snorts of a ragged wind*» («фыркание измотанного ветра») (Тан, 2001, с. 205); анализируя причины душевной болезни Лу Линь, ее сестра указывает на одиночество, притупляющее разум и чувства, которое подобно «*no oil for squeaky wheel*» («скрипящее колесо без масла») (Тан, 2001, с. 274); ощущение смятения находит отражение в образе «*turtle on its back*» («черепаха, лежащая на спине») (Тан, 2001, с. 286). Примечательно, что образ черепахи, одного из четырех священных существ в китайской культуре, не раз используется в произведениях Тан, в частности, в притче, предвещающей одну из глав «Клуба радости и удачи».

Как справедливо отмечает С.Г.Коровина «символ нельзя разъяснить, сводя к однозначной формулировке, а можно лишь пояснить, соотнеся с дальнейшими символическими сцеплениями, которые подведут его к большей рациональной ясности, но не дойдут до чистых понятий. Через опосредствующие смысловые сцепления символ в итоге соотносится с цельностью человеческого мира. Эми Тан не дает прямого авторского объяснения изображаемым ею явлениям и событиям. Оно следует из самого контекста произведения, из его логики, из закономерностей развития сюжета, из раздумий героев. Некоторые символы, выступающие как сквозные образы, проходят через все произведение и связаны с общим замыслом автора. Они заключены в названиях романов. В “Клубе радости и удачи” сквозным является образ-символ клуба, который и втягивает в свою

смысловую зону все другие символы произведения. Легенда о кухонном боге и его жене становится главным символом второго романа “Жена бога кухни”. В романе “Сто тайных чувств” внимание акцентируется на определении “тайных чувств”, поэтому другие образы непосредственно связаны с ключевым символом книги» [Коровина, 2013].

Образ врача-костоправа становится центральным в четвертом романе Тан. Очевидно, что в первую очередь «дочь костоправа» относится к героине Гу Ли Ксинь, отец которой был врачом. Однако метафору в полной мере можно отнести к Лу Линь и Рут: матери удалось восстановить отношения с дочерью, а сама Рут находит примирение со своим китайским происхождением. По мысли автора женщины трех поколений стали «костоправами» своей жизни, поскольку смогли излечить душевные и сердечные раны. Тан подчеркивает удивительную способность женщин к сочувствию и сопереживанию, которая может помочь сделать этот мир лучше.

Важно отметить, что «имя героя в литературном произведении часто бывает весьма многозначно по своим функциям. Известно, что оно играет не только номинативную роль, то есть имя не является лишь терминологическим обозначением субъекта, а часто включает в себе художественно-апеллятивную, оценочно-образительную функции, которые позволяют не только назвать, но и охарактеризовать человека. В этом случае к имени-апеллятиву присоединяется дополнительная информация, обусловленная его внутренней семантикой, которая и создает “звучание” имени. Имя приобретает “условно-символический”, иносказательный, метафорический смысл, который определяется его внутренней формой. Оно становится образом, одним из многих других, участвующих в складывании поэтического строя произведения» [Воскресенский, 1979, с. 131].

В романах Тан имена персонажей заключают в себе определенный символический смысл, причем автор раскрывает их значение непосредственно в тексте произведений. Интересным представляется тот факт, что «“звучащее” имя в литературном произведении образно уже потому, что включает в себе частицу художественного образа персонажа и участвует в создании художественной характеристики героя. <...> Образное имя, являясь одним из средств художественного изображения, участвующих в формировании образа, также играет роль своеобразного интенционально-осмысленного знака. Имя “оживляет” образ, придавая ему черты большей художественной выразительности» [Воскресенский, 1979, с. 131]. Рассмотрим символический смысл

имени бабушки Рут – одной из трех главных героинь романа «Дочь костоправа»: «“гу” по-китайски не только “кость”, но и “характер, смелость”. Фамилия Гу – аллюзия не только на профессию ее отца, но и символ мужества семьи. Помимо этого, “гу” – кость является омонимом для “гу” – долина, и именно в этом значении оно употребляется в имени Гу Ли Ксинь. В китайской традиции “гу” – “кость” – символизирует мужское начало, “гу” – “долина” – женскую энергию. Таким образом, частица “гу” в имени героини воплощает сочетание мужского и женского начала, а сама Гу Ли Ксинь становится носителем культуры» [Караваяева, 2015, с. 285]. Отдавая эту функцию женскому образу, автор признает роль женщины в создании и сохранении цивилизации. Ли Ксинь, имя бабушки, тоже символично – «сохранить сердце». У героини есть прозвище – Ли Ксинг, что означает «падающая звезда». В китайской культуре считается, что падающие звезды ассоциируются со смертью, призраками и женщинами, приносящими беду своим родственникам – мужчинам. Жизнь Ли Ксинь была яркой и короткой, как у звезды, а ее отец и муж погибли ради ее спасения. Однако настоящее значение ее имени – «сохранить сердце» – сердце женщины и своей родины. Сгорев как падающая звезда, Ли Ксинь сумела передать свой дух потомкам.

Символично не только имя одной из главных героинь романа, но и название деревни, в которой жила Ли Ксинь – «Бессмертное сердце». Географическое положение и ландшафт деревни действительно напоминают анатомическую структуру человеческого сердца: деревня расположена между холмами в долине, лежащей на дне ущелья из известняка. Ущелье имеет форму сердечного клапана, а роль вен и артерий взяли на себя три ручья, когда-то наполнявшие водой всю деревню. Образ сердца – это образ женского и материнского начала, объединяющий женщин трех поколений. Ли Ксинь учит Лу Линь понимать и правильно изображать иероглиф «сердце», а потом и сама Лу Линь обучает этому свою дочь. Хотя Рут некого учить каллиграфии, ей удастся сохранить символическое значение сердца: свои записи Рут ведет в дневнике в форме сердца.

Характерной особенностью произведений Тан является большое количество образов-символов из естественного мира: природные стихии, элементы ландшафта, а также животные и птицы. В романе «Дочь костоправа» повествование изобилует вновь и вновь возникающими образами тумана и воды. Испарение воды вызывает ощущения таинственности и загадочности и символизирует неожиданные события, которые находятся за пределами человеческого контроля и понимания. Туман, возникающий внезапно и окутывающий

хорошо знакомые окрестности, делает их расплывчатыми и таинственными, тем самым символизируя неизвестное и непредвиденное. В начале романа легкая дымка, постепенно окутывающая весь город и превращающаяся в густую и плотную завесу к концу первой части, олицетворяет чувство смуты и неудовлетворенности, которые испытывает Рут. Туман – символ неопределенности и стихии, которая пугает и скрывает истину от наблюдателя. Неслучайно автор прибегает к этому образу, рассказывая историю Гу Ли Ксинь, жизнь которой трагически заканчивается самоубийством. В то же время, когда в третьей части романа туман рассеивается, молодой героине предоставляется возможность познать истину. Так, прочитав дневник матери, Рут узнает правду о ее жизни и начинает лучше ее понимать.

Среди образов из растительного мира особая символическая роль в романе отведена сосне – священному дереву в родной деревне Ли Ксинь. Именно сосна воплощает неразрывную связь между силой природы и материнским началом и символизирует саму Ли Ксинь. По легенде сосна была посажена последним императором из династии Цин в память о своей матери. Со временем дерево становится священным местом, однако паломники не выказывают к нему должного почтения, отламывая на память ветки. Дерево погибает подобно тому, как угасает мать – Ли Ксинь, страдающая от невнимания и непочтения собственной дочери – Лу Линь. Гибель сосны символизирует гибель последней императорской династии в истории Китая и рождение нового века. Похожим образом, смерть Ли Ксинь дает ее дочери надежду на новую жизнь. Интересно отметить, что смолу сосны жители деревни используют для создания чернил для письма. Символический дух дерева сохраняется в искусстве каллиграфии, которым владеет Ли Ксинь, и стремится передать дочери, тем самым сохраняя знание и преемственность поколений.

Призрак Ли Ксинь выполняет функцию духовного наставника для трех поколений. Узнав о болезни матери, Рут испытывает чувство абсолютной беспомощности. Она отправляется на пляж, по которому любила гулять в детстве. Стоя на берегу, Рут вспоминает, как сравнивала белый песок на пляже с чистым листом бумаги. Именно в этот момент у нее появляется новая цель в жизни и новая надежда. Рут берет осколок ракушки и пишет на песке слово «помоги», а потом наблюдает, как волны уносят ее просьбу в иной мир. Мольбы Рут обращены к бабушке Ли Ксинь, в образе которой сочетаются и долина – «гу», и сердце – «ксинь», и сама природа. Таким образом, образ природы символизирует не только материнское начало, но и духовную

целостность. Дух Ли Ксинь дает Рут внутреннюю силу для того, чтобы не только помочь матери справиться с болезнью, но и ответить на один из главных вопросов в ее жизни – «китайка она или американка». [Караваева, 2015, с. 285].

Горные пещеры и озера часто становятся символами в произведениях Эми Тан. Героиня Гу Ли Ксинь обладает тайным знанием о том, где находится вход в тайную пещеру, в которой хранятся так называемые «кости драконов» – тайное знание и несметные богатства. По легенде, именно в этом месте находится вход в «Мир Инь». Таким образом, на пути скитания духа в этой пещере с озером возникает пристанище вечного покоя. Именно Ли Ксинь обладает этим знанием и в конце своей короткой жизни обретает покой.

Рассмотрев особенности употребления различных символов в романе «Дочь костоправа» можно отметить, что, в основном, автор сохраняет традиционное понимание этих образов китайской культуры, что в свою очередь позволяет «сделать вывод о неоспоримом влиянии этнической культуры на творчество Эми Тан» [Коровина, 2013].

Аллюзии на китайскую культуру – излюбленный прием Тан. Во всех своих произведениях она знакомит читателя с культурным кодом Китая. Пожалуй, самой важной частью традиционной китайской культуры и при этом самым знакомым для современного читателя понятием является астрология. Согласно китайской астрологической системе, характер человека определяется годом его рождения. Черты характера распределяются в соответствии с 12-годовалным зодиакальным календарным циклом. Каждый год цикла ассоциируется с каким-либо животным, а также с одним из пяти элементов: дерево, земля, огонь, металл и вода. Таким образом, в зависимости от года рождения, человек может быть «Огненным Драконом», «Водяной Змеей» и так далее. Оборот одного цикла рассчитан на 60 лет.

Эми Тан обращается к астрологии для раскрытия характеров своих героинь. «Годы рождения могут служить основанием для предсказания межличностных конфликтов и взаимоотношений людей в целом» [Караваева, 2009, с. 77]. В самом начале романа Лу Линь признается, что она и ее дочь – Драконы, но она – «Огненный», а Рут – «Водяной», поэтому они «хоть и похожи, но абсолютно разные» (Тан, 2001, с. 11). Обе обладают характерными для Дракона жизнестойкостью и активностью, но внутренняя нервозность матери и эгоизм и нетерпимость дочери долго не позволяют им найти общий язык. Рут любит свою мать, но считает, что та всегда была слишком строга к ней и заставляла следовать

каким-то непонятным правилам. Вся жизнь Рут опутана запретами и суевериями – она верит, что над женщинами ее семьи тяготеет таинственное проклятие. Став взрослой, Рут ведет внешне вполне благополучную жизнь, но страхи и тревоги не покидают ее. Однако элементы зодиакальных знаков обеих героинь – огонь и вода – дополняют друг друга, и женщины находят примирение. Прочитав дневник матери и погрузившись в ее воспоминания, Рут начинает осознавать, как много мать значит для нее, а также находит примирение со своими корнями.

Взаимоотношения Лу Линь, у которой в детстве было прозвище «собачка» и Ли Ксинь, Петуха по гороскопу, могут служить еще одним ярким примером сочетания противоположностей, дополняющих друг друга. Собака охраняет ночной покой, а Петух – предвестник солнечного дня, поэтому Лу Лунь и Ли Ксинь практически не могут жить под одной крышей. Ли Ксинь уходит из жизни, уступая и освещая дорогу для своей дочери, поскольку сама Лу Линь блуждает в потемках.

«Согласно китайской традиции, для успешного брака необходимо выбирать супругов по году рождения» [Караваяева, 2009, с. 78]. В китайской культуре была широко распространена практика «браков по договоренности» между семьями жениха и невесты, а родители молодых консультировались у предсказателей и астрологов по поводу выбора даты свадьбы для гарантии счастливого брака. Во второй части романа Тан ярко описывает подобную ситуацию. Героиня Гу Ли Ксинь – единственная, кто знает местоположение тайной пещеры. Семья Чанг хочет женить своего сына Фу Нэна на Лу Линь, поскольку считает, что та сможет привести их в пещеру. Получив согласие семьи невесты, родители жениха отправляются к предсказательнице, которая предупреждает их о том, что этот союз обречен: *«Their combination of birth years was also inharmonious, she a fire Rooster and he a wood Horse. The girl would ride his back and peck him apart piece by piece. She would consume him with her insatiable demands»* («Их годы рождения плохо сочетаются: она – Огненный Петух, он – Деревянная Лошадь. Она будет вечно понукать его и в конце концов закроет. Поглотит своими ненасытными требованиями») (Тан, 2001, с. 274). Не сумев отговорить жениха, она все же советует ему: *«Don't marry in the Dragon Year. Bad year for a Horse»* («Не женись в год Дракона – плохой год для Лошади») (Тан, 2001, с. 279). Все же этому союзу не суждено было случиться: Ли Ксинь, яростно выступавшая против

этого брака, совершает самоубийство и навлекает позор на семью невесты, тем самым спасая Лу Линь от навязанного ей жениха.

Изучение романа «Дочь костоправа», как и других произведений Эми Тан, дает прекрасную возможность наблюдать процесс взаимодействия двух культур и языков, китайского и английского, в художественной речи писателя-билингва. «Эми Тан объединяет в своем творчестве различные пласты духовной культуры, черпая вдохновение из нескольких источников: китайской культурной и философской традиции и североамериканской культуры» [Караваева, 2009, с. 137]. Плодотворно используя богатство своего этнического прошлого, героини Тан находят свое место в новой культурной действительности. Система художественных средств в романе «Дочь костоправа» отражает «множественный», «пограничный» характер идентичности автора и создаваемых ею героинь, а также является «ярким художественным воплощением плюралистической картины современного мира» [Караваева, 2009, с. 139].

Чтобы определить свое представление о собственной сущности, автор обращается к образам и мотивам, заимствованным из мифологических, религиозных и фольклорных источников своей исторической родины. Существенная роль в романе отведена символам китайской культуры и природным образам. Анализируя свое этническое прошлое, Эми Тан осознает неизбежность потерь и приобретений в зонах контакта культур, что ведет к пересмотру отношения к традиции и наполнению текста кросс-культурными смешениями (образы популярной восточной астрологии и китайской мифологии) и выражается в особой поэтике произведения [Караваева, 2009, с. 140].

Литература

Воскресенский Д.Н. Характер образного имени в китайской героико-авантюрной прозе. // Проблемы восточной филологии. М., 1979.

Караваева Е.М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тан: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века. М., 2009.

Караваева Е.М. Миф как основа композиции романа Эми Тан «Дочь костоправа» // Вестник МГИМО. М., 2015. № 2 (41).

Караваева Е.М. «Мир – это безграничность души»: символизм инь-ян в романе Эми Тан «Сто тайных чувств» // Филологические науки в МГИМО. М., 2016. Вып. 7.

Коровина С.Г. Творчество Эми Тань 1980-х – 90-х гг. в контексте азиатско-американской литературной традиции. Чита, 2002.

Коровина С.Г. Особенности употребления символа в творчестве американской писательницы китайского происхождения Эми Тань. [Электронный ресурс]. URL: <http://vlsdivostok.com/speaking-in-tongues/tan>.

Луначева Т.А. Функционирование китайских вкраплений в произведениях американской писательницы Эми Тэн. Владивосток, 2005.

Львова И.В. Проблема самоидентификации личности в романе Эми Тан «Дочь костоправа» // Профили. Петрозаводск, 2014. Вып. 3.

Скопина А.В., Лю Цисян Этнический кулинарный феномен в азиато-американской литературе (на примере романа Эми Тан «Клуб радости и удачи») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (19).

Староверова Е.В. Азиатско-американская литература. Эми Тан («Клуб веселой удачи»). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.licey.net/lit/american/tan>.

Adams Bella. Amy Tan (Contemporary World Writers). Manchester University Press, 2005.

Adams Bella. Asian American Literature. Edinburgh University Press, 2008.

Jackson Dallas. Chinese Astrology // Los Angeles Times. 1991.

Ma Sheng-Mei. Immigrant Subjectivities in Asian-American and Asian Diaspora Literatures. State University of New York Press, 1998.

Pultar Gabrielle. The Immigrant Experience in North American Literature: Carving out a Niche. Greenwood Press, 1999.

Pu Xiumei. Spirituality: A womanist reading of Amy Tan's *The Bonesetter's Daughter*. Georgia State University, 2006.

Zamora M.C. Nation, Race and History in Asian American Literature. Peter Lang Publishing inc., 2008.

Список источников

Tan Amy. *The Bonesetter's Daughter*. New York, 2001.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

М.Г. Иванова

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, этнопсихология, совершенствование методов преподавания русского языка как иностранного.

Keywords: cross-disciplinary research, ethnopsychology, improvement of methods of teaching Russian as a foreign language.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-14

Человеческое общение является объектом многих междисциплинарных исследований, теоретические положения методики преподавания иностранных языков вообще и русского языка как иностранного в частности базируются на междисциплинарной основе и связаны с педагогическими, лингвистическими, психологическими, социологическими и культурологическими дисциплинами.

Сущность и проблематика междисциплинарных исследований в связи с целями и задачами методики преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного рассматриваются в контексте таких наук, как лингвострановедение, лингвокультурология, литературоведение, когнитивная лингвистика и психология, этнопсихология и этнопсихолингвистика, стилистика, семиотика, семиосоциопсихология.

Ряд исследований, анализирующих соотношение языка, речи и мышления, мышления и коммуникации, коммуникативного и когнитивного в речи [Федюковская, 1984, с. 5-7], доказывает необходимость изучения *целостной национальной картины мира языка изучаемого и изучающего народа*, логически подводит к исследованию ментальности, восходящей к бессознательным глубинам психики. Наиболее показательными являются исследовательские работы в сопоставительном плане, выявляющие

универсальное (свойственное для многих народов) и *национально-специфическое* (присущее конкретным этническим группам) [Гуревич, 1996, с. 168-170].

На сегодняшний день в методике преподавания РКИ в формате повышения эффективности обучения языку написаны исследования по формированию *компетенции межкультурного общения* иностранных учащихся (состоящей из суммы различных субкомпетенций: *языковой, речевой, лингвистической, социокультурной, коммуникативной, лингвострановедческой, лингвокультурологической, учебной, тематической, грамматической, фразеологической, компенсаторной, стратегической, дискурсивной, социальной, межкультурной и т.д.*) как конечного результата в процессе овладения языком (Аршавская Е.А., Вэй Син, Глебова Н.Н., Друзь А.Н., Ли Минь, Овчинникова М.В., Отменитова О.М., Прохоров Ю.Е., Ротмистрова О.В., Сафонова В.В., Селиванова С.И., Стернин И.А., Сун Янь Янь, Томахин Г.Д., Турунен Н., Уфимцева Н.В., Фурманова В.П., Харченкова Л.И., Чернявская Т.Г., Цзан Вэнь Цянь и др.).

Сохраняющийся и даже усиливающийся интерес к исследованиям в области этнопсихологии, на наш взгляд, объясняется необходимостью дальнейшего совершенствования методов преподавания РКИ и углубленного понимания национально-специфических различий в рамках триады «*язык - культура - этнос*». Феномен современного языка необходимо рассматривать в контексте жизнедеятельности человека не только как носителя определенной национальной культуры и национальных образовательных традиций, но и как представителя конкретного этноса, обладающего специфическим этническим самосознанием, менталитетом, национальным характером, и взаимодействующего с представителями своего этноса, а также с представителями других лингвокультурных общностей.

Л.И. Харченкова в своем исследовании «*Этнокультурные и социолингвистические факторы в обучении русскому языку как иностранному*», опираясь на достижения отечественного лингвострановедения (Костомаров В.Г., Верещагин Е.М., Прохоров Ю.В., Томахин Г.Д., Зиновьева М.Д., Чернявская Т.Г.), углубляет представление о роли этнокультурных и социолингвистических факторов в содержании и технологии обучения РКИ, *психологически обосновывая эту значимость*, что позволяет организовать учебный процесс *в контексте диалога культур* [Харченкова, 1997, с. 235-240]. Под диалогом культур в вышеупомянутом исследовании понимается «диалоговое взаимодействие контактирующих культур в процессе изучения иностранного языка, обеспечивающее адекватное взаимопонимание и духовное взаимообогащение представителей разных лингвокультурных общностей. При этом диалоговое взаимодействие понимается как такое сопряжение культур, при котором они вступают друг с другом в “диалоговые отношения”» [Харченкова, 1997, с. 240-245].

Определяя с психологической точки зрения функциональную роль этнокультурных и социолингвистических факторов применительно к содержанию и технологии обучения РКИ, автор характеризует их с точки зрения следующих структурных элементов: *этнокультурные факторы*

(сведения о специфике отражения в разных языках окружающей действительности на когнитивном уровне; знания о наиболее важных чертах национального русского характера, о соотношении общечеловеческого и национально-специфического в русском национальном характере в сравнении со своим этносом; сведения о фольклорных жанрах (сказках, пословицах, поговорках); данные об этнографических особенностях жизни русских (национальные костюм, кухня, интерьер); сведения о национальной символике; русские коммуникативные табу (вербальные и невербальные); *социолингвистические факторы* (знания о социальной стратификации русской лингвокультурной общности; знания о социальных факторах, детерминирующих речь носителей русского языка (возраст, пол, система социальных ролей); знания о социолингвистических переменных на уровне синхронии и диахронии) [Харченкова, 1997, с. 245-247].

Из вышесказанного следует, что современные общие и в особенности *частные методики* обучения иностранным языкам / русскому языку как иностранному требуют в должной степени опоры на уже известные аспекты. В частности, М.Г. Федюковская в работе «Роль этнопсихологических факторов в обучении британских студентов русскому языку» выделяет следующее: *этнолингвистические факторы* (среда изучаемого языка, национально-культурный компонент в языковой семантике); *этнопедагогические факторы* (национальные образовательные традиции обучаемых); *этнопсихологические факторы* (национальный характер, этнические стереотипы, национальное сознание и менталитет) [Федюковская, 1999, с. 40-42].

Н.А. Решке, изучая особенности национального менталитета в процессе обучения русскому языку англоговорящих студентов, считает, что эффективная национально ориентированная технология обучения РКИ должна опираться на следующие *факторы*: *этнопсихологические* (национальный характер, национальное сознание, психический склад ума, особенности миропонимания); *этносоционические* (характер мышления, доминирующий канал восприятия, интегральный тип информационного метаболизма); *этнолингвистические* (концептосфера изучаемого языка, национально-культурный компонент в языковой семантике) [Решке, 2002, с. 68-79].

Поскольку этнолингвистические, этнокультурные, этнопедагогические, этносоционические и этнопсихологические проблемы неразрывно связаны с целями и задачами обучения русскому языку как иностранному, то требуется углубленное знакомство с кругом вопросов, рассматриваемых *лингвистическими дисциплинами этнического направления и относящихся к специфике преподавания иностранных языков вообще и русского языка как иностранного в частности*. Для успешного применения результатов *этнопсихологических исследований* в методике преподавания РКИ необходимо иметь представление об основных взглядах на *междисциплинарную предметную область современной этнопсихологии*. Сохраняющийся в настоящее время интерес к проблемам этнической психологии связан с тем, что этнопсихология со многими областями знаний

имеет единый объект исследования; является смежной дисциплиной с такими науками, как *этнография / этнология, этносоциология, психология, социальная и политическая психология, культурная антропология, этнокультурология, социология и культурология, этническая педагогика, этнопсихоллингвистика, философия, история, этническая экономика* и другими, изучающими социальную природу человека и его сущность, а также явления, происходящие среди людей в процессе их взаимоотношения и общения и затрагивающие их психику [Крысько, 2014, с. 11].

Таким образом, *этническая психология* или *этнопсихология* – это *междисциплинарная наука о духовно-психологических чертах этносов, то есть изучающая этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функции национального самосознания, этнические стереотипы и т.д., возникшая на базе таких «родительских дисциплин», как этнография / этнология, психология и социальная психология, а также других наук, в той или иной мере изучающих национальные особенности психики человека и групп людей, определившая как самостоятельная область знаний свои предметные особенности, аспекты, структуру, ключевые понятия и базовые категории* [Мандель, 2014, с. 58].

Говоря о соотношении *этнопсихологии* и *этнографии / этнологии* как отрасли научных знаний, нужно сказать следующее: «изначально “описательное учение о племенах и народах” было ориентировано на изучение материальной культуры, систем родства, жизнеобеспечения, воспитания, социальной и политической структуры различных народов; проблем их этногенеза, этничности и межкультурных контактов; расселения этносов, демографических процессов в них; сравнение культурных черт и изменений того или иного народа» [Лурье, 2005, с. 20].

Этнография / этнология, объясняя своеобразие быта; взаимоотношения в семье; национальные традиции, обычаи, нравы, привычки и вкусы; ценностные ориентации; специфические особенности поведения, действий и поступков представителей различных народов, наций, этносов, непосредственно сталкивалась с проявлением в этих феноменах психологического своеобразия, что требовало не простого комментирования и интерпретации, а глубокого изучения и подробного описания [Крысько, 2014, с. 12]. При этом этнография – описательная наука, этнология – теоретическая база этнографии, предоставляющая концептуальный аппарат для вышеозначенных позиций исследования.

Необходимо учитывать, что этнография / этнология и этнопсихология как науки близки по объекту исследования, но каждая осуществляет свой подход к исследуемому материалу. Подходы первой к пониманию сущности этнопсихологических феноменов основываются не на психологических закономерностях проявления индивидуального и общественного сознания людей, как во второй, а на социологических и культурных, что не позволяет точно осмыслить содержание собственно психологических механизмов, их формирования и функционирования. Отсюда, со стороны этнографии / этнологии, не всегда «верные представления о гносеологическом аспекте психологической активности представителей

этнических общностей; а также восприятие внешнего мира, интеллектуально-познавательные процессы, определенные психологические свойства личности и социальное поведение трактуются без учета национальной и психологической специфики» [Мандель, 2014, с. 61].

Поскольку этнографию преимущественно интересовали не психологическая, а этнокультурная специфика, исторический опыт концентрации социальных ценностей, формирующихся в сознании определенного этноса, поведении его представителей, то это и послужило своеобразным толчком к возникновению и формированию еще одного направления в рамках этнографии – этнической социологии.

Этносоциология – научная дисциплина, сложившаяся на стыке социологии и этнографии, которая занимается изучением социальных явлений, происходящих в различных этнических общностях. Некоторые представители этой прикладной отрасли знаний считают, что «этносоциология должна также исследовать национальное сознание и самосознание; этнопсихологические особенности людей, проявляющиеся в национальных отношениях, в межличностном социальном взаимодействии, общении и поведении, то есть охватывать большую часть предмета этнической психологии» [Крысько, 2014, с. 16].

Такой подход, на наш взгляд, следует считать ошибочным, так как этносоциологи не всегда проводят четкую грань между понятиями «социальное» и «психологическое», смешивают их, и тем самым не дают четкого разграничения в своих научных объяснениях собственно социологических и соответственно психологических закономерностей, которые проявляются в национальной специфике многочисленных социальных явлений и процессов различных этнических общностей [Мандель, 2014, с. 63].

Что же касается соотношения *этнопсихологии* и *психологии*, а также ее *других отраслей*, то в данном случае сказать можно следующее. *Социальная психология* в силу своего предназначения занимается конкретным анализом национальных особенностей психики людей, как представителей конкретных социальных групп, выявлением закономерностей их проявления и функционирования. По мнению Г.М. Андреевой, «национальная или этническая принадлежность индивида является чрезвычайно значимым для социальной психологии фактором потому, что она фиксирует определенные характеристики той микросреды, в условиях которой формируется личность» [Андреева, 2010, с. 10].

Поскольку сфера проявления национальных особенностей психики индивида достаточно обширна, правомерно вторгается в макросреду и в то же время весьма рельефно очерчена в структуре общественного сознания и общественного бытия, то закономерно выделилась и стала продуктивно развиваться особая отрасль социальной психологии – *этническая психология*, в переводе с греческого означающая: *племя, народ + душа + наука, учение*. При этом по-прежнему сохраняется настоятельная необходимость в понимании разницы в подходах к объяснению сущности, содержания и специфики проявления и функционирования этнопсихологических феноменов: *социальная психология* изучает процессы развития и функционирования общей психологии

личности и социальных общностей, а *этнопсихология* – духовно-психологические черты этносов, их специфику и проявление во всех сферах деятельности, общения и культуры [Крысько, 2014, с. 13].

Добавим и о *политической психологии* – отрасли знаний, изучающей психологическое своеобразие протекания политических процессов в обществе и их воздействие на сознание и поведение людей, так как данная разновидность психологии «может помогать этнопсихологии отслеживать формы проявления национально-психологических особенностей представителей различных наций и народностей в тех или иных видах политической деятельности, давать им трезвую оценку, анализировать «политический смысл» их влияния на поступки и поведение людей, систематически и всесторонне обобщать результаты исследований социально-политических условий и морально-психологического фона сотрудничающих или противоборствующих друг с другом сторон и на этой основе делать долгосрочные политические прогнозы обстановки в тех или иных национальных регионах» [Мандель, 2014, с. 62].

Этнопсихология также близка по содержанию к *культурной антропологии* или, как еще говорят, *социокультурной антропологии*, в особенности к ее частному направлению – *психологической антропологии* с разницей в том, что социокультурная антропология имеет свою сферу научных интересов, а именно: занимается изучением человека как представителя различных культур и национальных общностей; а также исследует индивида как члена определенной этнической группы, рассматривая последнюю в значении конкретной культуры, понимаемой как образ жизни того или иного сообщества [Емельянов, 1992, с. 6].

Этнокультурология – отрасль культурологической науки, которая считает влияние культурной среды определяющим фактором этнопсихологических характеристик народов. Другими словами, «культура начинается с того, что на поведение людей накладываются ограничения, так как целостность культурной среды предполагает выработку единых правил поведения, наличие общей национальной памяти, единой картины мира у представителей одного этноса. В процессе исторического развития каждый народ создает собственную однородную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своего этнического сознания» [Крысько, 2014, с. 16].

Говоря о социологических и культурологических аспектах этнопсихологии, нельзя не упомянуть о *социологии* и *культурологии* вообще, которые с помощью своих исследований демонстрируют наиболее общие тенденции, закономерности взаимодействия и культурных отношений между различными этносами. Данные области знаний всегда изучали качественные характеристики национальных групп как социальных и культурных общностей, разрабатывали социологические и культурологические концепции их развития, и тем самым не могли оставлять без внимания психологическое содержание и объяснение этих феноменов [Мандель, 2014, с. 59].

Другими словами, «судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов – изменений общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов» [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 2010, с. 5].

Этнопсихология тесно связана с *этнической педагогикой*, которая является отраслью педагогической науки, занимающейся: исследованием своеобразия целей, задач, методов, приемов и способов обучения, традиционных для конкретных народов; сравнительным изучением своеобразия процессов обучения у различных народов; анализом влияния национальной психологии на обучение представителей различных этнических общностей; учетом закономерностей этого процесса в организации и осуществлении педагогического и обучающего воздействия. С этой точки зрения, этническая педагогика может рассматриваться как одна из составляющих этнопсихологии, поскольку первая не может существовать без второй [Волков, 1975, с. 176].

Взаимосвязь между этнической психологией и педагогикой проявляется и в ряде этнопедагогических принципов, выработанных педагогами на основе учета национально-психологических особенностей обучающихся: *принцип этнопедагогического детерминизма; принцип единства национального сознания и национально своеобразной педагогической деятельности; принцип воспитания в условиях специфической жизни и труда в соответствии с национальным идеалом; принцип индивидуального и дифференцированного подхода к воспитанию представителей каждой нации; принцип развития адаптационных возможностей к воспитательным воздействиям* [Чимитова, 1994, с. 70].

Этнопсихоллингвистика (племя, народ + душа + язык) – отрасль лингвистической науки, которая «в качестве главного фактора формирования психики этноса рассматривает влияние его языка и мышления, которые накапливают и отражают исторический опыт этноса» [Мандель, 2014, с. 64]. По мнению представителей этой науки, *любой язык тесно связан с этническими, правовыми, религиозными формами общественного сознания, имеющими значительную этническую нагрузку*; в функциональном плане структура языка определяет и структуру мышления представителей конкретной национальной общности, а специфическая функция языка (речи) влияет на своеобразие развития их психических процессов [Крысько, 2014, с. 17].

Благодаря смежности с *философией* этнопсихология достигает методологической и теоретической точности в интерпретации сущности и содержания национально-психологических феноменов, поскольку главным образом через философское, социальное и частично психологическое своеобразие этнических групп и их представителей, прежде всего наций, и выясняется специфика влияния этого своеобразия на внутри- и межнациональное взаимодействие и общение людей. Представители отечественной и зарубежной теории наций и межнациональных отношений давно уже признают наличие специфических черт национального характера и

их особого сочетания, *находящего свое отражение в психическом складе, у членов той или иной этнической общности, проявляющихся активно в их деятельности и поведении* [Мандель, 2014, с. 59].

История дает этнопсихологии возможность правильно осмысливать факты и условия, определившие специфику развития изучаемых явлений; точно интерпретировать факторы и источники формирования национально-психологических особенностей представителей тех или иных этнических общностей; объективно оценивать проявление, функционирование и трансформацию конкретных свойств психики людей на различных этапах их исторического развития [Крысько, 2014, с. 17].

Следует сказать и об *этнической экономике*, которая сформировалась в результате попыток психологов проанализировать этнопсихологические аспекты экономической деятельности и экономического поведения. Русский просветитель, ученый-правовед С.Е. Десницкий, выпустивший в 1781 году свою научную работу «Юридические рассуждения о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителства», выделил *четыре состояния народов: живущих ловлей зверей и питающиеся плодами, саморождающимися на земле; живущих скотоводством и пастушеством; хлебопашественное и коммерческое состояния*. С.Е. Десницкий проследил влияние особенностей менталитета народов, занимающихся разными видами деятельности, не только на их отношение к собственности, но и к другим сторонам хозяйствования. Многие его мысли, касающиеся этнических аспектов экономики, были продолжены в трудах психологов XX века, рассматривавших, хотя и теоретически, реально существующую взаимосвязь экономики и этнопсихологии. Можно определить, что «предметом экономической этнопсихологии могут быть особенности хозяйственной жизнедеятельности, самобытные способы и традиции гостеприимства и сервиса, рекламы и маркетинга, своеобразие установок по деловым контактам с иноязычными представителями делового мира любого и каждого из известных народов и их этнических групп» [Мандель, 2014, с. 258].

Экономическая этнопсихология, изучающая специфику хозяйственной деятельности конкретного народа, по своим масштабам уже, чем экономическая психология, так как последняя раскрывает общие закономерности развития экономического сознания и поведения у разных народов вообще. В частности, феномен экономической социализации, рассматриваемый по обобщенной схеме как некое явление, присущее интернациональному миру и имеющее некие общие черты в разных странах, не исключает в ряде особенностей социализации (*в зависимости от специфики, преобладающей для народа хозяйственной деятельности*) проявление и совершенно специфических ценностей, стереотипов и норм поведения, которые необходимо осваивать представителям конкретного этноса [Мандель, 2014, с. 259].

Приведем примеры, в которых *этническое* выступает в несхожих вариантах *общечеловеческого* и может обоснованно выступать в качестве предмета экономической психологии, иллюстрируя тем самым своеобразие

этой науки. Во-первых, значимые в экономическом плане показатели можно наблюдать на уровне конкретных общечеловеческих качеств, своеобразно проявляющихся у людей разных национальностей. Например, такое значимое для человечества качество, как *трудолюбие*. Для русских характерно умение работать быстро, лихорадочно и споро; альтруистичность, отзывчивость и чувство коллективизма в процессе труда; достаточно быстро достигают желаемых результатов в любом виде деятельности, однако затем в большинстве случаев довольствуются полученным, не стремясь развить достигнутое. Китайцам свойственна высокая степень трудолюбия и работоспособности; аскетизм, бережливость и приспособляемость к любым условиям труда; особый коллективизм, сплоченность и дисциплинированность внутри своей общности [Мандель, 2014, с. 112]. Данное качество (трудолюбие) представляет собой определенную смесь составляющих личностного отношения индивида к своей работе, его эмоциональную привязанность к труду, подход к своим функциям и обязанностям. Но все это варьируется, сочетается в разных пропорциях у представителей разных этнических общностей на уровне отношения к ценам, критериев оценки качества, приемов продаж продукции, то есть всего того, что выработано садоводами, овощеводами, земледельцами, скотоводами, охотниками, рыболовами [Мандель, 2014, с. 259].

Во-вторых, этнопсихологические особенности людей, с точки зрения экономических составляющих, можно наблюдать и на уровне когнитивных процессов: на основе литературных традиций уже констатировалась смысловая специфика восприятия цвета различными этнофорами, поскольку цвет и цветовые гаммы играют значительную роль в осознании красоты и символики природы. Специалисты, исследовавшие влияние цвета на восприятие человека и ассоциации, вызываемые в различных этнических группах, определили существование культурных и национальных различий в смысловой интерпретации цветов. Например, зеленый – в России символизирует юность, цветение, обновление, а в Китае – роскошную жизнь; голубой – в России разум, чистота, постоянство, а в Китае – один из траурных цветов; белый – в России мир, чистота, непорочность, совершенство, в Китае – подлость, опасность, траур.

В-третьих, в современных кросскультурных исследованиях, отражающих различия и сходства в культуре разных народов, детализируются многие феномены, в которых выделяется психолого-экономический аспект, объясняющий эти различия. Например, русские и китайцы по своим социогенетическим типам относятся к коллективистам – общинникам, но многие существующие традиции и привычки их отношения к представителям бизнеса разных национальностей, в плане культуры общения и уровня толерантности, заметно отличаются [Мандель, 2014, с. 262].

Более того, результаты этнопсихологических исследований экономического плана дают практический материал для понимания особенностей межэтнического взаимодействия. Рассмотрим некоторые феномены, изучаемые экономической психологией, в рамках особенностей этнических социально-экономических установок, проявляющихся у русских и

китайцев. Характер отношения к рыночной экономике у русских – «в большинстве случаев рыночники по принуждению»; у китайцев – «за рынок с максимальным учетом этнической специфики». Превалирующее отношение к формам производства и распределения у русских – «в современное время приоритет клановых и сословных интересов»; у китайцев – «коллективисты, приоритет интересов группы и общества». Отношение к собственности у русских – «ностальгия по “общинным” формам собственности»; у китайцев – «разумное сочетание общинных и личных форм частной собственности». Отношение к предпринимателям и бизнесменам у русских – «приоритет недоверия и зависть в силу несправедного обогащения»; у китайцев – «бизнесмен – это прежде всего социально-ответственный человек». Набор экономических реалий, которые изучает экономическая психология и которые имеют свои варианты, в этнической психологии многолик и разносторонен. Все вновь зафиксированные феномены и реалии подобного рода помогут создать новые концепции, точнее отражающие современную жизнь и помогающие ее реально совершенствовать в межэтническом взаимодействии [Мандель, 2014, с. 280].

Таким образом, в настоящее время функционируют прикладные отрасли знаний, выделившиеся из конкретных самостоятельных наук, которые ориентированы на изучение *национальной специфики* многочисленных социальных явлений и процессов, без результатов которых не может обойтись *современная этническая психология*. Более того, результаты теоретических исследований в вышеперечисленных науках, в рамках собственно этнопсихологических исследований, на наш взгляд, оказывают значительное влияние на цели, задачи, методы, содержание обучения РКИ, дают уникальную возможность рассматривать проблемы современного языкового образования в аспекте *междисциплинарности*, а также применять полученные теоретические и практические результаты в рамках *национально ориентированной технологии обучения русскому языку как иностранному*.

Литература

- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2010.
Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этнопсихология. М., 2010.
Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1975.
Гуревич П.С. Культурология. М., 1996.
Емельянов Ю.Н. Введение в культурантропологию. СПб., 1992.
Крысько В.Г. Этническая психология. М., 2014.
Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М., 2005.
Мандель Б.Р. Этнопсихология. М., 2014.
Решке Н.А. Учет особенностей национального менталитета в процессе обучения русскому языку англоговорящих студентов: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2002.
Федюковская М.Г. Психолингвистика. М., 1984.
Федюковская М.Г. Роль этнопсихологических факторов в обучении британских студентов русскому языку: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999.

Харченкова Л.И. Этнокультурные и социолингвистические факторы в обучении русскому языку: дис. ... док. пед. наук. СПб., 1997.

Чимитова С.Ц. Национально-психологические особенности воспитания бурят: дис. ... канд. пед. наук. М., 1994.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ «ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ

Н.В. Халина, Л.М. Комиссарова, Т.Н. Внучкова

Ключевые слова: LSP (язык для специальных целей), визуальные исследования, визуальный поворот, терминополь, терминологическое облако.

Keywords: LSP (Language for Specific Purposes), visual studies, visual turn, the terminological field, terminology cloud.

DOI 10.14258/filichel(2018)3-15

Визуальные исследования на современном этапе их становления изучаются в качестве интегральной области социально-гуманитарного знания [Зенкова, 2005], которая рассматривается как результат оформления третьего этапа институционального структурирования науки, характеризующегося созданием междисциплинарных локальных сообществ для исследования отдельных предметных областей.

Формирование новых областей знания сопровождается соответствующей им понятийной и терминологической поддержкой, которая обычно представлена в языках для специальных целей, или LSP (Language for Specific Purposes). А. Szulc считает LSP определенной формой языка, приспособленной для наиболее точного описания конкретной отрасли знания или техники [Szulc, 1984]. LSP призван обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области [Хомутова, 2008]. Сообщество специалистов, занимающихся визуальными исследованиями, А.Ю. Зенкова относит к междисциплинарному локальному сообществу «в силу того, что интерес к визуальности спровоцирован определенными социокультурными изменениями, вынесшими на повестку дня вопрос специального изучения визуальной культуры, визуального восприятия, мышления и воображения» [Зенкова, 2005, с. 185].

А.Ю. Зенкова обращает внимание на терминологическую составляющую визуальных исследований, посредством которой осуществляется тематизация визуальности в философском дискурсе и метафорика которой обнаруживает неожиданные расширения смыслов и скрытые противоречия. Визуальные

исследования, с одной стороны, ставшие следствием осуществления «визуального поворота» в методологии познания, с другой стороны, содействовавшие концептуальному оформлению этого методологического феномена, отражают изменение формы представления знания о существующих реалиях, изменение способов и приемов интерпретации [Зенкова, 2005].

Как отмечает Т.Н. Хомутова [Хомутова, 2008], коммуникация с помощью LSP является общественно-исторической необходимостью, отражая специализацию знания, представленного через систему специальных понятий. Появление специального знания, выраженного в специальных понятиях, используемых специалистами в конкретной области знания, обусловлено историческим разделением труда. Исследователи говорят о тексте на LSP, в котором сохраняется и аккумулируется специальное знание [Хомутова, 2008, Забросаева, Конурбаев, 2014]. Основные функции LSP – описание концептуальной и языковой картины определенной области знания [Забросаева, Конурбаев, 2014] и построение модели когнитивных структур, реализуемых в определенной предметной области [Раздудев, 2013].

Элементом современной культуры познания является создание систем терминологического сопровождения исследования определенной темы или конкретной проблемы, своеобразной разновидности LSP, которую для области современного социогуманитарного знания мы определяем как язык для философско-методологических целей (LPMP – Language for Philosophy Methodological Purposes). Терминологическое сопровождение визуальных исследований как области социогуманитарного знания, в таком случае, осуществляется посредством LVSP – Language for Visual Studies Purposes, или ‘языка для целей визуальных исследований’.

Современная культура познания определяется набирающей силу тенденцией отказа от универсального научного знания, фрагментацией и плюрализацией, признанием допустимости мобилизации интенций человеческого духа в своем творчестве [Билалов, 2009, с. 30]. Современная научно-философская методология допускает в качестве научного знания конструирование, компоновку на основе концептуального плюрализма интуитивно очевидного, непосредственно наблюдаемого и высокоабстрактных intersubjectивных познавательных образов [Билалов, 2009, с. 31], в качестве основы которых могут выступать визуальные образы, оформляющиеся как результат реализации механизма перцептивного действия видения, что придает особую актуальность визуальным исследованиям – Visual Studies (VS). Дж.Т. Митчел, один из ведущих теоретиков VS, отмечает, что в конце семидесятых годов прошлого века в гуманитарных науках произошел переворот, ознаменовавшийся появлением многочисленных работ, посвященных визуальной культуре [Зенкова, 2005].

Важнейшей гуманитарной проблемой первого десятилетия XXI века, как полагает В.В. Колодий, стало «видение», которое дает представление о визуальных репрезентациях и визуальных образах, постепенно обретающих явные преимущества по сравнению с вербальными репрезентациями, что проявилось в условиях визуального поворота в гуманитарной науке и культуре [Колодий, 2011, с. 114].

Исследователи считают, что интерес к возрастающей роли визуального в визуальной культуре начинается с конца 70-х годов XX века: бытование визуального в культуре становится предметом осмысления в философии и искусствоведении, обуславливая необходимость поиска новых подходов в изучении визуальных феноменов [Ищенко, 2016].

Одним из результатов познания визуальных феноменов становится оформление самостоятельного терминологического поля, в котором обозначаются виртуальные границы направления визуальных исследований и их основные мотивы. Концептуализация «видимого» и визуальных феноменов в контексте «визуального поворота», как и любая деятельность, в том числе собственно визуальная или деятельность по репрезентации последней, может быть успешной только при условии ее информационно-знаниевой обеспеченности [Кун, 1975; Флиер, URL], связанной, прежде всего, с наличием оформленной или находящейся на стадии оформления (терминологии) терминологической системы.

Изучение визуальных феноменов влечет за собой построение терминологического ряда, посредством которого осуществляется презентация основных тем, актуальных для визуальных исследований: *визуальность* [Баль, 2012], *визуальное событие*, *визуальное отношение* [Полонников, 2014], *визуальное* [Баль, 2012; Суханов, 2013], *визуальная грамота* [Баль, 2012,] *визуальный текст* [Усманова, 2004], *визуальный артефакт* [Полонников, 2014; Аджимаз, Кожемякин, 2011; Lasse, Anti, Jaakko, Paananen, 2015, URL], *визуальный код* [Кувшинова, 2014; Анненкова, 2014; Костяшина, URL; Мухамеджанова, URL], *визуальная репрезентация* [Колодий, 2011; Белинская, URL; Рягузова, 2008; Сохань, 2014], *визуальный образ* [Мясникова, Дроздова, Архипова, URL; Колодий, 2011].

При системной характеристике «визуального» терминологического ряда необходимо учитывать существующую в терминоведении дифференциацию понятий «терминологическая система», «терминологическое поле», «терминология» [Лейчик, 2007; Кутина, 1992; Морозова, 1980; Натансон, 1970; Умерова, 2004].

Терминология противопоставляется В.М. Лейчиком терминосистеме: если терминология рассматривается в качестве языкового образования парадигматического типа, состоящего из обладающих семантической и формальной общностью лексических единиц, обозначающих общие понятия определенной области знания; то терминологическая система – в качестве системы понятий, представляющей собой логическую и языковую модель специальной области знаний [Лейчик, 2007]. Интерферирующим элементом содержания понятий «терминология» и «терминологическая система» следует признать элемент «знание», который указывает на возможность рассмотрения и того, и другого понятия как означающих означаемого «метаязык общества знаний» или «метаязык культуры познания».

Терминологическая система трактуется также как знаковая система определенной теории области знаний, фактически модель знания, актуального для определенной теории или концепции. Терминополье Л.В. Морозова

предлагает определять как строгую, логически последовательную иерархию связей между терминами конкретной терминологической системы [Морозова, 1980]. Основой для выделения связей становятся абсолютные семантические показатели, репрезентирующие логико-понятийные отношения в соответствующей области знания. Иначе: область знания отличается свойственной только ей системой логико-понятийных отношений, которая характеризуется Л.В. Морозовой как терминологическое поле.

В качестве аналога понятия «терминологическое поле» в контексте современной культуры познания может выступать «терминологическое облако». **Облако слов или тегов** (англ. **tag cloud, word cloud, wordle**) – это визуальное представление списка категорий или тегов, называемых также метками, ярлыками, ключевыми словами и т.п. Каждый элемент этого облака – слово – является гиперссылкой, что придает подвижность исходной структуре и предполагает возможность ее изменения по мере публикации новых материалов¹.

Терминологическое сопровождение «визуального поворота» в современной научной парадигме мы представляем в данной статье в двух вариантах / форматах: 1) в формате терминологического поля и 2) в формате терминологического облака. Формализации концептуального содержания визуальных исследований – научных работ, выполненных в контексте «визуального поворота» в двух означенных форматах, предшествует анализ публикаций, рассматривающих вопросы, актуальные для нового направления в современной эпистемической ситуации и современной культуры познания, с целью выявления терминов и терминологических сочетаний для построения терминологического ряда – своеобразного терминологического «эскорта» – «визуального поворота». При рассмотрении терминологического сопровождения «визуального поворота» мы основываемся на когнитивном подходе, преимущества которого доказывает большинство современных исследователей в области терминологии. Когнитивный подход «делает возможным анализ возникновения и эволюции специального знания в широком цивилизационном контексте, позволяет вскрыть причины и механизмы динамических процессов в сфере терминологической номинации с учетом меняющихся когнитивно-коммуникативных потребностей людей. Все это углубляет научное понимание исторических процессов в терминосистемах, выявляет динамику сложного соотношения специальных структур знания (и сознания) со структурами языковыми» [Голованова, 2007, с. 12-13].

«Визуальный поворот» относится к практическому знанию, в области которого А.Я. Флиер выделяет два направления: синергетическую парадигму познания и постмодернистскую парадигму познания [Флиер, URL]. Е. Князева отмечает, что одной из главных тенденций второй половины XX века стал переход наиболее продвинутых в социальном и экономическом развитии стран в стадию информационного развития, главной особенностью которого является

---

¹ Облако слов как дидактический инструмент. [Электронный ресурс]. URL: <http://didaktor.ru/oblako-slov-kak-didakticheskij-instrument/>.

«индустриальное» производство знания, которое стало основой как материального, так и символического общественного производства. [Князева, URL].

Отличительной чертой современного мира признается визуальная форма конструирования знания: то, что мы видим, не менее важно, чем то, что мы слышим, или то, что мы читаем [Gillian, URL].

Изучение визуальных феноменов влечет за собой формирование терминологической микросистемы, посредством которой осуществляется презентация основных тем, актуальных для визуальных исследований.

Ведущую роль в организации терминополья «виртуальный поворот» выполняет комплексная терминологическая конструкция, или терминологический ансамбль, *механизм перцептивного действия видения*, с которым В.В. Колодий связывает направление «знанческих» интенций человека вовне. Именно в видении extra (вне нас) происходит «присвоение» реальности, существующей вне человека и «тестирующей» умения, навыки человека, в том числе и качество приобретенных знаний.

Результатом контакта человека с физической средой становится *визуальное познание*, которое преобразуется из орудия / прибора взаимодействия с физическим миром в систему когнитивной навигации человека: «визуальное познание считается имманентным сущности человека. Оно как бы встроено в собственно психофизиологическую природу человека. Благодаря видению «схватываются» и различаются пространственные свойства мира, внешней среды. Это «схватывание» происходит непосредственно, очень быстро – практически мгновенно (психологи отмечают: длительность перцептивного действия для глаза в среднем – 7 мс), в сравнении с процессом абстрактного логического мышления» [Колодий, 2011].

Синтез терминологических единств «механизм перцептивного действия видения» и «визуального познания» находит продолжение в термине *визуальный экзистенциализм*. К визуальному экзистенциализму М. Баль относит попытки трактовать современную культуру как по своей природе преимущественно визуальную [Баль, 2012], воспроизводством образа в созерцании и внимательной задержки на нем [Вульф, 2008]. Визуальный экзистенциализм – это и недостаточно определенная область зрения, которая предполагает зрительные варианты.

Категориальное измерение «визуального поворота» фиксируется с помощью терминов *визуальность* и *визуальное*: «визуальность» трактуется в качестве обязательного параметра-измерения повседневной жизни, включенного в ткань последней наряду с афишами, надписями и плакатами, формирующего новые визуальные практики повседневности. Л.А. Мясникова, А.В. Дроздова, Ю.В. Архипова полагают, что в XX веке визуальность стала формообразующим принципом всей современной культуры, основой которой является поток экранных изображений, вмещающих в себя наряду с прочим устную речь, анимацию, письменные тексты [Мясникова, Дроздова, Архипова, URL]. Визуальность характеризуется внутренней синестезией и не может быть заменена другими типами восприятия [Баль, 2012].

Е.В. Сальникова рассматривает визуальность как явление, укорененное в эпохе формирования человеческого вида, отмечая при этом, что «слова «визуальное» и «визуальность» вошли в профессиональный обиход сравнительно недавно, в последние десятилетия существования СССР, и использовались в сравнительно узком смысле» [Сальникова, 2012, с. 17], латинское происхождение сообщает слову «визуальность» ауру специального термина.

В непосредственной логической связке с термином «визуальность» в терминологическом поле «визуальный поворот» находится термин «визуальная культура». В концепции М. Баль визуальная культура, как научное и культурное понятие, выступает наследницей истории искусства, а точнее, одного из самых догматичных измерений – исторического – этого своего предшественника и антагониста [Баль, 2012 с. 214].

Визуальная культура актуализируется через визуальные практики, или скопические (*scopic*), или визуальные (*visual*) режимы, возможные в конкретной культуре и демонстрирующие «обращенность» вещи к людям, разнообразно обоснованное социальное видение вещей [Баль, 2012, с. 219].

Результатом применения визуальных практик представляется *визуальная реальность*, которая будучи продуктом культурного конструирования, «подлежит интерпретации или “прочтению” в той же мере, в какой этим процедурам подвергается любой вербальный текст» [Мясникова, Дроздова, Архипова, URL].

Своеобразным понятийным коррелятом «визуальной реальности», в таком случае, становится понятийное содержание термина «визуальный текст» при формировании терминологического поля «визуальный поворот» – то, что подлежит прочтению. Визуальный текст, по определению А. Усмановой, сложный исторический текст, предлагающий собственную версию или взгляд на ту или иную эпоху, не обязательно совпадающий с точкой зрения, сформулированной в других (в том числе официальных) источниках [Усманова, 2004].

В качестве результата систематизации перцепций реальности рассматриваются *визуальные феномены, визуальные объекты, визуальные артефакты*. Практический учет визуальных феноменов обусловлен, по мнению А.А. Полонникова, владением особыми коммуникативными приемами, а сами же они представляют отдельную концептуальную область, недостаточно проясненную. Визуальные объекты, в свою очередь, выступают в качестве идеологических агентов, выявление которых не является приоритетным для ученых-визуалистов [Полонников, 2014].

Понимание визуальных артефактов некоторые исследователи согласуют с материалистическими, структуралистскими и постгуманистическими теориями, подчеркивающими природу человеческих и нечеловеческих акторов, обращая внимание их многофункциональную природу [Lasse, Anti, Jaakko & Maiju, 2015, URL; Braidotti, 2006; Lather and E.A. St. Pierre, 2013].

О. Аджимаз, Е. Кожемякин соотносят визуальный артефакт с *визуальной репрезентацией*, которая представляет собой, по мнению исследователей, передачу некоторого сообщения о действительности

посредством визуального кода, а также кодирования информации об объективном положении дел с помощью зрительно-графических семиотических средств [Аджимаз, Кожемякин, 2011].

Постепенно преимущества, по сравнению с вербальными репрезентациями, обретает визуальный образ, что явно проявляется, по мнению В.В. Колодия [Колодий, 2011], в условиях визуального поворота в гуманитаристике и культуре.

Визуальные образы формируют новый баланс видимого и невидимого, баланс между тем, что допускается для репрезентации в публичном пространстве, а что принимается в качестве неприемлемого в нем, то есть визуальные образы диктуют зрительные доминанты, расширяя социальные зоны [Мясникова, Дроздова, Архипова, URL]. Общение посредством визуальных образов позволяет мгновенно фиксировать повседневное, замещая обмен речевыми единицами и экономя речевые усилия, поскольку через визуальные образы открывается доступ к множественности человеческого опыта и человеческого поведения [Мясникова, Дроздова, Архипова, URL].

Визуальный образ становится элементом визуального события, а временный опыт изменения способа субъективного бытия, маркируемый им, определяется как визуальное отношение. Визуальное событие рассматривается М. Баль как некий результат, возникающий параллельно с образом и соединяющийся с ним в акте смотрения и его последствиях [Баль, 2012, с. 220]. Акт смотрения влечет за собой визуальное событие как объект и выявляет как нечто субъективное, мимолетное, «прирастающее» к предмету – визуальный образ.

Завершение *визуального события* означает возвращение индивида к своему повседневному статусу [Вульф, 2008, с. 136]. *Визуальное отношение* в этой связи следует рассматривать как искусственное новообразование, временный опыт изменения способа субъективного бытия.

Визуальные отношения, как полагает А.А. Полонников, являют собой некую новую жизненную реальность и одновременно проблему, погружение в которую связано с включением индивида в условия ситуации, вынужденного осуществлять серии операций по преобразованию культурной действительности [Полонников, 2014].

Дигитализация и когнитивизация восприятия действительности и системы ее презентации отражаются в серии терминологических сочетаний таких, как *визуальная информация*, *визуальные данные*, *визуальные фреймы*.

Визуальные данные, к которым относят, прежде всего, фотографии, полученные с помощью цифровых технологий, используются в социологических и антропологических исследованиях [Collier., 1957, URL; Harper, 2002, URL].

Визуальные фреймы, транслируемые современными медиа, связываются с повседневными практиками человека и их эстетизацией, что приводит к распространению медиасообщений в качестве товаров [Мясникова, Дроздова, Архипова, URL]. В центре медиасообщений образ вещи, оппозиция реального / фигурального, которая выражает относительную альтернативу

реального / виртуального, что приводит к исчезновению четких границ между символическими и материальными артефактами, между «текстами» и «товарами», которые производятся как «товары-знаки для передачи значений [Мясникова, Дроздова, Архипова, URL].

Терминологическое поле «визуальный поворот», включающее единицы LVSP, можно представить в виде схемы (см. рис. 1):

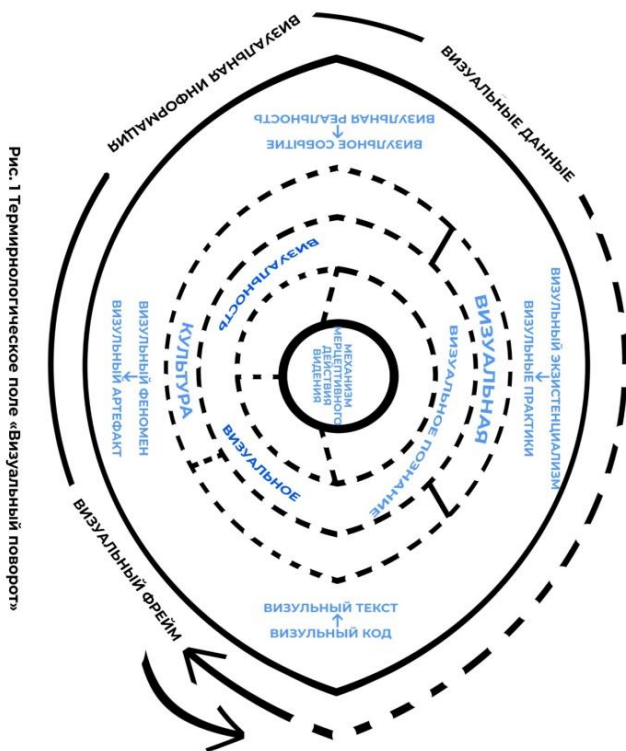

Рис. 1 Терминологическое поле «Визуальный поворот»

Рис. 1. Терминологическое поле «визуальный поворот»

Визуальная презентация концептуального содержания Visual Studies осуществляется с помощью терминологического облака (рис. 2), представляющего ключевые актуальные понятия этой области социально-гуманитарного знания и аспекты тематизации визуальности в современном философском дискурсе.

Рис. 2. Терминологическое облако современных визуальных исследований или исследований визуальных феноменов

Терминологическое поле «визуальный поворот» и терминологическое облако современных визуальных исследований создают эскизное представление о метаязыке современных визуальных исследований, который мы предлагаем рассматривать в контексте LSP как LVSP – Language for Visual Studies Purposes, или язык для целей визуальных исследований, который используется, в том числе, и для тематизации визуальности в философском дискурсе. Современный философский дискурс создает собственную систему методологической и концептуальной самопрезентации, элементом которой, на наш взгляд, следует признать LPMP (Language for Philosophy Methodological Purposes) – ‘язык для философско-методологических целей’, который участвует в создании новой модели мира, в соответствии с которой, по мнению Дж. Митчела, мир предстает не столько как текст, сколько как образ, или модель ризомы. В этом случае LPMP не только язык для специальных целей, но и деконструктивная стратегия, в качестве тактики которой выступает LVSP ‘язык для целей визуальных исследований’.

Литература

- Аджимаз О., Кожемякин Е. Культурные модели визуальной репрезентации власти в дискурсе фотожурналистики // Современный дискурс-анализ. 2011. Вып. 4.
- Анненкова А.В. Вербальные и визуальные коды социальной рекламы: опыт экспериментального исследования // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30).
- Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // Логос. 2012. № 1 (85).
- Белинская Д.В. Визуальная репрезентация мужских и женских образов. [Электронный ресурс]. URL: <http://shikardos.ru/text/vizualenaya-reprezentaciya-mujskih-i-jenskih-obrazov-belinskay>.
- Билалов М.И. О типах и видах познавательной культуры // Успехи современного естествознания. 2009. № 7.
- Вульф К. Homo pictor или возникновение человека из воображения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. № 1.
- Голованова Е.И. Предмет и задачи когнитивно-исторического терминоведения // Научно-техническая терминология. 2007. Вып. 1.

Забросаева И.А., Конурбаев М.Э. От LSP до специализированного дискурса: исторический срез // Язык, сознание, коммуникация. М., 2014. Вып. 49.

Зенкова А.Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отд. Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2005. Вып. 5.

Ищенко Е.Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2016. № 2.

Князева Е. Синергетический вызов культуре. [Электронный ресурс]. URL: <http://philocv.files.wordpress.com/pdf>.

Колодий В.В. Видение и особенности современного визуального опыта // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6.

Костяшина Е.А. Визуальный код как механизм моделирования дискурсивной картины мира в современном глянцево-журнале. [Электронный ресурс]. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/488.html.

Кувшинова М. Кино как визуальный код. М., 2014.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1992.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007.

Морозова Л.В. Опыт дефиниционного описания терминополья (на базе терминов ядерной физики и техники): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Мухамеджанова А. Визуальные коды «кэмп» // Cineticle № 23. Философия (в) кино. [Электронный ресурс]. URL: <http://cineticle.com/text/682-visual-codes-of-camp.html>.

Мясникова Л.А., Дроздова А.В., Архипова Ю.В. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-reprezentatsiya-povsednevnosti-v-sovremennom-mediaobschestve>.

Натансон Э.А. Термины как особый раздел лексики и источники русской технической терминологии. М., 1970.

«Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. М., 2013.

Полонников А.А. Визуальное событие и визуальное отношение // Направления и механизмы совершенствования преподавания в высшей школе. Минск, 2014.

Рягузова Е.В. Визуальная репрезентация как способ конструирования – реконструирования психологической ситуации // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1.

Раздуб А.В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013.

Сальникова Е.В. Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры: автореф. дис. ... док. культур. наук. М., 2012.

Сохань И.В. Визуальные репрезентации гастрономической культуры // ПРАΞИМА. 2014. № 1 (1).

Суханов В.А. Визуальное как элемент авторского кода в поэтике современного романа // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 2.

Умерова М.В. Формирование и развитие терминологий и терминосистем. М., 2004.

Усманова А. Повторение и различие, или «Еще раз про любовь» в советском и постсоветском кинематографе // Новое литературное обозрение. 2004.

Флиер А.Я. Культура познания как феномен коллективной психологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/flier-a-ya-kultura-kak-istoriya-i-istoriya-kak-kultura-kontseptualnoe-modelirovanie-sotsiokulturnoy-dinamiki>.

Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 71.

Braidotti R. Posthuman, All Too Human. Towards a New Process Ontology. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0263276406069232>.

Christensen P., James A. Research with Children: Perspectives and Practices. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Research_with_Children.html?id=IGMVA AAAI AAJ&redir_esc=y.

Clark Ch. The structure of educational research. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1080/01411920500082128>.

Collier J. Jr. Photography in Anthropology: A Report on Two Experiments [Электронный ресурс]. URL: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1525/aa.1957.59.5.02a00100>.

Cook T., Hess E. What the Camera Sees and from Whose Perspective. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0907568207068562>.

Gillian R. Visual Methodologies. An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. [Электронный ресурс]. URL: https://www.colorado.edu/geography/class_homepages/geog_4892_sum11/geog4892_sum11/materials_files/Rose%20Visual%20Methodologies%20Chpt1+8.pdf.

Goldman-Segall R. Points of Viewing Children's Thinking. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books>.

Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nyu.edu/classes/bkg/methods/harper.pdf>.

Lasse L., Antti R., Jaakko H. & Maiju P. Exploring the foundations of visual methods used in research with children. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1350293X.2015.1062663?src=recsys&journalCode=recr20>.

Lather P. and E.A. St. Pierre. Post-qualitative Research. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09518398.2013.788752>.

Plowman L., Stevenson O. Preschool children's learning with technology at home. [Электронный ресурс]. URL: [https://pure.strath.ac.uk/portal/en/publications/preschool-childrens-learning-with-technology-at-home\(f37d15e8-8d58-4917-abd3-724d28eb2ffa\)/export.html](https://pure.strath.ac.uk/portal/en/publications/preschool-childrens-learning-with-technology-at-home(f37d15e8-8d58-4917-abd3-724d28eb2ffa)/export.html).

Smith et al. EOS Terra Aerosol and Radiative Flux Validation: An Overview of the Chesapeake Lighthouse and Aircraft Measurements for Satellites (CLAMS) Experiment. [Электронный ресурс]. URL: <https://zdoc.site/smith-et-al-2005-modis-atmosphere-nasa.html>.

Szulc A. Podreczny slownik ięzykoznawstwa stosowanego. Dydaktyka ięzykow obcych. Warszawa, 1984.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Т.М. Григорьева, И.А. Кижнер. Русский язык в европейском контексте (по материалам лексикографических источников XVIII-XIX веков). Необходимость изучения русского языка, вызванная торговыми потребностями европейских и русских купцов, начиная с XVI века привела к созданию ряда словарей и учебных пособий. В статье изложены материалы, свидетельствующие о дальнейшем взаимодействии русского языка и ряда европейских языков, отраженном в лексикографических изданиях; представлена динамика издания словарей, выделены пики появления новых изданий на временной шкале. Кроме того, выявляется социальное разнообразие читательской аудитории дву- и многоязычных словарей с включением материалов русского и других европейских языков (в частности – французского) в XVIII-XIX веках. Исследование демонстрирует устойчивый рост количества новых изданий в конце XVIII века, 1840-е годы и на рубеже XIX и XX веков. Показано отражение социальных и исторических процессов (просветительская работа Академии наук, создание университетских и профессиональных сообществ) в лексикографических моделях, внедряющих русский язык в европейское языковое пространство.

T.M. Grigoryeva, I.A. Kizhner. The Russian Language in the European Context (Based on Books and Dictionaries of the XVIII-XIX c.). The necessity to study the Russian language was determined by trade relations between European and Russian merchants. It led to writing some text books and dictionaries in the XVI century. The article provides the facts which prove the further interaction of the Russian language and European ones. It was connected with publishing lexicographic books and dictionaries, in particular. The authors point out the time and periods when the dictionaries were published most frequently. Moreover, the varieties of the readers as well of the books are analyzed. Bilingual and multilingual dictionaries (Russian, French and some other European languages) were published in the XVIII-XIX centuries. The authors of the article stress the increase of the new editions at the end of the XVIII century, in the 1840s

and at the turn of XX century. Social and historical processes of Russia – public awareness campaign of the Academy of Science, establishment of new universities and professional societies – were depicted in dictionaries of that time. The Russian language was penetrating European lingual scope.

М.Ю. Сидорова, А.А. Липгарт. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1). В статье рассматриваются грамматические особенности современной русской поэзии, связанные с реализацией в ней предикативных категорий, субъектной перспективы и модусных рамок. Выявляются особенности взаимодействия указанных грамматических механизмов с такими существенными свойствами поэтического текста, как субъективность, множественность толкований, «модальная неопределенность», «множественная референция», суггестивность, двойное членение, повышенная суффексивность, малый объем и самостоятельность мотивов и др., на современном этапе. Результаты лингвистического анализа сопоставляются с рефлексией авторов, выраженной в поэтических текстах, интервью, критических разборах и т.п., что позволяет определить значимость рассматриваемых грамматических явлений для передачи «обязательных смыслов» эпохи. Эти результаты подтверждают особую значимость субъекта как категории плана содержания и плана выражения, вокруг которой объединяются «усилия» всех остальных анализируемых грамматических категорий (время, модальность, пространственная локализация). «Грамматика поэзии» при таком подходе понимается не как грамматика «искажений», иррегулярностей, противопоставленная общезыковой грамматике, а как реализация и переосмысление потенциалов и заполнение лакун, содержащихся в грамматической системе языка, особой группой его носителей для создания новых смыслов и форм – как «вечных», так и соответствующих духу времени. Особое внимание в статье уделяется инфинитивной и номинативной поэзии, в которой проявляется креативный потенциал, соответственно, неопределенной формы глагола и именительного падежа существительного, а также функционированию в поэтических текстах отрицательных предложений.

M.Yu. Sidorova, A.A. Lipgart. Grammar of Modern Russian Poetry: Subjective Perspective, Predicative Categories, Modus Frames (Part I). The article is devoted to considering the grammatical properties of Modern Russian Poetry connected with the predicative categories, subjective perspective and modus frames typical of this kind of poetic texts.

The above mentioned grammatical devices are viewed in their interconnection with the essential features of modern poetic texts: their subjectivity, multiplicity of interpretation, «modal inconclusiveness», «multiple reference», suggestiveness, double division, increased successivity, small volume and independence of motives. The results of the linguistic analysis are compared with the authors' reflections as expressed in poetic texts, interviews, critical analyses etc, which allows one to assess the value of the grammatical phenomena under study for conveying the «obligatory meanings» of a particular epoch. These results corroborate the special significance of the subject as the category of both expression and content planes, this category being the centre of the «efforts» of all the other grammatical categories under analysis (time, modality, space localization). «The grammar of poetry» is hence treated not as the grammar of «distortions», irregularities opposed to the traditional grammar of the language, but as the realization and the reconsideration of the potentialities and as filling in the lacunae found in the grammatical system of the language, which is carried out by a special group of this language's native speakers for creating new contents and forms, both «eternal» and corresponding to the spirit of the age. What receives special attention in the article is 1) the infinitive and nominative poetry displaying the creative potential of verbal forms of the infinitive and of nouns in Nominative Case correspondingly and 2) the functioning of negative sentences in poetic texts.

3.А. Дубинец. Концепт «болезнь» в русской языковой картине мира. В статье проанализированы особенности вербализации концепта «болезнь» в русской языковой картине мира. Рассмотрено функционирование лексем со значением болезни в медицинском и художественном дискурсах. Доказано, что представление человека о болезни и ее причинах менялось на протяжении истории и существенно отличалось в народной и официальной медицине. Выявлено, что высокой культурной информативностью характеризуются устойчивые обороты, связанные с концептом, а его национальную специфику отображают средства лечения и профилактики болезней. Отмечается, что большинство устойчивых оборотов с лексемой «болезнь» связаны с медицинским дискурсом. Некоторые из них вошли в активный словарь современных носителей русского языка. Автор приходит к выводу, что в медицинском дискурсе внимание сосредоточено на причинах, вызвавших ту или иную болезнь, или ее симптомах, а в художественном – особое значение приобретает процесс течения болезни. Подтверждение тому – произведения писателей, получивших медицинское образование:

А. Чехова, М. Булгакова, В. Вересаева. Лексемы со значением болезни реализуют их индивидуально-авторские замыслы и репрезентируют концепт «болезнь» в русской языковой картине мира.

Z.A. Dubinets. The Concept of «Illness» in the Russian Linguistic View of the World. The article analyzes the features of the verbalization of the concept «illness» in the Russian linguistic view of the world. Peculiarities of lexeme functioning with semantics of illness in medical and artistic discourses are considered. It is proved that the person's idea of the disease and its causes changed throughout history and differed significantly in folk and official medicine. It is revealed that idiomatic scope of the concept is characterized by high cultural informative value, and the national features of the concept are depicted in the ways of treatment and prevention of diseases. The majority of collocations with the word «illness» is associated with medical discourse. Some of them are used nowadays. The author comes to the conclusion that medical discourse focuses on the causes of a definite illness or its symptoms. As for artistic discourse, it describes the process of the disease and it acquires much significance. The works by writers who received a Degree in Medicine – A. Chekhov, M. Bulgakov, V. Veresaev – prove this fact. Lexemes with the semantics of the disease fulfill their individual author's intention and present the concept of «illness» in the Russian linguistic view of the world.

В.С. Савельев. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 2). В статье рассматриваются диалогические фрагменты «Повести временных лет», в которых в качестве коммуникантов выступают женщины. В результате анализа этих фрагментов устанавливается, что летописные женщины вступают в коммуникацию в социальных ролях, которые имеют отношение к их семейной (*мать, дочь, сестра, невеста, жена, вдова*) и – реже – общественной (*властительница*) и духовной (*христианка*) жизни. В связи с этим тематика диалогов, в которых они участвуют, ограничена (*брак, похороны, поминовение усопших, забота о безопасности близких и спасении их души, реже – установление мира, взимание дани, передача подарков*). В то же время анализ речевых тактик и стратегий, а также коммуникативных способов их оформления показывает, что собственно речь летописных женщин не отличается от речи летописных мужчин. Единственным примером женского речевого портрета, обладающего рядом признаков, отличающих его от речевых портретов других героев, является речевой портрет княгини Ольги, однако его уникальность связана не с полом коммуниканта, а с его личностью.

V.S. Savelyev. Chronicle Female Speech Profile (Based on the Material of *The Tale of Bygone Years*) (Article 2). The article deals with the dialogue extracts from *The Tale of Bygone Years*, in which women act as communicants. As a result of the analysis of these fragments, it is established that the chronicle women enter communication with some social roles that are related to their family (*mother, daughter, sister, bride, wife, widow*) and – less often – social (*sovereign*) and spiritual (*Christian*) life. In this regard, the subjects of the dialogues they participate in are limited (*marriage, funerals, commemoration of the dead, caring for the safety of their loved ones and saving their souls, less often – peacemaking, the collection of tribute, transfer of gifts*). At the same time, analysis of speech tactics and strategies, as well as of communicative forms, showed that the actual speech of chronicle women does not differ from the speech of chronicle men. The only example of a female speech profile with a number of features that distinguish it from the speech profiles of other characters is the one of Princess Olga, though its unique character is not connected with the speaker's gender, but with her personality.

Н.И. Клушина, А.В. Люликова, А.В. Николаева, Л.В. Селезнева. Динамика коммуникативных норм в современной русской речи. В статье представлены языковые и коммуникативные трансформации в социально значимых сферах современной коммуникации. При помощи историко-сопоставительного метода, методов диахронического описания и интерпретации проанализированы интернет-жанры, жанры медиа, рекламной, деловой и профессиональной коммуникаций. Установлено, что экспрессивная лексика, ориентация на диалогичность, свобода самовыражения личности и равностатусность коммуникантов делают блог наиболее влиятельным жанром интернет-коммуникации. В результате возрастающего влияния устной речи и корпоративных правил в сфере деловой коммуникации отмечена тенденция к аграмматизму фраз. Профессиональная коммуникация строится на взаимодействии акторов коммуникативного общения как конструктивный диалог, в котором эмоциональность, субъективность, этикетность являются его основными конституирующими признаками. Новации в сфере рекламной коммуникации наблюдаются на вербальном уровне слогана и его имплицитном воздействии на адресата.

N.I. Klushina, A.V. Lyulikova, A.V. Nikolaeva, L.V. Selezneva. Dynamics of Communicative Norms in Modern Russian Speech. The article reveals linguistic and communicative transformations in socially significant spheres of contemporary communication. The Internet genres,

genres of media, advertising, business and professional communications are analyzed with the help of the historical and comparative method, methods of diachronic description and interpretation. It has been established that expressive lexis, the focus on dialogue, the freedom of self-expression and the equal status of communicators make the blog the most influential genre of the Internet communication. Owing to the influence of oral speech and corporate rules in the sphere of business communication a tendency towards agrammatism of phrases is getting increased. Professional communication is based on the interaction of communicative actors as a constructive dialogue in which emotionality, subjectivity and ethics are its main constitutive features. Innovations in the sphere of advertising communication are observed at the verbal level of the slogan and its implicit effect on the addressee.

А.Н. Безруков. Диалог художественных сознаний как верификация эстетических координат (Иван Бунин – Милан Кундера – Карлос Кастанеда – Виктор Пелевин). В статье проанализирована действенная природа литературной метасюжеттики. Анализ осуществлен в пределах малой прозы Виктора Пелевина. Рецепция пелевинского текста позволила выявить в нем следы прозы Ивана Бунина, Милана Кундера и Карлоса Кастанеды. В анализируемых текстах выявлена не только цитатная повторяемость – интертекст, но и смежные смысловые параллели. Основные методы анализа, используемые в работе: структурно-типологический, герменевтический, рецептивный, сравнительно-сопоставительный. Метасюжет позволяет писателю-постмодернисту расширить как текстовые, так и коннотативные уровни. Читательская рецепция в данном случае подтверждает конструктивный диалог художественных сознаний. В работе сделан вывод, что эстетические системы оценки реальности, на первый взгляд разнородные, по своей целевой направленности сближаются в единый конгломерат ценностного ориентирования.

A.N. Bezrukov. The Dialogue of Artistic Consciousness as a Confirmation of Aesthetic Views (Ivan Bunin – Milan Kundera – Carlos Castaneda – Victor Pelevin). The article deals with the effective nature of literary meta-description. Flash fiction by V. Pelevin is under analysis: the study of Pelevin's texts found out some traces of Ivan Bunin, Milan Kundera and Carlos Castaneda's prose. The author of the article does not speak only about quotations (inter-texts) but also about adjacent meanings. The main methods of the analysis used in the research are the following ones: structure-typological, hermeneutic, receptive and

comparative. Meta-description provides an opportunity to a post-modernism writer to broaden the textual as well as connotative planes. The reader's perception conforms the effective dialogue of artistic consciousness, in this case. The author comes to the conclusion that aesthetic reality assessment rates which seem to be different, get closer to become a single conglomerate of values rates because of common system of values.

У.Н. Текенова. Эпические произведения Дибаша Каинчина: сравнительный аспект. В работе сопоставлены два произведения разных хронологических периодов одного автора, прослежены основные тенденции в алтайской прозе на рубеже веков, тематика, проблематика, психологизм, пространственно-временные границы повествования, художественные особенности авторской речи, авторская концепция видения мира. Диптих, выполненный в ситуации диахронии, отражает особенности своего времени. Художественный образ мира в рассказах предстает как мир, отражающий сознание писателя-реалиста. Мастерство писателя, его великолепный народный язык и знание жизни простого сельского труженика изнутри позволяют создавать произведения, которые раскрывают острые проблемы простых людей. Умение автора выражается в том, что он художественно оправданно соотносит все детали с настроением, действиями и поступками людей. Стиль прозы писателя отличается сочетанием приемов публицистического и художественного повествования. В рассказах есть установка на логическую и ассоциативную связь между прошлым и настоящим.

U.N. Tekenova. Epic Works by Dibash Kainchin: Comparative Aspect. Two works of different chronological periods written by Dibash Kainchin are compared in this article. The main trends of the Altai prose at the turn of the century, subject matter, range of problems, psychologism, space and time boundaries of narration, artistic features of the author's speech and the author's vision of the world are studied. The diptych conducted in the diachronic aspect reflects characteristic features of that time. The artistic vision of the world presented in the stories reflects the consciousness of a realist-writer. The mastership of the writer, his magnificent folk language and deep knowledge of villagers' life allows the author to create stories that vitally reveal numerous problems of ordinary people. The writer manages to combine the description of every detail with characters' mood and actions. The style is characterized by a balance of publicistic and fiction techniques of narration. Logical associative connection between the past and the present is evident in the stories by D. Kainchin.

Е.А. Худенко. Реки Алтая в отечественной литературе XX–XXI веков: мифопоэтика и символика. Статья посвящена рассмотрению мифологии и символики таких алтайских рек, как Бия и Катунь, в текстах отечественной литературы XX – начала XXI века. Репрезентация двух вариантов легенды о Бие и Катунь – любовно-романтического и семейно-родового – показывает разнообразие авторских смыслов при реконструкции ландшафтных образов. Исследуются оппозиции верх-низ, вертикаль-горизонталь, жизнь-смерть, заданные мифопоэтикой этих гидронимов. Прослеживается связь гидромифем с алтайским эпосом и фольклорно-литературной традицией в целом. Материалом для изучения становятся тексты очеркового характера (Чорос-Гуркин, Гребенщиков), художественная проза (Шишков, Бубеннов, Залыгин, Шукшин) и поэзия (Казанский, Рубцов, Башунов, Жильцов и др.). Анализ символики и мифологии гидронимов в текстах позволяет говорить о космогонической природе топографических деталей, репрезентации таких параллелей, как «река-гора», «река-небо», «река-птица». В текстах подчеркивается разность характеров и цвета рек: Катунь показана как шумная, своенравная, мутно-зеленого цвета, связанная с категориями памяти / забвения, легендами, временами скифов и чингизитов; Бия предстает как более спокойная, с волнами светло-зеленой окраски, символизирующая вечное обновление и любовь. Мифопоэтическое содержание речных топонимов Алтая в отечественной литературе многообразно и динамически меняется на протяжении прошедшего столетия и начала нового века.

E.A. Khudenko. Rivers of Altai in the Russian Literature of the XX–XXI Centuries: Mythopoeitics and Symbolism. The article is devoted to the consideration of mythology and symbolism of the Altai rivers such as the Biya and the Katun in the texts of Russian literature of the XX and the beginning of the XXI century. Representation of the two variants of the legend of the Biya and Katun – love-romantic and family-clan shows the diversity of the author's meaning while reconstructing landscape images. The upper-lower, vertical-horizontal, life-death oppositions set by the mythopoeitics of these hydronyms are investigated. The connection between the hydro-typologist and the Altai epos and the folklore and literary tradition in general is being traced. Materials for the study are texts of a sketch character (Choros-Gurkin, Grebenschikov), fiction (Shishkov, Bubennov, Zalygin, Shukshin) and poetry (Kazanski, Rubszov, Bushunow, Zhilzov, etc.). The analysis of symbolism and mythology of the hydronyms in the texts allows us to speak about cosmological nature of the topographical details by representing such parallels as «river mountain», «river-sky»,

«river-bird»). In the texts the difference between the characters and colors of the rivers are emphasized: the Katun is shown as noisy, capricious, its dull-green color is being associated with the categories of memory / oblivion, legends, the times of Scythians and Chingiztau; the Biya appears to be more calm, with light green colored waves, symbolizing eternal renewal, and love. Mythopoetic content of Altai river toponyms in Russian literature is diverse and dynamically changing during the last century and the beginning of the new century.

О.В. Марьина, Н.Н. Будникова. Вставка как интеграционный и дезинтеграционный синтаксический процесс. В статье вставка рассматривается как интеграционный и дезинтеграционный синтаксические процессы в тексте. В работе даются определения синтаксического процесса, интеграционного синтаксического процесса, дезинтеграционного синтаксического процесса. Рассматриваются способы взаимодействия компонентов синтаксических процессов. Выявлены основания для выделения интеграционных и дезинтеграционных процессов, представлены основания отнесения вставки к интеграционным и дезинтеграционным синтаксическим процессам. Вставка как интеграционный синтаксический процесс обладает следующим набором признаков: специфика повествования (повествование во включающем и вставном компонентах ведется либо от 1-го лица, либо от 3-го лица); единство видо-временных связей включающего и вставного компонентов; структурно-композиционное единство включающего и вставного компонентов; наличие формальных показателей связи между включающим и вставным компонентами конструкции. Вставка как дезинтеграционный процесс обладает следующим набором признаков: специфика повествования (повествование во включающем и вставном компонентах разное: от 1-го лица, от 3-го, несобственно-прямая речь); нарушение видо-временных связей между включающим и вставным компонентами; нарушение структурно-композиционного единства между включающим и вставным компонентами; наличие нескольких самостоятельных предложений в составе вставной конструкции; отсутствие формальных показателей связи между включающим и вставным компонентами конструкции.

O.V. Maryina, N.N. Budnikova. Insertion as an Integrating and Disintegrating Syntactic Process. The article deals with the phenomenon of insertion as integrating and disintegrating syntactic processes. The definitions of a syntactic process, an integrating syntactic process, as well as of a disintegrating one, are given in the paper. The authors analyze methods

of syntactic processes' interactions. Differentiation of integrating and disintegrating processes is provided. Moreover, some arguments to treat the insertion as both types of a syntactic process are given. The insertion as an integrating syntactic process has the following features: the peculiarities of narration (the narration in including and inserted elements is conducted from the 1st or 3rd person); the integrity of Aspect and Time relations of including and inserted elements; structure and composition unity of including and inserted elements; the presence of formal characteristics of correlation between including and inserted elements of the utterance. The insertion as a disintegrating process possesses the following features: some peculiarities of narration (narration in including and inserted elements is different: from the 1st and 3rd person, respectively and inner monologue); breach of Aspect and Time relations between including and inserted elements; the presence of several independent sentences in the structure of inserted part; the absence of formal characteristics of correlation between including and inserted elements of the utterance.

Н.Н. Шпильная. О диалогической природе производного текста. Исследование выполнено в русле диалогической дериватологии, предметом изучения которой являются прагматико-эпидигматические отношения в системе языка / речи. В работе противопоставлены две дериватологические теории, по-разному объясняющие производство текста как единицы текстовой подсистемы языка. В отличие от Пермской дериватологической школы, возглавляемой Л.Н. Мурзиным, в работах которого (и его последователей) производный текст рассматривается как результат действия механизма трансформации, в данной статье обосновывается диалогическая природа производного текста. Производный текст рассматривается как результат проявления диалогической цитации – деривационного механизма текстообразования. Доказывается, что производство текста сопряжено с новизной факта высказывания, коррелирующей с той или иной диалогической позицией носителя языка. Выделяются и характеризуются три модели производного текста: модель согласования, модель контраста и модель примыкания. Материалом для анализа послужили тексты интернет-комментариев. Общее количество проанализированных текстов – 612.

N.N. Shpilnaya. On the Dialogical Nature of the Derived Text. The research is carried out within the framework of dialogic derivatology, which studies pragmatic and epidigmatic relations in the system of language / speech. In the paper, two derivational theories are contrasted, differently explaining the production of text as a unit of the text subsystem

of the language. Opposed to the Perm Derivatological School represented by L.N. Murzin and his followers, whose works consider the derivative text as the result of the action of the transformation mechanism, this article justifies the dialogical nature of the derived text. The derivative text is considered as the result of the manifestation of the dialogical citation - the derivational mechanism of text formation. It is proved that the production of the text is associated with the novelty of the statement correlating with this or that dialogical position of the native speaker. Three models of the derived text are singled out and characterized: the matching model, the contrast model, and the contiguity model. The texts of Internet commentaries served as the material for the analysis. The total number of texts analyzed is 612.

О.В. Кирколуп. Сравнительный лексикографический анализ лексем ПРОТЕСТ / PROTESTATION в русском и французском языках. Статья проводит сравнение лексикографических данных русского и французского языков на базе разного типа современных активных словарей (толковых, синонимов, эпитетов, этимологии, идеографических и пр.), исследование посвящено лексемам-именованиям концептов ПРОТЕСТ / PROTESTATION. В статье также подчеркиваются лингвокультурные особенности интерпретации и употребления предложенных лексем (отсутствие имени субъекта протеста в русском языке и морского термина во французском). Статья обнаруживает и обосновывает сходства и различия в употреблении и значении лексем-репрезентантов протеста в выбранных языках (негативное значение в русском языке и позитивный смысл во французском языке). Результаты проведенного исследования позволяют говорить о культурных особенностях лексем ПРОТЕСТ / PROTESTATION.

O.V. Kirkolup. Comparative Lexicographical Analysis of Lexemes ПРОТЕСТ / PROTESTATION in Russian and French. The article carries out comparative lexicographical analysis of the lexemes ПРОТЕСТ / PROTESTATION in Russian and French using the data of different contemporary dictionaries such as thesaurus, synonyms, epithets, etymological ideographical and some other. The article also emphasizes linguocultural patterns of the lexemes interpretation and usage in both languages (absence of the protest subject in Russian and of the naval term in French). The article traces and explains similarities and differences in meaning and usage of the lexemes representing «protest» in chosen languages (negative meaning in Russian and positive meaning in French). The results of the conducted research let us speak about cultural peculiarities of lexemes ПРОТЕСТ / PROTESTATION in Russian and in French.

Е.Ю. Сафронова. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: барнаульские впечатления Ф.М. Достоевского. В статье рассматриваются факты творческой истории произведения и художественные детали повести «Дядюшкин сон», отсылающие к возникновению авторского замысла Достоевского. Привлекая архивные источники и мемуарные свидетельства современников писателя А.Е. Врангеля и П.П. Семенова-Тянь-Шанского, автор полагает, что повесть отражает впечатления Ф.М. Достоевского от посещения Барнаула. Эта сибирская повесть первоначально была задумана в жанре комедии и предназначалась для барнаульской сцены. Помимо центральной «театральной» интриги М.А. Москалевой в произведении есть мотив создания благотворительного театра в пользу раненных и упоминание о якобы написанном князем К. водевиле. Кроме того, данная в письме к А.Е. Врангелю характеристика Барнаула как хлопотливого города, в котором много сплетен и доморощенных Талейранов, в повести получает развернутое описание, а номинация Мордасов отсылает к курьезу на обеде Достоевского у семьи Гернгросс. Упоминание бывшей службы Афанасия Ивановича Москалева, на которой он получал кроме жалованья и другие доходы, чем возбудил гнев приехавшего ревизора, отсылают к истории Барнаула как горного города. Перифраз «здешняя скверная речонка с неприличным названием», возможно, отсылает к речке Барнаулке. В произведении есть и другие локальные художественные детали (червяки с рожками, скотский падеж, масоны). Сильны в повести и элементы автопародии: трагестийно обыграны обстоятельства женитьбы, встречи с П.П. Семеновым и болезни автора.

Safronova E.Yu. Comic story *Uncle's Dream*: Impressions of Barnaul on F.M. Dostoevsky. The article deals with the facts of the creative history of the work and the artistic attributes of the story *Uncle's Dream*, referring to the origin of Dostoevsky's artist's intention. Having employed the archival sources and memoirs of contemporary writers A.E. Wrangel and P.P. Semenov-Tien-Shansky, the author of the article believes that the novel reflects the impressions of F.M. Dostoevsky from visiting Barnaul. This Siberian story was originally conceived in the genre of comedy and was intended for the Barnaul stage. Besides the central «stage» plot of M.A. Moskalyova there is also a by-plot of starting a charity theatre to support the wounded and a reference to a vaudeville supposedly written by Prince K. The description of Barnaul as a hectic place with gossip and home-grown Talleyrands, which Dostoevsky gave in a letter to A.E. Vranghel, gets developed in the story, and the name of Mordasov is an allusion to an incident with Dostoevsky at the dinner at the Herngrosses

house. The reference to the former employment of A.I. Moskalev, which had given him wages and benefits and had instigated the rage of an inspector, is also an allusion to Barnaul as a mining town. The periphrasis «this nasty little river with an indecent name», perhaps, refers to the river Barnaulka. There are some more local artistic attributes (hornworms, murrain, masons). Elements of self-parody are quite strong in the story: there is a travesty slant in the circumstances of marriage, meeting with P.P. Semenov and the author's disease.

Н.А. Хуббитдинова. Башкирский народный эпос в художественной интерпретации в русской литературе XIX века: культурологический аспект. В статье сделана попытка рассмотрения актуальной проблемы башкирско-русских фольклорно-литературных связей в разрезе литературно-культурологического исследования, а народный эпос и связанное с ним историко-культурное своеобразие – как объект культурной антропологии глазами русских писателей XIX века. Для раскрытия проблемы в данном ключе перед нами стояла задача на примере некоторых фольклорных мотивов и образов показать механизм перехода башкирского народного эпоса на инациональную почву, отразить особенности художественно-эстетического переосмысления традиционных мотивов и образов в инациональной культурной интерпретации и т.д. Для достижения поставленной цели использовались исторические, сравнительные, интертекстуальные, герменевтические методы исследования. Рассмотрение проблемы художественного использования башкирских эпических произведений «Кузыйкурпес и Майян-хылу» и «Заятуляк и Ху-хылу» русскими писателями XIX века Т. Беляевым и В. Далем в культурологическом аспекте позволило более отчетливо выделить оригинальность и уникальность народных традиций, ритуалов и обычаев, мифологию башкирского народа, глубже раскрыть семантику мифических образов и мотивов. В этих произведениях писатели, как мастера искусства слова, изобразили простой, почти детский нрав башкир, их устное поэтическое творчество и, самое главное, их богатое историческое прошлое. Литературное творчество этих писателей сыграло неопределимую роль в сохранении письменных версий башкирского эпического наследия как части культурного наследия народа. Продолжение изучения известной проблемы в этом ключе в будущем позволит изучать многие национальные работы с использованием традиционных методов анализа и с точки зрения инновационных методов исследования, что является приоритетным

явлением настоящего, представляется многообещающим направлением в будущем.

N.A. Khubbitdinova. Bashkir Folk Epos in the Artistic Interpretation in the Russian Literature of the XIX century: Culturological Aspect. The article attempts to consider the acute problem of the Bashkir-Russian folklore and literary links in the context of literary and cultural studies, and the folk epos and its related historical and cultural peculiarities as an object of cultural anthropology through the eyes of Russian writers of the 19th century. In order to solve the problem in this context, we took over the task of showing the mechanism for the transition of the national epos to foreign soil on the example of some folklore motifs and characters, reflecting the features of the artistic and aesthetic reinterpretation of traditional motifs and characters in a foreign cultural interpretation and so on. Historical, comparative, intertextual, hermeneutical methods of research were used to achieve the set goal and objectives. Consideration of the problem of the artistic usage of the Bashkir epic works *Kuzykurpes and Mayan-khyly* and *Zayatulyak and Khu-khyly* by Russian writers of the XIX century T. Belyaev and V. Dal in the culturological aspect made it possible to more clearly reflect the authenticity and uniqueness of folk traditions, rituals and customs, mythology and folklore of the Bashkir people, to deeply reveal the semantics of mythical images and motifs. In these stories the above mentioned connoisseurs of the art of word were attracted by the simple, almost childlike character of the Bashkirs, their authentic folklore, and what is most important, by their rich historical past. The literary works of these writers has played an invaluable role in preserving written versions of the Bashkir epic heritage as part of the cultural heritage of the people. Future continuation of the study of the given issue in this context will make it possible to research many ethnic works using both traditional methods of analysis and innovative research methods, which is a priority of the present and seems to be a promising trend in future.

Е.М. Каравасва. Функционирование образов и символов китайской культуры в романе Эми Тан «Дочь костоправа». В статье анализируется система художественных средств и стилистическая выразительность романа Тан «Дочь костоправа», в котором автор обращается к теме поиска собственного «я» и сложных отношений с матерью. Исследуя стилистику и художественную образность романа, автор статьи приходит к выводу, что Эми Тан опирается на образы, символы и мотивы, заимствованные из мифологических, религиозных и фольклорных источников китайской

традиционной культуры. Автор знакомит читателя с менталитетом и мироощущением китайцев, в основе которых лежит не оппозиция или конфликт, а принцип полярности и взаимного дополнения противоположных элементов.

E.M. Karavaeva. Traditional Chinese Beliefs and Symbols in Amy Tan's *The Bonesetter's Daughter*. The article gives analysis of imagery and stylistic expressiveness of Amy Tan's novel *The Bonesetter's Daughter*, in which the author ponders on the search for selfhood and complicated relations with mother. Having studied the style and character set of the novel the author comes to the conclusion that Amy Tan has borrowed characters, symbols and motives from mythological, religious and folklore sources of the Chinese traditional culture. The author introduces the reader to the mentality and outlooks of the Chinese, which base rather on polarity and mutual attraction of the opposites rather than on conflict.

М.Г. Иванова. Значение междисциплинарных этнопсихологических исследований применительно к национально ориентированной технологии обучения русскому языку как иностранному. В качестве исследовательской задачи в статье предпринята попытка теоретически обозначить сущность и проблематику междисциплинарных этнических исследований применительно к методике преподавания русского языка как иностранного. Автор приходит к выводу о том, что этнолингвистические, этнокультурные, этнопедагогические, этносоционические и этнопсихологические проблемы неразрывно связаны с целями и задачами обучения русскому языку как иностранному, что требует углубленного изучения этих вопросов в рамках лингвистических дисциплин этнического направления. Функционирующие в настоящее время прикладные отрасли знаний, ориентированные на изучение национальной специфики многочисленных социальных явлений и процессов, предоставляют существенные результаты, без которых не может обойтись современная этническая психология; дают уникальную возможность рассматривать проблемы современного языкового образования в аспекте междисциплинарности, а также применять полученные теоретические и практические результаты в рамках национально ориентированной технологии обучения русскому языку как иностранному.

M.G. Ivanova. Significance of Cross-Disciplinary Ethnopsychological Research in Relation to Ethnic-Focused Technology of Teaching Russian as a Foreign Language. The task of the article is to

give grounds to the nature and circle of interests of cross-disciplinary ethnic research projected on the technique of teaching Russian as a foreign language. The author comes to conclusion that ethnolinguistic, ethnocultural, ethnopedagogical, ethnososionic and ethnopsychological problems are inseparably linked to the purposes and problems of teaching Russian as a foreign language, which arises demand for profound studying of these questions within the frameworks of ethnic linguistics. The current applied subject areas are now focused on studying national specifics of numerous social phenomena and processes and provide us with essential results which come useful for modern ethnic psychology, give the unique chance to consider problems of modern language education in the aspect of interdisciplinarity and also to apply the received theoretical and practical results within ethnically focused technology of teaching Russian as a foreign language.

Н.В. Халина, Л.М. Комиссарова, Т.Н. Внучкова.
Терминологическое сопровождение «визуального поворота» в современной культуре познания. В статье рассматривается терминологическое сопровождение формирования новой интегральной области социально-гуманитарного знания «визуальных исследований», обусловленных «визуальным поворотом» в системе философского осмысления связей мира. Вводится, по аналогии с LSP, понятие языка визуальных исследований (LVP) как разновидности языка для философско-методологических целей (LPMP). В качестве форм визуальной репрезентации связей единиц языка LVR и языка LPMP предлагаются терминологическое поле и терминологическое облако. Актуальность изучения терминологического сопровождения визуальных исследований обусловлена тем, что этот тип представляет собой результат оформления третьего этапа институционального структурирования науки, который характеризуется созданием локальных сообществ для исследования отдельных предметных областей. Метаязык современных визуальных исследований предлагается рассматривать в контексте LSP как LVSP – Language for Visual Studies Purposes, или язык для целей визуальных исследований.

N.V. Khalina, L.M. Komissarova, T.N. Vnuchkova.
Terminological Support of «Visual Turn» in Contemporary Culture of Knowledge. The article deals with the terminological support of the formation of a new integral area of social and humanitarian knowledge of «visual research» conditioned by the «visual twist» in the system of philosophical understanding of the world's relations. The concept of visual research language (LVR) as a kind of language for philosophical and

methodological purposes (LPMP) is introduced by analogy with LSP. Terminological field and terminological cloud are proposed as forms of visual representation of the relations of language units of LVR and language LPMP. The relevance of the study of terminological support of visual research is determined by the fact that this type is the result of the development of the third stage of institutional structuring of science, which is characterized by the creation of local communities for studying certain subject areas. The meta-language of modern visual research is proposed to be considered in the context of LSP as LVSP – Language for Visual Studies Purposes, or language for visual research purposes.

НАШИ АВТОРЫ

**БЕЗРУКОВ,
Андрей
Николаевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Башкирского государственного университета
(Бирский филиал).
E-mail: in_text@mail.ru

**БУДНИКОВА,
Наталья
Николаевна**

– старший преподаватель Восточно-
Казахстанского государственного университета
им. С. Аманжолова (Казахстан,
Усть-Каменогорск).
E-mail: nbh177@mail.ru

**ВНУЧКОВА,
Татьяна
Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного медицинского
университета (Барнаул).
E-mail: t.vnuchkova@mail.ru

**ГРИГОРЬЕВА,
Татьяна
Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: annysten@yandex.ru

**ДУБИНЕЦ,
Зореслава
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Института педагогического образования и
менеджмента (филиал Крымского федерального
университета им. В.И Вернадского в
г. Армянске).
E-mail: zarina46@yandex.ru

**ИВАНОВА,
Марина
Геннадьевна**

– кандидат педагогических наук, профессор
Алматинского филиала Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов.
E-mail: orion-999@list.ru

**КАРАВАЕВА,
Екатерина
Михайловна**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного института
международных отношений.
E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru

**КИЖНЕР,
Инна
Александровна**

– старший преподаватель Сибирского
федерального университета (Красноярск).
E-mail: inna.kizhner@gmail.com

**КИРКОЛУП,
Ольга
Валерьевна**

– аспирант Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул).
E-mail: olga.kirkolup@gmail.com

**КЛУШИНА,
Наталья
Ивановна**

– доктор филологических наук, профессор
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: nklushina@mail.ru

**КОМИССАРОВА,
Людмила
Михайловна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: lkomissarova@yandex.ru

**ЛИПГАРТ,
Андрей
Александрович**

– доктор филологических наук, профессор
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: a_lipgart@mail.ru

**ЛЮЛИКОВА,
Анна
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент
Гуманитарно-педагогической академии (филиал
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского» в г. Ялте).
E-mail: lulav06@mail.ru

**МАРЬИНА,
Ольга
Викторовна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: marina_olvik@mail.ru

**НИКОЛАЕВА,
Анастасия
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: 9320078@mail.ru

**САВЕЛЬЕВ,
Виктор
Сергеевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: alfertinbox@mail.ru

- САФРОНОВА,**
Елена
Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: esafr@mail.ru
- СЕЛЕЗНЕВА,**
Лариса
Васильевна – кандидат филологических наук, доцент
Российского государственного социального
университета и Международного университета
(Москва).
E-mail: loramuz@yandex.ru
- СИДОРОВА,**
Марина
Юрьевна – доктор филологических наук, профессор
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru
- ТЕКЕНОВА,**
Ульяна
Николаевна – кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: tekenovau@mail.ru
- ХАЛИНА,**
Наталья
Васильевна – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: nkhalina@yandex.ru
- ХУББИТДИНОВА,**
Нэркэс
Ахметовна – ведущий научный сотрудник Уфимского
федерального исследовательского центра РВ.
E-mail: narkas08@mail.ru

**ХУДЕНКО,
Елена
Анатольевна**

– доктор филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: helenahudenko@mail.ru

**ШПИЛЬНАЯ,
Надежда
Николаевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: venata85@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 24.08.2018. Подписано в печать 30.08.2018. Дата выхода издания в свет 03.09.2018. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 381.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.

Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2018

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в постраничных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405–а, отв. секретарю журнала Клиник Евгении Игоревне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovnet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. **2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.